

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

Политология

Транзитологический концепт в политологическом дискурсе. Теоретический анализ

6

В. Егоров, Ч. Хугаев

В статье раскрывается состояние научной дискуссии по вопросу концепта транзитологии и обращается внимание на необходимость корректировки этого теоретического представления с учётом нерелевантности либерально-демократической универсалии и историко-культурного контекста демократической перспективы.

Российско-турецкие отношения в свете сирийского кризиса

25

В. Евсеев, Д. Харитоновна

Авторы анализируют исторические предпосылки российско-турецких противоречий, внешнеполитическую концепцию премьер-министра Турции А. Давутоглу и ранее данный «Национальный обет», который по-прежнему очерчивает возможные границы Турецкой Республики. Особое внимание уделено современным противоречиям Москвы и Анкары в свете сирийского кризиса.

Финансовые пружины международного терроризма и его угроза безопасности России. Политика международного террористического движения в отношении России (часть 2)

41

Е. Бирюков

Говоря о современной стратегии экспансии террористического движения в мире, в частности России, а также о взаимодействии международного терроризма

и ваххабизма, автор раскрывает политику ваххабитов в отношении Крыма, Татарстана и других регионов России. Приведены данные о внешнем финансировании ваххабистского движения в России.

Россия – Китай – Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы 56

С. Лузянин, Н. Семёнова

В статье анализируются проблемы развития транспортных и энергетических коридоров в регионе Центральной Азии в рамках китайского проекта «Один пояс – Один путь». Особое внимание уделяется проблемам и рискам в энергетической и транспортной сферах в свете российских интересов.

«Мягкая сила» в мировой политике. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике (часть 2) 67

М. Неймарк

Вторая часть статьи посвящена «умной силе» мягкого влияния в мировой политике. Автор анализирует эволюцию стратегического концепта Дж. Ная в контексте глобальных изменений XXI в.

Отечественный партогенез: состояние и развитие 78

Е. Шапошникова

В центре внимания автора современное состояние партийной системы России в рамках общественно-политических трансформаций общества и изменения взглядов политологов на институт политических партий и его место в политической системе.

Политическая культура российской молодёжи 84

В. Сушко

В статье рассматривается понятие политической культуры, показана роль современной молодёжи в политической жизни страны, приводятся данные пилотного исследования, посвящённого отношению студенческой молодёжи к политике и тех средств массовой информации, которые формируют у неё гражданскую позицию.

Право

Квалификация преступных действий российских граждан, воюющих на стороне ИГИЛ 93

А. Маякова

Автор предпринял попытку обратить внимание на проблемы квалификации преступных действий участников ИГИЛ по уголовному законодательству Российской Федерации.

Научная жизнь

«Оптимизация» высшего профессионального образования в России 110

О. Муштук

В статье речь идёт о проблемах высшего образования в России, связанных с очередным этапом его бесконечного реформирования, именуемым «оптимизацией», о целевой программе «укрупнения» одних вузов за счёт поглощения других и создания на этой основе так называемых «опорных» университетов в регионах – неких образовательных мегаструктур, которые, по мысли реформаторов, будут готовить специалистов и вести научные исследования на самом высоком уровне.

Содержание на английском языке 123***Уважаемые читатели!***

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесёнными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и учёной степени доктора наук. Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в указанный перечень.

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; БОЙКО Ю. П. – д. п. н., проф.; ВЕРЕЩАГИН Ю. А. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н.; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КОВНИР В. Н. – д. э. н., проф.; КОМАРОВ И. К. – д. э. н.; КРУГЛОВ В. В. – д. в. н., проф., генерал-майор; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; МАЙОРОВА Е. И. – д. ю. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н. проф.; ПАВЛЕНКО В. Б. – д. п. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯИС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕДА В. Н. – д. ю. н., проф.; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

АРИСТОВ В. В.	— доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б. А.	— доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А. П.	— доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
ГРИБ В. В.	— доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
ДЕЛЯГИН М. Г.	— доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
ЗОРИН В. С.	— доктор исторических наук, профессор, политический обозреватель МИА «Россия сегодня»
ИВАШОВ Л. Г.	— доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России, генерал-полковник
КРЕМЕНЮК В. А.	— доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
ЛАДЫГИН Ф. И.	— Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г. Л.	— кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
СУХАРЕВ А. Я.	— доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
ТИТАРЕНКО М. Л.	— доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН
ТОРКУНОВ А. В.	— доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО (У) МИД России, председатель РАС ООН
ЩЕРБАКОВ И. А.	— доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН
ЯКОВЛЕВ В. Ф.	— доктор юридических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации

© Институт стран СНГ

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: observer@ru.ru; observer-rau@yandex.ru.

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языках) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://observer.materik.ru>

Подробнее смотрите сайт ВАК:

<http://vak.ed.gov.ru>

Транзитологический концепт в политологическом дискурсе

Теоретический анализ

Владимир ЕГОРОВ
Чермен ХУГАЕВ

Теоретические представления, составляющие концепт транзитологии, содержат как отправной посыл утверждение универсальности и линейной эволюционности либерально-демократической перспективы общественного развития.

При этом следует различать понятия «транзит демократии» и «демократический транзит».

Если содержание первого предполагает видение демократизации как результата внешнего воздействия на политический строй суверенного государства с целью продвижения партикуляристского «демократического проекта», связанного с конкретным культурным опытом, то контент второго прежде всего нацелен на определение внутренней модернизации, связанной с качественной трансформацией режима от недемократического к демократическому.

Французский исследователь Г. Эрмэ назвал демократическим транзитом переход от авторитарного режима к институализации демократии. По его мнению, такой транзит заканчивается с созданием условий мирного перехода власти к новой политической силе.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель директора Института стран СНГ, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова. *E-mail:* korrka@mail.ru.

ХУГАЕВ Чермен Вазноевич – соискатель Московского государственного областного университета. *E-mail:* korrka@mail.ru.

Ключевые слова: демократия, демократический транзит, волны демократизации, либеральная демократия.

Обоснование демократической перспективы планетарной цивилизации впервые предпринял американский политолог С. Хантингтон [1]. Подмеченная С. Хантингтоном тенденция глобальной демократизации, органично конвергировала с идеями его предшественников О. Даннела, Ф. Шмиттера и Л. Уайтхеда, определившими контуры политологического дискурса «транзитологии»*.

Демократический транзит в концепции С. Хантингтона представлен в виде волнообразного процесса «прилива» и «отката» волн демократии.

Первую волну демократизации С. Хантингтон связывал со становлением демократических процедур в начале XIX в. в США, продолжавшейся до конца Первой мировой войны. Затем последовал «откат», отмеченный становлением фашизма в Италии, Германии и тоталитарного режима в СССР.

Вторая волна демократизации наступила после Второй мировой войны с восстановлением либерального порядка в Германии, Австрии и распространением демократического транзита на ряд развивающихся стран. Спадом второй волны С. Хантингтон считал становление авторитарных режимов в Греции, Южной Корее, Нигерии, на Филиппинах и т. д., происшедшего с середины 60-х годов прошлого столетия.

Третья волна, связанная с падением салазаровской диктатуры в Португалии в 1974 г., распростра-

нилась на Южную Европу (Испания, Греция), захватив Латинскую Америку и «накрыв» в конце 80-х годов коммунистический мир.

Не исключал С. Хантингтон и «отлива» современной волны демократизации. Среди факторов, способных инициировать деконструкцию глобальной демократизации, С. Хантингтон указал на следующие:

- депривация легитимности демократических режимов вследствие падения эффективности управленческих решений;

- экономический кризис, способный спровоцировать антидемократические движения в обществах;

- влияние на демократические страны со стороны тех субъектов международной политики, где не восторжествовали идеалы демократии;

- регенерация авторитарных форм правления адекватных историко-культурному опыту и общественному построению стран (олигархического авторитаризма, популистской диктатуры, авторитарного национализма, религиозного фундаментализма и др.);

- эффект «снежного кома», возникающего с проявлением авторитарных тенденций в демократических или демократизирующихся центрах мирового влияния;

- запаздывание институализации демократии в отдельных странах, капитализирующее влияние антидемократических тенденций.

В качестве препятствий демократического транзита российский ис-

¹ Huntington S. How Countries Democratize // Political Science Quarterly. 1991–92. Vol. 106. № 4.

* В 1986 г. эти авторы опубликовали книгу «Переход от авторитарного правления».

следователь А. Ю. Мельвиль указывает на «нормативное отношение к демократии как к декларируемому (пусть даже на практике редко во всей полноте реализуемому) идеалу и цели предполагаемых общественных преобразований» и западную цивилизационную идентичность известных моделей демократической перспективы [2].

И если упомянутые С. Хантингтоном причины «отката» демократии носят в большинстве своём универсальный характер и обуславливают антидемократический потенциал глобальных перемен, то обозначенные А. Ю. Мельвилем препятствия её продвижения особенно актуальны в контексте постсоветской политической реальности.

В отличие от С. Хантингтона Ф. Шмиттер посчитал необходимым выделить четыре волны демократии [3, 4].

Первую волну демократического транзита Ф. Шмиттер связывает с революциями 1848–1849 гг. в Европе, после которых наступила полоса восстановления авторитаризма в Германии, Австро-Венгрии и Франции.

Вторая волна демократии, в его представлении, развернулась после Первой мировой войны с развалом Германской, Австро-Венгерской и Российской империй и образова-

нием в Центральной и Восточной Европе независимых государств.

Отправными точками *третьей и четвёртой* волны демократизации, как и в концепции С. Хантингтона, приняты окончание Второй мировой войны и падение диктатуры в Португалии (1974 г.).

Большинство исследователей демократического транзита исходят из того неопровержимого факта, что его продвижение происходит «в совершенно разных и трудно сравнимых между собой контекстах» [2]. Разность в стартовых (к демократии) позициях акторов обуславливает, по мнению политологов, продолжительность и структурированность процесса их транзита, но тем не менее подчинённого определённой логике [5].

Например, Ф. Шмиттер полагает, что транзит к демократии последовательно проходит через три стадии: либерализацию, собственно демократизацию и социализацию демократии (в транскрипции других третья стадия именуется «консолидацией демократии»).

В период либерализации происходит институализация гражданских свобод при сохранении незыблемыми основ авторитарного режима с формально демократическими процедурами. Такой режим, по Ф. Шмиттеру, может существовать в условиях

² Мельвиль А. Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php>

³ Schmitter Ph. C. Neo-Corporatism and the Consolidation of Neo-Democracy, in Stein Ugelvik Larsen (ed.) The Challenges of Theory on Democracy. Boulder: Social Science Monographs/Columbia University Press, 2000.

⁴ Schmitter Ph. C., Karl T. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far East Should They Attempt to Go? // Slavic Review. 1994. Spring. Vol. 53. № 1.

⁵ Bova R. Political Dynamic of the Post-Communist Transitions: A Comparative Perspective // World Politics. 1991. October. Vol. 44. № 1.

отсутствия реальной политической оппозиции длительный период, в течение которого сохраняется опасность снижения темпов экономического роста и гражданских волнений.

Следующая стадия демократизации, согласно точке зрения А. Степана, вбирает в себя либерализацию и дополняется открытой конкуренцией за контроль над правительством, что предполагает свободу процедуры выборов. Если либерализация трансформирует взаимоотношения государства и общества, то демократизация меняет характер диалога с политическим сообществом. При этом А. Степан считает, что либерализация совсем необязательно перерастает в демократизацию. Важнейшим условием такого перерастания, по его мнению, является легализация оппозиции как субъекта публичной политики [6].

В свою очередь, «институализация демократических процедур, и прежде всего смены политической власти (чередования)», определяет «необходимые основы для возможной в последующем консолидации демократии», впрочем, не являющейся обязательным продолжением демократизации. Консолидация демократии, по мнению А. Ю. Мельвиля, вообще является трудно достижимым результатом транзита [2].

В соответствии с представлением Х. Линца и А. Степана, консолидация демократии проявляется в трёх уровнях:

– когда в стране не остаётся влиятельных политических сил, стремящихся деконструировать де-

мократический режим или инициировать сецессию;

– когда демократические институты воспринимаются населением как единственно возможные;

– когда субъекты политического процесса разрешают конфликты только в рамках закона и в соответствии с демократическими процедурами и институтами.

Один из корифеев современной политологии, Р. Даль, сформулировал пять допущений, которые могут способствовать демократизации. Основным допущением имплементации сформулированных аксиом Р. Даль считал достижение баланса сил между властными структурами и политической оппозицией.

«АКСИОМА 1. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой ожидаемые издержки такой терпимости снижаются.

АКСИОМА 2. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой возрастают ожидаемые издержки её подавления.

АКСИОМА 3. Чем больше издержки подавления оппозиции превышают издержки терпимого отношения к ней, тем выше вероятность, что политический режим станет конкурентным.

АКСИОМА 4. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к существованию оппозиции, возрастает, если ресурсы, доступные ему для подавления оппозиции, сокращаются в сравнении с ресурсами оппозиции.

⁶ Stepan A. (ed.). *Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation*. 1989. N. Y.: Oxford University Press.

АКСИОМА 5. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к существованию оппозиции, возрастает по мере сокращения его способности использовать насилие или социально-экономические санкции для её подавления» [7, с. 22, 59, 60].

Понимание необходимости толерантности по отношению к оппозиции со стороны власти, допускаемое Р. Далем, является следствием системных политических трансформаций, имеющих в его представлении сущностные качества «полиархии». Утверждая, что «ни одна крупная политическая система в реальности не является полностью демократической», Р. Даль определяет их как «полиархии» – «относительные» демократии или «режимы, в значительной мере затронутые процессами расширения народного участия и либерализации» [7, с. 288]. Согласно Р. Далю, достижение полиархии предполагает наличие обязательных институтов:

- выборности должностных лиц;
- честных, свободных и равных выборов;
- свободы выражения мнения;
- присутствия альтернативных источников информации;
- независимости общественных объединений;
- широкого вовлечения населения в политический процесс.

Средством продвижения демократии Дж. Шарп считает политическое неповиновение, под которым он

понимает «ненасильственную борьбу (протест, отказ в выполнении каких-либо действий, вмешательство), решительно и активно применяемую в политических целях». Как и Р. Даль, Дж. Шарп подчёркивает, что залогом успеха такой борьбы является наличие «множества неправительственных групп и институтов, независимых от государства» [8].

Вместе с тем актуальность концептуальных основ освобождения, по Дж. Шарпу, в научном дискурсе вызывает сомнение в связи с общим рефреном его книги, больше похожим на инструкцию по свержению «незападных режимов».

На установление зависимости демократического процесса от «институционального дизайна» ориентировано исследование О. Г. Харитоновой [9]. Проанализировав аргументы сторонников положения о том, что «парламентские системы устойчивее президентских и менее подвержены распадам» и их оппонентов, утверждающих, что парламентские демократии распадаются значительно чаще президентских, О. Г. Харитонова высказала предположение, что противоположность результатов, полученных авторами на основе эмпирического материала, явилась следствием произвольно «выбранных хронологических рамок исследований» и «выборы казусов».

Объективная оценка состояния дискуссии в этом вопросе привела авторов к солидарной с М. Гасиоров-

⁷ Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ГУ ВШЭ. 2010.

⁸ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. Институт Альберта Эйнштейна. 1994.

⁹ Харитонова О. Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. 2013. № 3.

ским и Т. Пауэром точке зрения: «выбор институтов вообще не связан с сохранением демократии» [10].

Справедливость такого взгляда на институциональную обусловленность демократического процесса подтверждает постсоветский процесс политической модернизации, который развёл стратегии совершенствования армянского и молдавского режимов в прямо противоположные направления.

Поиск пути выхода из политического кризиса в Молдавии идёт в русле от парламентской формы правления к президентскому, в Армении, напротив, итоги плебисцита 2015 г. свидетельствуют о желании граждан видеть свою страну парламентской и связывают с этим надежды на демократическую перспективу.

Институциональная консолидация, сопровождающая демократический процесс, стала основанием для выделения К. Джаггерсом и Т. Гарром двух типов транзита – согласованного и несогласованного [11]. В понимании этих исследователей второй тип характеризуется отсутствием сложившихся в момент транзита необходимых демократических институтов.

В контексте институциональной парадигмы, по мнению Б. Я. Гельмана, «идеальная демократия предста-

ёт как конкуренция акторов в рамках формальных институтов» [12].

Несмотря на то что в политической литературе имеются попытки концептуализации третьего этапа транзита – консолидации демократии, в целом его содержание и характеристики не преодолели формат, обозначенный А. Пшеворски как «институционализируемая неопределённость». Сам А. Пшеворски так говорит об этой демократической перспективе: «Демократия становится консолидированной, когда в данных политических и экономических условиях определённая система институтов становится единственно возможной (*the only game in town*)» [13].

Политологи Х. Линц и А. Степан определили институты, о которых говорил А. Пшеворски, в контексте перспективы консолидации демократии. В качестве таковых исследователи указали на:

«1) гражданское общество (взаимодействие государства с независимыми общественными группами и объединениями);

2) политическое общество (демократические процедуры и институты);

3) правовое государство;

4) эффективный государственный аппарат (бюрократия, которую может использовать в своих целях новая демократическая власть);

¹⁰ Power T. J., Gasiowski M. J. Institutional design and democratic consolidation in the Third world // Comparative political studies. 1997. April. Vol. 30. № 2.

¹¹ Post-Communist transformations: the countries of Central and Eastern Europe and Russia in comparative perspective / ed. by H. Tadayuki, O. Atsushi // URL: http://srch.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no21_ses/contents.html

¹² Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. Политические исследования. 2001. № 1.

¹³ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge University Press, 1991. P. 28.

5) экономическое общество (т. е. система социальных институтов и норм, выступающих посредниками между государством и рынком)» [14].

Воспользовавшись намеченными Х. Линцем и А. Степаном ориентирами («сферами», «аренами») продвижения демократического процесса до институционального (консолидированного) состояния, М. А. Петрухина попыталась выяснить их обусловленность «конституционным дизайном» стран «третьей волны» [15]. Использование количественных методов анализа позволило автору прийти к следующему заключению: «Даже более интересным, чем отсутствие ожидаемой связи между конституционным дизайном и консолидацией демократии, стало то, что эмпирические данные не подтверждают изначальное предположение об „общей судьбе“ государств третьей волны, напротив, характер рассеивания показателей консолидации говорит о существенных различиях в значении критериев» [15, с. 227].

Логика, вытекающая из анализа эмпирических данных, подвела М. А. Петрухину к выводу «о том, что ведущую роль в политическом процессе государств третьей волны демократизации, особенно в тех сферах, которые оцениваются в широких и трудно определяемых рамках политической консолидации, игра-

ют неформальные институциональные ограничения, а совершенно другие, вероятнее всего самобытные для большинства стран, практики. С этой точки зрения процесс консолидации демократии в государствах третьей волны имеет смысл изучать на примере отдельных, а не межстрановых исследований, выявляя внутреннюю логику функционирования политической системы» [15, с. 227–228].

Справедливое суждение М. А. Петрухиной о том, что не институциональный дизайн, а «самобытные практики» определяют темпы и содержание демократизации, следует дополнить указанием на трансцендентность внешнего фактора продвижению демократии, направленному к «телосу» (А. Ю. Мельвиль). Конечно, экзогенный фактор (международные институты, инкорпорирование в единое наднациональное правовое пространство, как в случае со странами Балтии) может создать благоприятные условия демократического транзита [16], но не инспирировать демократию, не заменить эндогенные факторы, определяющие как в целом транзитный потенциал, так и достижение демократическим процессом зрелых значений.

Экспорт демократии как средство реализации партикулярных интересов не имеет реальной модернизационной перспективы. Об этом свидетельствует опыт внешнего «раска-

¹⁴ Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London: JHU Press, 1996.

¹⁵ Петрухина М. А. Конституционный дизайн и консолидация демократии в странах третьей волны демократизации // Политическая наука. 2012. № 3.

¹⁶ Merkel W. The Consolidation of Post-Autocratic Democracies: A Multi-Level Analysis – Democratization. Autumn. 1998.

чивания майданной стихии» на Украине или «неуправляемый хаос» после «арабской весны».

Мало того, попытки «подвинуть» демократический процесс через создание неукоренённых структур и институтов приводит к появлению «демократических симуляторов» не менее эфемерных, чем те, что составляют «декорацию» незападных режимов, находящихся в «серой зоне».

Например, активно инициируемые и спонсируемые зарубежными фондами организации гражданского общества (ОГО) Армении в 90-е годы прошлого столетия оказались фактически не способными возглавить «гражданскую инициативу», разворачивающуюся последние годы в стране, и не пользуются доверием населения. В результате, несмотря на усилия их активистов, ОГО остались не интегрированными в современное гражданское движение Армении, развивающееся в неформальном русле.

По данным опроса, проведённого экспертами в 2014 г., 66,7% граждан не участвуют в организованных гражданских акциях (демонстрациях, петициях и т. д.); 75% не являются участниками общественных организаций; 54% считают, что гражданское общество слабо влияет или не влияет вообще на решение социальных проблем; 58% сомневаются в возможности его влияния на принятие политических решений. При этом 41% респондентов предпочитает неиерархизированные каналы консолидации – социальные сети Интернета [17].

Несмотря на наличие отдельных попыток концептуализации, этап

консолидации демократии остаётся ноуменом политологии и общественной практики, по выражению А. Ю. Мельвиля, по «очевидной причине» редко встречающегося (а точнее, не встречающегося вовсе) такого «исхода демократического транзита».

Оценивая релевантность определения стадии консолидированной демократии, В. А. Ковалёв сравнивает его с идеологией «развитого социализма» [18].

Как ни алогично, но отсутствие ясного представления о демократической перспективе не препятствует тому, что «сам процесс учреждения демократических институтов и процедур проанализирован транзитологами довольно полно и соответствующим образом концептуализирован в различных – прежде всего структурных и процедурных моделях» [18].

А. Ю. Мельвиль предложил расширить когнитивный потенциал исследования консолидации демократии за счёт методологической схемы: «воронки причинности, позволяющей интегрировать структурный (актуализирующий объективные предпосылки демократии) и процедурный (постулирующий приоритет стратегий акторов, инициирующих демократию) исследовательские подходы». На стадии либерализации демократический процесс представлен А. Ю. Мельвилем в виде сужающейся «горловины воронки», агрегирующей факторы и процедуры от макро- к индивиду-

¹⁷ Гражданское общество Армении / сост. Г. Мартиросян, Л. Акопян, М. Тадевосян // URL: [http://www.civicus.org/images/civicus Armenia-Policy-Brif pdf](http://www.civicus.org/images/civicus%20Armenia-Policy-Brif.pdf)

¹⁸ Ковалёв В. А. Демократизация и неравенство: Судьба российских регионов в процессе глобализации // Политическая наука. 2004. № 1.

ально-психологическому микроуровню, и, напротив, на этапе консолидации в виде нарастающего от микроуровня «восхождения от процедурных индивидуальных действий к организованным политическим взаимодействиям, формированию социально-классовых факторов и далее – структурных обстоятельств социоэкономического и культурно-целостного контекста, государственных и нациообразующих факторов и, наконец, появлению позитивно влияющей внешней среды» [2].

Однако и концепция А. Ю. Мельвиля не прояснила вопроса, связанного с сущностной характеристикой этапа зрелой консолидированной демократии. Очевидность этого для самого автора обусловила его определение демократии как «процесса развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур» [19].

В политологической литературе не только собран большой эмпирический материал, характеризующий демократический транзит, но имеется и опыт его типологизации.

Например, Ф. Шмиттер и Т. Карл считают возможным выделить четыре модели демократизации:

- «навязанный переход»;
- «пактированный переход»;
- «реформистский»;
- «революционный» [4].

Модель «навязанного перехода» предполагает принуждение акторов политического процесса признать демократические институты. В от-

дельных сценариях «навязанного перехода» демократический транзит инициируют реформистские политики, контролирующие государственные структуры. Однако намного чаще эти силы утрачивают возможность продвижения демократии и конечные результаты преобразований существенно редуцируют содержание первоначальных проектов общественного развития.

Вторая модель демократического транзита (о которой как наиболее вероятной для постсоветских стран говорит А. Ю. Мельвиль) – «пактированный переход». Основным характерным признаком этого типа транзита является наличие договора, пакта, соглашения, который появляется в элитной среде бывшего авторитарного режима на основе консенсуса с силами, ранее отстранёнными от политического участия.

Третья, «реформистская», модель продвижения демократии связана с активной политической инициативой, исходящей снизу. Именно давление со стороны активных граждан заставляет властную элиту предпринимать шаги в сторону демократизации общества.

И наконец, *четвёртый тип транзита – «революционный»* – имеет потенциальную опасность расширения властных полномочий, ставящих под сомнение демократическую перспективу политических групп, пришедших к власти.

Многообразие форм транзита отмечал Г. Эрмэ. По аналогии с «пактированным» Г. Эрмэ говорит о воз-

¹⁹ Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999. С. 17

возможности практически аналогичного по семантике «договорного» перехода к демократии. Такой переход, по его мнению, позволяет достигать консенсуса интересов тех, кто не поддерживает реформы, и тех, кто их инициирует.

В предложенной констелляции демократии Г. Эрмэ много общего с содержанием «навязанного перехода», «демократии сверху» как формы транзита, инициированного политической элитой, но имеется и оригинальное отличие – обязательная поддержка народом.

Третья форма перехода – «совместно управляемая демократия», по Г. Эрмэ, сопоставима с охарактеризованным «реформистским» типом демократизации [20].

За рамки типологизации сформированной в пределах либерально-демократической перспективы выходит презентация демократизации Г. И. Вайнштейна, который трактует транзит «как процесс выхода того или иного общества из авторитарного состояния, критерием завершенности которого отнюдь не является обретение поставторитарным обществом какой-то одной заданной, эталонной формы» [21].

На важность использования элементов традиционной культуры

в институционализации демократического транзита и диверсификации его форм без абсолютизации либеральной обращал внимание исследователей отечественный политолог Л. В. Сморгунов [22].

Значение «цивилизационного» контекста демократического транзита, содержание которого «является результатом особых исторических и культурных условий», отметил в своей статье С. Вонсович [23].

О необходимости учёта транзитологами «национальных особенностей и специфики каждой страны, её традиций и культуры» говорит А. Н. Данилов [24].

Разнообразие национальных условий демократизации логично привело исследователей к расширительной трактовке транзитологии как субдисциплины сравнительной политологии, изучающей «закономерности многообразных и разнонаправленных политических трансформаций современности», которая «не ставит своей целью построение общеприменимой и универсальной матрицы». «Центральные для этой субдисциплины понятия транзита (от лат. – *transitus*) объединяет любые по форме и содержанию процессы (выд. – Авт.) перехода от прежне-

²⁰ Эрмэ Г. Введение: эпоха демократии? // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1. С. 18.

²¹ Вайнштейн Г. И. Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» // Политические институты на рубеже тысячелетий. XX–XXI в.: Сб. ст. / отв. ред. К. Г. Холодковский. Дубна: Феникс+, 2001. С. 430.

²² Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб.: СПбУ, 1999. С. 165

²³ Вонсович С. Политический транзит: вариативность подходов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 56.

²⁴ Данилов А. Н. Постсоветская трансформация: уроки для будущего // Социология. 2005. № 4. С. 20.

го, недемократического, состояния к иному» [25].

Актуализация в транзитологическом дискурсе национального и культурно-исторического контекста стала основанием теоретического направления демократического релятивизма – подхода, «в соответствии с которым демократия несводима к единому образцу и наполняется в каждой стране специфическим культурно-цивилизационным содержанием» [26].

Принятое для этого теоретического подхода определение (демократического релятивизма) адекватно отражает состояние когнитивного процесса только в части, не содержащей агностицизма. Демократия как социальная идея и общественная практика имеет не только познавательную, но и исторически обусловленную сущность. Агностицизм в познании и недостижимость совершенных форм в демократической практике являются неизбежными только в моделях социальной перспективы, связанных с партикулярным культурным опытом или констелляции демократии как статичного порядка, достигшего предела совершенства.

Связывая демократическую перспективу исключительно с западным культурным опытом, К. С. Гаджиев считает, что «демократию можно рассматривать как некоторый локальный феномен, возник-

ший на определённом отрезке истории Запада, и в этом смысле она также носит преходящий характер, как, впрочем, и множество других феноменов, казавшихся вечными, но исчезнувших в густом тумане истории» [27]. Социальную альтернативу демократии политолог видит в расширяющемся информационном пространстве, преодолевающем формальные границы и установления.

Безусловно, такая позиция поддерживает «эсхатологический» исход западной демократии, основанной на политическом участии масс, ограничивающемся формальной процедурой выборов, но противоречит взгляду на информационную революцию как средство социализации власти, также расширяющей своё присутствие в коммуникационном пространстве.

Очевидно, что и транзитология, замкнутая в пределы определённой культурной идентичности, исчерпала свои познавательные возможности. При этом в более широком цивилизационном контексте продвижения к порядку, раскрывающему перспективу массового политического участия, транзитология обладает неисчерпаемым когнитивным потенциалом.

Нельзя сказать, что все исследователи разделяют точку зрения относительно нерелевантности

²⁵ Мельвиль А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 67.

²⁶ Чихарев И. А. Масштабы и ритмы демократизации // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 58.

²⁷ Гаджиев К. С. Перспективы демократии в век информационной революции // Власть. 2014. № 8. С. 20.

унифицированного подхода к определению демократической перспективы движения к модели политического порядка западного образца. По-прежнему многие политологи отождествляют содержание феномена демократии исключительно с либерально-демократической моделью общественного развития.

Так, рефреном статьи Т. П. Лебедевой стало утверждение соредатора *Journal of Democracy* М. Платтнера: «Когда мир говорит о демократии, это почти всегда означает либеральную демократию, т. е. тип политического устройства, который существует в Соединённых Штатах и в большинстве других экономически развитых странах» [28].

Вместе с тем доводы автора в утверждении норм либеральной демократии в качестве единственно возможных ориентиров политической трансформации постсоветских государств не выглядят убедительно. На вопрос Т. П. Лебедевой «Почему же либеральная демократия в настоящее время не может быть ориентиром для политического развития поставторитарных обществ и качественным критерием в оценке этого развития?», многие отечественные и зарубежные общественеды дали глубокие и аргументированные ответы.

В частности, система «сдержек и противовесов», ограничивающая «компетенции исполнительной

власти и её подотчётность», всё больше сдаёт свои позиции под напором доминирующей тенденции преобладания этой ветви власти [29]. Отсутствие внятных средств противодействия абсентеизму, получившему в странах Запада широкое распространение, является аргументом, ставящим под сомнение ещё одну норму либеральной демократии – «регулярные конкурентные выборы», о которой говорит Т. П. Лебедева. Аксиологическая несостоятельность «защиты прав культурных, этнических, конфессиональных и других меньшинств» в контексте общественной практики либерально-демократического порядка доказательно отражена многими исследователями, в частности Е. В. Клименко [30].

Нисходящий тренд «каналов выражения и представительства интересов и ценностей граждан в виде партий» отмечен в современной политологии [31].

Справедливые сомнения инициирует не только общественная практика, демонстрирующая недостатки и деструкции норм либеральной демократии, которые, кстати, отмечает и Т. П. Лебедева («страны либеральной демократии, безусловно, не идеальны»), но и идеалы, на которых основывается эта модель общественного развития.

²⁸ Лебедева Т. П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 77.

²⁹ Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический контракт? // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 31.

³⁰ Клименко Е. В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 138.

³¹ Dalton R. J., Weldon S. A. Public images of political parties: A necessary evil? // West European Politics. Routledge, 2005. November. Vol. 28. № 5.

«Свобода, равенство и братство», которые декларируют апологеты демократического выбора, начиная с европейских просветителей, всё более расходятся с идеалами либеральной демократии, абсолютизирующей свободы и права личности. Идеалы либерализма, сыгравшие выдающуюся роль в развитии человеческой цивилизации на определённом историческом этапе, когда шло высвобождение творческого, созидательного потенциала личности из оков средневековой схоластики, испытывают депривацию в современных условиях Постмодерна, актуализирующих консолидацию творчества (в том числе политического) активного большинства и расширения сферы публичной политики.

При этом следует отметить, что высказанные Т. П. Лебедевой мысли не отличаются оригинальностью. На пять лет раньше, на страницах того же периодического издания, поделился своими идеями на этот счёт старший исследователь Гуверовского института и соредатор журнала *Journal of Democracy* Л. Даймонд, который описал «свойства» идеального проекта «либеральной демократии», объявив другие «псевдodemократиями».

В качестве таковых он назвал:

«1. Реальная власть принадлежит – как фактически, так и в соответствии с конституционной теорией – выборным чиновникам и назначаемым ими лицам, а не свободным от контроля (со стороны общества) внутренним акторам (например, военным) или зарубежным державам.

2. Исполнительная власть ограничена конституционно, а её подотчётность обеспечивается другими правительственными институтами (независимой судебной властью, парламентом, омбудсменами, генеральными аудиторами).

3. В либеральной демократии не только не predetermined заранее результаты выборов, не только при проведении последних велика доля оппозиционного голосования и существует реальная возможность периодического чередования партий у власти, но и ни одной придерживающейся конституционных принципов группе не отказано в праве создавать свою партию и принимать участие в избирательном процессе (даже если „заградительные барьеры“ и другие электоральные правила не позволяют малым партиям добиваться представительства в парламенте).

4. Культурным, этническим, профессиональным и др. меньшинствам, равно как и традиционно дискриминируемым группам большинства не запрещено (законом или на практике) выражать собственные интересы в политическом процессе и использовать свой язык и культуру.

5. Помимо партий и периодических выборов, имеется множество других постоянных каналов выражения и представительства интересов и ценностей граждан. Такими каналами являются, в частности, разнообразные автономные ассоциации, движения и группы, которые граждане свободны создавать и к которым вправе присоединяться.

6. В дополнение к свободе ассоциации и плюрализму, существуют альтернативные источники информации, в том числе независимые средства массовой информации, к которым граждане имеют неограниченный (политический) доступ.

7. Индивиды обладают основными свободами, включая свободу убеждений, мнений, обсуждения, слова, публикации, собраний, демонстраций и подачи петиций.

8. Все граждане политически равны (хотя неизбежно различаются по объёму находящихся в их распоряжении политических ресурсов), а упомянутые выше личные и групповые свободы эффективно защищены независимой, внепартийной судебной властью, чьи решения признаются и проводятся в жизнь другими центрами власти.

9. Власть закона ограждает граждан от произвольного ареста, изгнания, террора, пыток и неоправданного вмешательства в их личную жизнь

со стороны не только государства, но и организованных антигосударственных сил» [32].

Отмеченные Л. Даймондом «свойства» адекватно описывают некий идеал политического порядка, но не западную повседневность. Такие не воспринимаются в качестве очевидных даже западными политологами [33]. При этом в концепции либеральной демократии Л. Даймонда присутствует ещё один важный акцент на «власть закона». Вряд ли правомерно отрицать наличие в странах Запада правового порядка. Однако так же неправомерно связывать его наличие с обязательными признаками демократического процесса. Тотальность правового порядка не является культурным завоеванием Запада, но продуцирована другим важным институтом западной цивилизации – частной собственностью (которая, кстати, окончательно не сложилась в современной России).

Взаимообусловленность частной собственности и правового порядка отмечал основатель австрийской экономической школы Л. фон Мизес [34].

В свою очередь, правовой порядок и частная собственность составляют конституирующие основы западной цивилизации. Тонкий взгляд историка экономики Д. Лэндиса уловил эту особенность Запа-

да, предлагая свой рецепт мер, направленных на развитие: «1) защита частной собственности, чтобы поощрять накопление и инвестиции; 2) гарантия личных свобод... против как злоупотреблений тирании, так и... против преступных посягательств и коррупции; 3) обеспечение свободы договора; 4) стабильное правительство... руководствующееся общеизвестными правилами; 5) ответственное правительство; 6) честное правительство... не извлекающее какой-либо выгоды из своего положения; 7) умеренное, эффективное, неалчное правительство... которое сдерживает рост налогов и как можно меньше претендует на чистый доход общества» [35].

Качества (абсолютизация частной собственности и правового режима), составляющие социальный порядок стран, интегрированных англосаксонским культурным опытом, при этом являются важнейшим условием функционирования либеральной демократии западного образца.

Таким образом, страны и народы, чей исторический путь не воспроизводит таких предпосылок (принимая во внимание доводы апологетов либеральной демократии), либо лишены демократической перспективы, либо такая связана с определением собственной парадигмы демократического транзита

³² Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 13–14.

³³ Крауч К. Постдемократия. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

³⁴ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 33.

³⁵ Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель, Corpus, 2013. С. 485.

и его содержания. С этой точки зрения не корректна даже постановка проблемы сравнения демократического транзита «Чехии и Туркменистана, Словении и Таджикистана, Белоруссии и Эстонии», обозначенной А. Ю. Мельвилем [36].

Логика, утверждающая либерально-демократическое целеполагание транзита, во-первых, ограничивает вариативность общественного устройства западной моделью, во-вторых, в связи с неадекватностью этой модели современным трендам развития планетарной цивилизации ставит под сомнение возможность перехода от авторитаризма к демократии вообще.

Практический поиск адекватных направлений политической модернизации уже вносит коррективы в стратегию унифицированной западной перспективы. Например, актуальность артикуляции китайской идентичности в связи с курсом, ориентированным на новую роль этой страны в современном миропорядке, обусловила необходимость определения собственной социальной стратегии, отличающейся от либерально-демократической парадигмы.

В газете «Жэньминь жибао» на этот счёт высказался директор Института национального учения при Университете Цинхуа профессор Чэнь Лай, который обозначил концептуальный формат политических трансформаций, предполагающий верховенство ответственности над личной свободой, долга над правами, коллективных интересов над индивидуальными.

Официальное одобрение указанных национальных приоритетов развития получило после 13-й коллективной учёбы Политбюро ЦК КПК 18-го созыва (февраль 2014 г.). На учёбе Си Цзиньпин отметил, что поиск «ценностных воззрений» должен опираться на традиционную китайскую культуру.

В качестве важнейших традиционных ценностей китайский лидер назвал: «учить гуманности и человеколюбию», «внимательно относиться к народу как основе», «соблюдать доверие», «почитать справедливость», «возвышать гармонию», «стремиться к Великому единению» [37].

Перспективу достижения западной модели развития поставили под сомнение и в Казахстане.

Лидер нации Н. Назарбаев в статье «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» (2012 г.), заявил: «Сегодня стала очевидной иллюзорность концепции потребительского общества, которая была широко распространена с 60-х годов прошлого столетия.

Сегодня весь мир с особой остротой убедился, что эта идеология потребления оказалась губительной. Она породила массовое социальное иждивенчество в развитых странах мира и является одной из главных причин глобального кризиса.

Этой ложной идее, которая никак не может быть реализована не только во всём мире, но даже в развитых странах, можно найти конструктивную альтернативу. И такой альтернативой является идея Общества Всеобщего Труда. Здесь не изобретается никакой специфической идеологии.

В конечном счёте все ценности мировой цивилизации, все экономические и культурные богатства создаются человеческим трудом, а не виртуальными финансовыми институтами. Поэтому именно реальный производительный труд мы и должны

³⁶ Мельвил А. Ю. Демократические транзиты // Политология: Лексикон / под ред. А. И. Соловьёва. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123.

³⁷ Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. 2015. № 5.

поставить в основу нашей политики социальной модернизации» [38].

Ориентация транзита на достижение западной модели демократического порядка содержит ограниченность сужающую перспективу цивилизационного развития рамками одного, пусть даже выдающегося, культурного опыта, препятствует осмыслению демо-

кратии как процесса, лишённого стабильности и развивающегося вслед за нарастающей социальной сложностью.

По этому поводу К. Б. Макферсон пишет: «Слишком легко, используя единую модель, перекрыть пути в будущее; слишком легко прийти к мысли, что либеральная демократия, коль скоро мы её достигли, и неважно, какими стадиями, застыла в своём настоящем виде» [39].

Таким образом, нерелевантность концепции глобальной демократизации, основанной на тотальности западной модели либеральной демократии, не является свидетельством исчерпанности когнитивного потенциала транзитологии как субдисциплины сравнительной политологии, а является основанием, *во-первых*, диверсификации представления о демократии вообще как политическом порядке, обеспечивающем широкое участие масс в политическом процессе и принятии решений, *во-вторых*, поиска структурных, в том числе социальных факторов конструирования механизма демократического перехода, адекватного историческому и культурному контексту.

При этом дальнейшее развитие транзитологии должно интегрировать предыдущий исследовательский опыт, давший работающий инструментарий, теоретическое определение стадий, позволяющее представить демократизацию как преемственный процесс, наполняющий её архитектуру на каждой последующей ступени качественно новым содержанием.

Представленный транзитологией путь даёт возможность оценить степень детерминированности демократического транзита факторами различной природы, начиная с уровня экономического развития, институционального дизайна и заканчивая предпосылками, актуализированными культурно-историческим опытом и национальной ментальностью.

Усилия предшественников-транзитологов позволили увидеть демократический транзит в его системной сложности, включающей несколько уровней, в том числе поведенческий и самый высокий – «макрополитический».

Опыт транзитологических изысканий в то же время свидетельствует о контрпродуктивности стратегии, ориентированной на выработку универсальных сценариев демократического перехода, тем более ограниченных форматом партикулярного опыта.

³⁸ URL: <http://www.zakon.kz/4501497-socialnaja-modernizacija-kazakhstan.html>

³⁹ Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: ГУ ВШЭ, 2011. С. 17.

Библиография • References

- Ачкасов В. А.* Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 30–37.
[*Achkasov V. A.* Tranzitologija – nauchnaja teorija ili ideologičeskij konstrukt? // Polis. Politicheskie issledovanija. 2015. № 1. S. 30–37]
- Вайнштейн Г. И.* Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» // Политические институты на рубеже тысячелетий. XX–XXI в.: Сб. ст. / отв. ред. К. Г. Холодковский. Дубна: Феникс+. 2001. С. 410–443.
[*Vajnshtejn G. I.* Rossijskij tranzit i problema tipologičeskogo raznoobrazija «global'noj demokratizacii» // Politicheskie instituty na rubezhe tysjačeletij. HH–HHI v.: Sb. st./ otv. red. K. G. Holodkovskij. Dubna: Feniks+. 2001. S. 410–443]
- Вонсович С.* Политический транзит: вариативность подходов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 55–60.
[*Vonsovich S.* Politicheskij tranzit: variativnost' podhodov // Vestnik VGU. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija. 2015. № 1. S. 55–60]
- Гаджиев К. С.* Перспективы демократии в век информационной революции // Власть. 2014. № 8. С. 19–27.
[*Gadzhiev K. S.* Perspektivy demokratii v vek informacionnoj revoljucii // Vlast'. 2014. № 8. S. 19–27]
- Гельман В. Я.* Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 15–29.
[*Gel'man V. Ja.* Postsovetskie politicheskie transformacii (Nabroski k teorii) // Polis. Politicheskie issledovanija. 2001. № 1. S. 15–29]
- Гражданское общество Армении/ сост. Г. Мартиросян, Л. Акопян, М. Тадевосян // URL: [http://www.civicus.org/images/civicus Armenia-Policy-Brif pdf](http://www.civicus.org/images/civicus%20Armenia-Policy-Brif.pdf)
[*Grazhdanskoe obshhestvo Armenii/ sost. G. Martirosjan, L. Akopjan, M. Tadevosjan // URL: http://www.civicus.org/images/civicus Armenia-Policy-Brif pdf]*
- Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 10–25.
[*Dajmond L.* Proshla li «tret'ja volna» demokratizacii? // Polis. Politicheskie issledovanija. 1999. № 1. S. 10–25]
- Даль Р. А.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: ГУ ВШЭ. 2010. – 288 с.
[*Dal' R. A.* Poliarhija: uchastie i oppozicija. M.: GU VShJE. 2010. – 288 s.]
- Данилов А. Н.* Постсоветская трансформация: уроки для будущего // Социология: Научно-теоретический журнал. 2005. № 4. С. 19–27.
[*Danilov A. N.* Postsovetskaja transformacija: uroki dlja budushhego // Sociologija: Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2005. № 4. S. 19–27]
- Клименко Е. В.* Интеграция и различия. О гражданской нации в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 131–143.
[*Klimenko E. V.* Integracija i razlichija. O grazhdanskoj nacii v Rossii // Polis. Politicheskie issledovanija. 2015. № 6. S. 131–143]
- Ковалёв В. А.* Демократизация и неравенство: Судьба российских регионов в процессе глобализации // Политическая наука. 2004. № 1. С. 30–45.
[*Koval'ov V. A.* Demokratizacija i neravenstvo: Sud'ba rossijskih regionov v processe globalizacii // Politicheskaja nauka. 2004. № 1. S. 30–45]
- Крауч К.* Постдемократия. М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 192 с.
[*Krauch K.* Postdemokratija. M.: GU VShJE, 2010. – 192 s.]
- Лебедева Т. П.* Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 76–84.
[*Lebedeva T. P.* Liberal'naja demokratija kak orientir dlja posttotalitarnyh preobrazovanij // Polis. Politicheskie issledovanija. 2004. № 2. S. 76–84]

- Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 138–152.
- [Lomanov A. Obshhij znamenatel' nacji // Rossiya v global'noj politike. 2015. № 5. С. 138–152]
- Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 174 с.
- [Mak'ferson K. B. Zhizn' i vremena liberal'noj demokratii. M.: GU VSHJE, 2011. – 174 s.]
- Мельвил А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999.
- [Mel'vil' A. JU. Demokraticheskie tranzity (teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty). M., 1999]
- Мельвил А. Ю. Демократические транзиты // Политология: Лексикон/ под ред. А. И. Соловьёва. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123–134.
- [Mel'vil' A. JU. Demokraticheskie tranzity // Politologija: Leksikon/ pod red. A. I. Solov'eva. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN), 2007. S. 123–134]
- Мельвил А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 64–75.
- [Mel'vil' A. JU. O traektorijah postkommunisticheskikh transformacij // Polis. Politicheskije issledovanija. 2004. № 2. S. 64–75]
- Мельвил А. Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php>
- [Mel'vil' A. JU. Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i procedurnogo podhodov k demokraticheskim tranzitam // URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php>]
- Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. – 416 с.
- [Mizes L. Socializm. Jekonomicheskij i sociologicheskij analiz. M.: Catallaxy, 1994. – 416 s.]
- Петрухина М. А. Конституционный дизайн и консолидация демократии в странах третьей волны демократизации // Политическая наука. 2012. № 3. С. 214–247.
- [Petruhina M. A. Konstitucionnyj dizajn i konsolidacija demokratii v stranah tret'ej volny demokratizacii // Politicheskaja nauka. 2012. № 3. S. 214–247]
- Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб.: СПбУ, 1999. – 376 с.
- [Smorgunov L. V. Sravnitel'naja politologija: teorija i metodologija izmerenija demokratii. SPb.: SpbU, 1999. – 376 s.]
- Фергюсон Н. Империя: Чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель, Corpus, 2013. – 560 с.
- [Fergjuson N. Imperija: Chem sovremennyj mir objazan Britanii. M.: Astrel', Corpus, 2013. – 560 s]
- Харитонов О. Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. 2012. № 3. С. 199–213.
- [Haritonova O. G. Prezidentstvo i demokratija: sostojanie diskussii // Politicheskaja nauka. 2012. № 3. S. 199–213]
- Чихарев И. А. Масштабы и ритмы демократизации // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 54–64.
- [Chiharev I. A. Masshtaby i ritmy demokratizacii // Polis. Politicheskije issledovanija. 2009. № 3. S. 54–64]

- Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. Институт Альберта Эйнштейна. 1994. – 72 с.
 [Sharп Dzһ. Ot diktatury k demokratii. Konceptual'nye osnovy osvobozhdenija. Institut Al'berta Jeјnshteјna. 1994. – 72 s.]
- Эрмэ Г.* Введение: эпоха демократии? // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1.
 [Jermje G. Vvedenie: jepoha demokratii? // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1991. № 1]
- Bova R.* Political Dynamic of the Post-Communist Transitions: A Comparative Perspective // World Politics. 1991. October. Vol. 44. № 1. P. 113–138.
- Dalton R. J., Weldon S. A.* Public images of political parties: A necessary evil? // West European Politics. Routledge, 2005 November. Vol. 28. № 5. P. 931–951.
- Huntington S.* How Countries Democratize // Political Science Quarterly. 1991–92. Vol. 106. № 4. P. 579–616.
- Linz J. J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London: JHU Press, 1996. – 504 p.
- Merkel W.* The Consolidation of Post-Autocratic Democracies: A Multi-Level Analysis – Democratization. Autumn, 1998. P. 33–67.
- Post-Communist transformations: the countries of Central and Eastern Europe and Russia in comparative perspective/ ed. by H. Tadayuki, O. Atsushi // URL: http://srch.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no21_ses/contents.html
- Power T. J., Gasiorowski M. J.* Institutional design and democratic consolidation in the Third world // Comparative political studies. 1997. April. Vol. 30. № 2. P. 123–155.
- Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge University Press, 1991. – 228 p.
- Schmitter Ph. C.* Neo-Corporatism and the Consolidation of Neo-Democracy, in Stein Ugelvik Larsen (ed.) The Challenges of Theory on Democracy. Boulder: Social Science Monographs/Columbia University Press, 2000.
- Schmitter Ph. C., Karl T.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far East Should They Attempt to Go? // Slavic Review. 1994. Spring. Vol. 53. № 1. P. 173–185.
- Stepan A.* (ed.). Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation. 1989. N. Y.: Oxford University Press. – 424 p.
 URL: <http://www.zakon.kz/4501497-socialnaja-modernizacija-kazahstana.html>

Российско-турецкие отношения в свете сирийского кризиса

Владимир **ЕВСЕЕВ**
Дарья **ХАРИТОНОВА**

Некоторые исторические предпосылки современных противоречий

Российско-турецкие противоречия зародились достаточно давно.

Так, в 1783 г. русская армия захватила Крым, который ранее входил в состав Османской империи. В дальнейшем турки пытались сдерживать русских как самостоятельно, так и в составе европейских альянсов*. Тем не менее в течение XIX в. к Российской империи присоединились значительные территории Кавказа.

Серьёзный по значимости исторический инцидент произошёл в начале Первой мировой войны.

Тогда два немецких военных корабля: линейный крейсер «Гебен» и лёгкий крейсер «Бреслау» укрылись в бухте Стамбула, тем самым избежав столкновения с британским флотом. После секретных переговоров они были фиктивно проданы Османской империи и в октябре 1914 г. вместе с отрядом турецких военных кораблей напали на Новороссийск, Одессу и Севастополь. Как следст-

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ. *E-mail:* vlad.evseev@gmail.com; *SPIN-код:* 3792-0060.

ХАРИТОНОВА Дарья Викторовна – научный сотрудник отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, аспирант кафедры политологии и права МГОУ. *E-mail:* dariahar09@gmail.com; *SPIN-код:* 7555-4681.

Ключевые слова: «Национальный обет», крымские татары, курдская проблема, российско-турецкие противоречия, сирийский кризис.

* Крымская война 1853–1856 гг. стала самой успешной попыткой сдерживания Российской империи на южных рубежах при участии британских, французских и османских вооружённых сил.

вие, в ноябре того же года император Николай II объявил войну султану Мехмеду V Решаду. Тем самым первоначально сохранявшие нейтралитет турки оказались втянутыми в Первую мировую войну, положившей конец существованию Османской, Российской и Австро-Венгерской империй.

Современные очертания Турецкой Республики в основном были определены к 1923 г., за исключением протяжённой границы с Северным Ираком (Курдистаном.) В 1926 г. Британская империя провела эту границу с учётом собственных нефтяных интересов. В Стамбуле сделали вид, что с этим согласны. В дальнейшем Турция проводила достаточно осторожную внешнюю политику по заветам её основателя М. К. Ататюрка: «Мир дома, мир за пределами страны. Никаких авантур» [1].

Тем не менее перед Второй мировой войной у Турции появился исторический шанс расширить свою территорию. Так, в 1938 г. на выборах в Национальное собрание Александреттского санджака* большинство получили представители турецкой общины, что позволило в сентябре того же года провозгласить независимую Республику Хатай. Отметим, что на указанной территории этни-

ческие турки не составляли большинства населения [2]. Однако после так называемого «всенародного референдума», подавленного кемалистами и санкционированного Францией, для которой был крайне важен нейтральный статус Турции во Второй мировой войне, Хатай стал турецким вилайетом. После этого из него начался массовый отток арабов, армян, а также представителей других этноконфессиональных групп. Возникшая между Анкарой и Дамаском напряжённость сохранялась до середины 2000-х годов.

Вплоть до конца Второй мировой войны Турция сохраняла нейтралитет, балансируя между Великобританией и гитлеровской Германией.

В частности, 18 июня 1941 г. между Турецкой Республикой и Германией был подписан пакт о дружбе и ненападении. Более того, с 15 октября по 5 ноября 1941 г. высокопоставленные турецкие представители (начальник военной академии А. Ф. Эрден, отставной генерал Х. Э. Эркилет) посетили оккупированные территории СССР и встречались с советскими военнопленными тюркского происхождения.

По рекомендации Нури-паши, одного из лидеров пантюркистского движения, именно из них были сформированы Туркестанский и Волжско-Татарский легионы [3].

¹ Стоун Н. Не стоит провоцировать Россию/ Интернет-проект «ИноСМИ. RU». 8 декабря 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151208/234714547.html>

² Белякова Н. Крым и российско-турецкие отношения // Обозреватель–Observer. 2015. № 1. С. 22.

³ Мухамеджанов И. Планировала ли Турция нападение на СССР во время Второй мировой войны? / Информационно-аналитический федеральный портал «Islam-Today.Ru». 7 мая 2014 г. // URL: <http://islam-today.ru/istoria/planirovala-li-turcia-napadenie-na-sssr-vo-vremavtoroj-mirovoj-vojnuy>

* Александреттский санджак до Первой мировой войны был частью Османской империи. Согласно Мудросскому перемирию, а затем итогам Парижской мирной конференции (1919 г.), он стал частью Сирии, которая в 1922 г. являлась подмандатной территорией Франции. Для Турции Александреттский санджак имел важное значение, так как там находился порт Искендерун, обеспечивающий стратегическое положение на Средиземном море.

В таких условиях Советский Союз был вынужден держать свои войска вблизи границы с Турцией, что объективно работало на нацистов.

В феврале 1945 г. правительство Турецкой Республики объявило войну Германии и Японии. Однако, учитывая вышеизложенное, Советский Союз вышел из Парижского договора (1925 г.) о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией.

В начале августа 1946 г. советское руководство направило в Анкару официальную ноту, требуя «коллективного» контроля над Босфором и Дарданеллами. Подкрепляли это требование манёвры советского Военно-морского флота вблизи турецких берегов и размещение в Закавказье около 30 дивизий. СССР также располагал мощной группировкой войск в Болгарии и Румынии, где были созданы советские военные базы.

Турки были вынуждены обратиться к США и Великобритании за военной помощью. Тогда удалось избежать вооружённого конфликта, но территориальные претензии Москвы к Анкаре были официально отменены только после смерти И. Сталина (1953 г.). Несколько ранее, в феврале 1952 г., Турция вступила в военно-политический блок НАТО.

Вашингтон оказал Анкаре существенную финансовую помощь в рамках плана Маршалла. Турецкая Республика получила доступ на европейский рынок, и, что исключительно важно, для неё был открыт рынок труда Германии [1]. Помимо этого, тысячи турок прошли обучение на Западе. Это всё больше отдаляло Турцию от Советского Союза. Однако наше государство старалось выстраивать партнёрские отношения, избегая конфронтации.

Ситуация принципиально изменилась после распада Советского Союза, когда Турция при непосредственной поддержке США попыталась установить свой контроль над государствами Центральной Азии. Но ей не хватило ресурсов, поэтому экономическая экспансия в этот регион была в значительной степени свёрнута, большее внимание стало уделяться вопросам культурного сотрудничества. Основанием для этого служило то, что все центральноазиатские государства, за исключением Таджикистана, принадлежали к так называемому тюркскому миру.

Внешнеполитическая концепция А. Давутоглу

В 2001 г. была основана Партия справедливости и развития (ПСР), которая в следующем году победила на парламентских выборах. И она остаётся партией долгожительницей на политическом олимпе Турции вплоть до настоящего момента.

После прихода к власти ПСР в качестве главного внешнеполитического ориентира провозгласила политику «стратегической глубины»

и сведения к нулю напряжённости в отношениях с соседними государствами.

В фундаментальном труде А. Давутоглу, ныне премьер-министра страны, «Стратегическая глубина» излагается геостратегическое видение Турции в постбиполярном мире. В частности, автор предлагает опираться на историческую мощь турецкого народа, начиная с основания Османской империи. По его мнению, государство в своих внешнеполитических устремлениях руководствуется геострате-

гическим положением и историческим наследием («геостратегической глубиной») [4].

Давутоглу утверждает, что существует геополитический код государства, который может в определённых условиях активизироваться при геополитической трансформации мироустройства. Он выделяет четыре разряда (типа) государств:

- супердержава;
- великая держава;
- региональная держава;
- малое государство.

Как утверждается, внешняя политика Турции была перенесена в четвёртый разряд государств из-за своей пассивности.

По мнению А. Давутоглу, Турецкая Республика обладает уникальным геостратегическим положением, что присуще только «центральной державам», чей геополитический код не может ограничиваться ролью третьего разряда региональной державы. Основанием для этого служит то, что Турция обладает несколькими региональными идентичностями, являясь одновременно европейской, балканской, ближневосточной, азиатской, кавказской, среднеазиатской, средиземноморской и черноморской державой.

Следовательно, Турция должна влиять на события в соседних регионах и осуществлять интегральную и многомерную политику.

«Уникальное сочетание нашей истории, географии приносит с собой ответственность. Чувство долга поднимается из самых глубин истории Турции и вызывает к внесению активного вклада в разрешение конфликтов, поддержания международного мира и безопасности» [4].

В предложенной внешнеполитической концепции А. Давутоглу указывает, что для преодоления эпохи внешнеполитической инерции и становления региональной и великой державой потребуется политическая воля национальной элиты и возврат к богатому опыту имперского прошлого. Он также отмечает, что у Турции для этого есть все ресурсы: выгодное стратегическое положение, экономическая, военная, демографическая мощь и сила духа. Таким образом, была поставлена цель превратить Турцию в «великую державу», что требовало существенного расширения её влияния на все близлежащие государства.

Давутоглу также сделал вывод о том, что будущее принадлежит новому миропорядку. При этом, как он считает, особую роль получит «турецкий» ислам, который спасёт арабов от влияния Запада. Следовательно, Анкара должна проводить политику исламизации на территории Евразии, опираясь на «мягкую силу» (*soft power*) во внешней политике.

Стоит отметить, что концепции А. Давутоглу предшествует так называемый «Национальный обет», принятый в 1919 г. на конгрессах в Сивасе и Эрзуруме, а затем ратифицированный последним меджлисом (парламентом) Османской империи (1920 г.). Этот документ очерчивал границы будущего турецкого государства за счёт включения в его состав некоторых территорий Ирака, Сирии, Кипра, Болгарии

⁴ Дергачёв В. Турецкая геополитика. Доктрина «ноль проблем с соседями» и Realpolitik // Молдавский журнал международного права и международных отношений. Кишинёв, 2015. № 4. С. 161.

и других Балканских стран, Грузии и Армении. Фактически «Национальный обет» не имеет срока действия, поэтому он и сейчас воспринимается частью турецкой эли-

ты как руководство к действиям, т. е. оправдание вмешательства в дела соседних суверенных государств (например, Ирака и Сирии) [5].

Недавнее российско-турецкое прошлое

Следует обратить внимание на то, что, несмотря на значительные противоречия в прошлом, вплоть до ноября 2015 г. российско-турецкие отношения развивались достаточно успешно. Во многом этому способствовали личные контакты лидеров двух стран. Так, уже в декабре 2002 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган совершил свой визит в Москву для встречи с президентом В. Путиным. В результате удалось сформировать прочную договорно-правовую базу двухсторонних отношений, которая сейчас включает более 80 договоров и соглашений.

Одним из ключевых направлений сотрудничества между нашими странами стала сфера энергетики.

Ещё 15 декабря 1997 г. в Турцию по газопроводу «Голубой поток», проложенному по дну Чёрного моря, начал поступать из России природный

газ [6, с. 165]. В настоящее время Турция занимает среди покупателей российского природного газа второе место после Германии (27,3 млрд куб. м в год).

Существуют предварительные договорённости по строительству другого газопровода – «Турецкий поток», которые могут сделать Турецкую Республику «газовым хабом» для Европы.

Однако это стало крайне проблематичным из-за сбитого (24 ноября 2015 г.) над территорией Сирии российского фронтового бомбардировщика Су-24 турецким истребителем F-16.

В связи с этим аналитик из Турции В. Оздемир отмечает, что «турецкий лидер в своих действиях заходит слишком далеко, так как Турция импортирует из России 55% газа и 10% нефти. В газовой сфере невозможно дифференцировать поставки в одночасье. На это уйдёт время. Эта реальность не представляется особо приятной для Турции» [7].

Стоит отметить, что на территории Турции реализуется ещё один энергетический проект – строительство атомной электростанции «Аккую»*.

⁵ Аватков В. А., Белокреницкий В. Я., Гринюк В. А. [и др.]. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / отв. ред. Д. В. Стрельцов. М.: Аспект-пресс, 2013.

⁶ Исмаил Т. Турция – Россия: необходимость возобновления двухстороннего диалога // Молдавский журнал международного права и международных отношений. Кишинёв, 2015. № 4.

⁷ Гурьев А. А. Ситуация в Турции: ноябрь 2015 / Институт Ближнего Востока. 23 декабря 2015 г. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=26982>

* В 2010 г. было подписано межправительственное соглашение России и Турции по сотрудничеству в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке Аккую в районе г. Мерсин. Проект первой турецкой АЭС включает в себя четыре реактора типа ВВЭР мощностью по 1,2 Гвт каждый. В апреле 2015 г. прошла церемония по закладке фундамента морских сооружений АЭС «Аккую». Начало строительства АЭС намечено на конец 2016 г., стоимость проекта составляет более 20 млрд долл., которые предоставляет российская сторона. Их возврат планируется осуществить после ввода в эксплуатацию АЭС «Аккую».

Несмотря на политические противоречия в сирийском конфликте, министр энергетики и природных ресурсов Турции Б. Албайрак сообщил, что соглашения по обязательствам и строительству АЭС выполняются обеими сторонами.

Серьёзные отношения в сфере энергетики способствовали тому, что между Россией и Турцией наблюдался высокий уровень двустороннего товарооборота, который в 2014 г. достиг 33 млрд долл. При этом, как отмечают эксперты, российский экспорт превалирует над турецким импортом в четыре раза [8]. В основном Россия поставляет в Турцию углеводо-

родное сырьё, металлургическую продукцию и зерновые культуры, преимущественно в виде пшеницы.

Отдельного рассмотрения заслуживает туристическая сфера. До последнего времени граждане России тратили на отдых в Турции порядка 5 млрд долл., а также активно инвестировали в местную недвижимость. Этому способствовал безвизовый въезд на территорию страны.

Помимо этого, между Российской Федерацией и Турецкой Республикой динамично развивались культурные связи и контакты в рамках публичной дипломатии [9].

«Платформа мира и стабильности на Кавказе»

Следует заметить, что между нашими странами предпринимались попытки установления военно-политического сотрудничества. Это проявилось в августе 2008 г. после завершения «пятидневной войны» в Южной Осетии и Абхазии, когда качественно изменился геополитический ландшафт Южного Кавказа. В таких условиях Анкара заявила о себе как о возможном центре силы, арбитра и посреднике в разрешении региональных конфликтов.

Так, 11 августа 2008 г. премьер-министр Турецкой Республики и лидер правящей Партии справедливости и развития Р. Эрдоган не только высказался в пользу скорейшего мирного разрешения кон-

фликта между Грузией и Россией, но также заявил о необходимости формирования Кавказского альянса [10].

13 августа премьер-министр Турции Р. Эрдоган совершил визит в Москву, где провёл встречу с президентом РФ Д. А. Медведевым. Тогда же был озвучен тезис о необходимости создания «Платформы мира и стабильности на Кавказе»*. Согласно замыслу турецкого премьер-министра, «Платформа» должна была объединить пять государств (Россию, Грузию, Армению, Азербайджан и Турцию) в рамках единой системы региональной безопасности. А в сентябре 2008 г. состоялся визит президента Турции А. Гюля в Ереван.

По мнению армянского эксперта Д. Петросяна, турецкий проект не мог быть эффективным без полноценного участия в нём Ирана: «Мы, конечно,

⁸ Газ как фактор сближения / Kaspi. 2015. 2 декабря // URL: <http://kaspiy.az/news.php?id=34294#>. VmxZqNjNMWZ

⁹ Ягья В., Пономарева Е. Научное сотрудничество – форма и метод публичной дипломатии // Обзоратель–Observer. 2015. № 8. С. 78.

¹⁰ Маркедонов С. Турецкий марш на Кавказ / Интернет-издание «Полит. ру». 25 сентября 2008 г. // URL: <http://polit.ru/article/2008/09/25/tur>

* Р. Эрдоган считал, что «в первую очередь „Платформа“ должна иметь географическую основу... преследовать цель установления мира и безопасности в регионе, обеспечения экономического сотрудничества и энергетической безопасности». При этом Р. Эрдоган полагал, что «данная „Платформа“ должна опираться на принципы ОБСЕ».

понимаем, что в Анкаре хотели свести роль своего геополитического оппонента в регионе к минимуму и отправить Тегеран на „политические задворки“. Но как быть с тем обстоятельством, что Иран имеет границу с Арменией и Азербайджаном протяжённостью свыше 660 км. Между тем протяжённость границ Турции с Азербайджаном, Арменией и Грузией короче более чем на 100 км. Почему же Иран не может быть участником „Платформы мира и стабильности на Кавказе“, а Турция может?» [10].

Отметим, что проект Анкары заинтересовал все расположенные в регионе страны. Однако иранский дипломат К. Зарех отметил, что формат «3+3» (т. е. три государства Южного Кавказа, а также Россия, Турция и Иран) был бы гораздо более продуктивным [10].

Таким образом, в августе 2008 г. Турция предложила свой геополитический проект для Кавказа. Теперь помимо существующих, конкурирующих между собой и дополняющих друг друга проектов («Большой Ближний Восток», «Расширенное Черноморье», «Новое европейское добрососедство», евразийская интеграция) в регионе появился ещё

один – турецкая «Платформа мира и стабильности на Кавказе».

В последующие годы в регионе произошла серьёзная трансформация, вследствие которой турецкая «Платформа мира и стабильности» потеряла свою актуальность. Так, 17 декабря 2015 г. в Стамбуле состоялась очередная, вторая за 2015 г., трёхсторонняя встреча министров обороны Азербайджана, Грузии и Турции. Начало такому формату встреч было положено в августе 2014 г., когда стороны договорились о проведении совместных заседаний для углубления военно-политических отношений трёх стран.

Однако, как отмечает армянский эксперт Дж. Меликян, «за истекшие два года турецко-азербайджанскому тандему так и не удалось склонить официальный Тбилиси к созданию подобия тройственного военно-политического союза с совместными вооружёнными формированиями» [11].

Причины этого состоят в том, что в Тбилиси не забывают о территориальных претензиях Турции и не хотят создавать дополнительных проблем с Арменией.

Российско-турецкие противоречия

На фоне хороших перспектив в области энергетики, торговли и туризма российско-турецкие отношения в политической сфере постепенно ухудшались. Особенно ярко это проявилось весной 2014 г. после воссоединения Крыма с Россией. При-

чём для Анкары был важен не столько факт смены национально-государственного статуса полуострова Крым, сколько потенциальная возможность в будущем аннексии этой территории по примеру Республики Хатай, на что некоторые пред-

¹¹ Меликян Дж. Обзор ситуации в Грузии в декабре 2015 г. (внешняя политика) / Научно-образовательный фонд «Нораванк». Ереван, 20 января 2016 г. // URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14370

ставители турецкой элиты всё ещё надеялись.

Президент Турции Р. Эрдоган заявил, что никогда не признает Крым в составе Российской Федерации. Причём среди других стран – членов НАТО Турецкая Республика заняла по этому вопросу наиболее непримиримую позицию. Как следствие, стала разыгрываться так называемая крымско-татарская карта, что проявилось, например, в апреле 2015 г., когда Крым посетила турецкая делегация. Целью визита последней был заявлен мониторинг положения крымских татар.

Более того, Анкара поддерживает самопровозглашённый Меджлис крымско-татарского народа, который в реальности выражает интересы не более 15% татар, проживающих в Крыму. Под негласным прикрытием со стороны Службы безопасности Украины руководители этой организации в лице Р. Чубарова и М. Джемилева взяли курс на создание в Херсонской области четырёх разведывательно-диверсионных батальонов для действий против законной власти в Крыму. Их сторонники не исключают саму возможность отторжения части территории Херсонской области от Украины [12].

Активизация противоправной деятельности Меджлиса крымско-татарского народа по блокаде полу-

острова Крым началась 20 сентября 2015 г., накануне того, когда Воздушно-космические силы (ВКС) России начали военную операцию в Сирии. По-видимому, эта деятельность была согласована с турецкой стороной. Подтверждением этого может служить личная встреча М. Джемилева с президентом Р. Эрдоганом, которая состоялась 17 декабря 2015 г. в одном из отелей г. Конья (Турция.) Знаменательно, что в ней принял участие заместитель премьер-министра страны Я. Акдоган [13].

Другим достаточно чувствительным элементом в российско-турецких отношениях является проблема геноцида армян в Османской империи.

24 апреля 2015 г. торжественные мероприятия, посвящённые 100-летию этого события, посетил в Ереване президент России В. Путин. Реакция на это турецкого руководства была крайне отрицательной. Тем не менее Москва попыталась выйти из сложившейся ситуации, отправив одновременно председателя Государственной думы России С. Нарышкина на памятные события, посвящённые 100-летию Галлиполийского сражения (или битвы при Чанаккале, как его называют турки).

После уничтожения вооружёнными силами Турции российского боевого самолёта в Государственную думу России был внесён законопро-

¹² Дмитриев П. Турция руками Меджлиса создаёт аналог Косова на границе с Крымом / Интернет-издание «Фонд стратегической культуры». 23 декабря 2015 г. // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/12/23/turcia-rukami-medzhliisa-sozdaet-analog-kosova-na-granice-s-krymom-37559.html>

¹³ В Турции Эрдоган провёл встречу с Джемилевым / Информационный сайт «Гордон». Киев. 24 января 2016 г. // URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/V-Turcii-Erdogan-provel-vstrechu-s-Dzhemilevym-111380.html>

ект о криминализации факта отрицания геноцида армян в Османской империи. По мнению армянского эксперта Р. Мелконяна, этот вопрос стал одним из предметов торга на международной арене. Ранее это было характерно, например, для США и Израиля, теперь России. Причём эксперт убеждён, что если бы не произошёл инцидент со сбитым российским самолётом (это была созна-

тельная провокация с турецкой стороны), то не было и соответствующего законопроекта [14].

В связи с этим турецкий исследователь О. Санберк отмечает, что процесс создания взаимного доверия остался незавершённым, так как Россия и Турция так и не стали *problem solution partners*, иными словами, «партнёрами, решающими проблемы» [15].

Негативное влияние сирийского конфликта

Турция, как и Саудовская Аравия, как и Катар, по-прежнему пытается свергнуть президента Сирийской Арабской Республики (САР) Б. Асада с помощью радикальных организаций как, например, «Исламское государство»*. В этом случае с высокой степенью вероятности произойдёт распад САР как единого государства, что позволит Турции претендовать на часть сирийской территории. По этой причине президент Р. Эрдоган, как минимум, не препятствовал перемещению через турецко-сирийскую границу боевиков, оружия и боеприпасов, а также финансовых и других материальных средств в интересах радикальной сирийской оппозиции.

Для России главным приоритетом является сохранение Сирии и обеспечение там безопасности, что требует ликвидации (нейтрали-

зации) радикалов-исламистов. Для этого Вооружённые силы России оказывают сирийской национальной армии авиационную, разведывательную, техническую и ограниченную артиллерийскую поддержку. Одновременно идёт процесс обучения сирийских военнослужащих и насыщение армии современными системами оружия. Это позволит не только (ориентировочно к апрелю 2016 г.) добиться перелома на поле боя в сторону сирийской национальной армии, но существенно снизить террористическую угрозу для самой России. Кроме того, падение нынешней сирийской власти могло бы нанести урон российским региональным интересам.

Изначально страны Запада безоговорочно поддерживали сирийскую оппозицию в расчёте на неизбежную смену правящего в САР режима.

¹⁴ Лидеры Турции руководствовались логикой продавца восточного рынка / Интернет-проект «ИноСМИ. RU». 4 декабря 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151204/234683839.html>

¹⁵ Ковалёв В. И. К итогам круглого стола «Влияние турецко-российского кризиса: многомерные дебаты» / Институт Ближнего Востока. 26 декабря 2015 г. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=27019>

* Деятельность «Исламского государства» запрещена на территории Российской Федерации.

Ныне они по-прежнему настаивают на уходе президента Б. Асада, но после формирования переходного правительства. Такое изменение их позиции обусловлено усилением террористической активности в Европе и возникновением там миграционного кризиса. Поэтому на первый план выходит борьба с «Исламским государством», а не свержение власти Б. Асада.

Очевидно, что участники возглавляемой США антитеррористической коалиции не готовы к масштабному вводу в Сирию собственных войск, а одними авиационными ударами эту проблему не решить. Ставка же американцев на сирийских курдов, как и местных арабов-суннитов, себя не оправдала. В таких условиях победу над сирийским филиалом ИГ может обеспечить только сирийская национальная армия.

Меняющиеся приоритеты объективно подталкивают Запад к сотрудничеству с Россией, которая уже прочно закрепилась в САР и оказывает значительную помощь

правительству Б. Асада в политической и военной сферах. Всё это практически исключает победу в Сирии оппозиции вооружённым путём, что служит основанием для мирного урегулирования на основе межсирийского диалога.

Однако стратегия президента Турции Р. Эрдогана по отношению к Сирии осталась неизменной. С одной стороны, Анкара ведёт борьбу против сирийских курдов, которые достаточно эффективно сражаются с боевиками ИГ и других радикальных организаций, а с другой – Турция по-прежнему негласно поддерживает радикалов-исламистов, включая представителей ИГ, пытаясь с их помощью контролировать значительные территории Сирии и Ирака.

Но самой серьёзной проблемой для Анкары остаётся перспектива предоставления сирийским курдам широкой автономии. Поэтому правительство Р. Эрдогана пытается сдерживать сирийских курдов, в том числе используя армию [16].

Российско-турецкое военное противостояние

В течение всего 2015 г. военное противостояние России и Турции постоянно нарастало. В частности, повышение активности Черноморского флота и Военно-воздушных сил России, с одной стороны, и НАТО – с другой, в условиях про-

должающегося украинского кризиса привело к нескольким инцидентам, в том числе с участием боевых кораблей Турции*. Во избежание излишней конфронтации в Чёрном море Турция, по некоторым данным, даже вывела часть своей черномор-

¹⁶ Гурьев А. А. Ситуация в Турции: декабрь 2015 г. / Институт Ближнего Востока. 6 января 2015 г. / URL: <http://www.iimes.ru/?p=27093>

* Серьёзный инцидент произошёл в марте 2015 г., когда во время учебного вылета для отработки бомбового удара российские самолёты провели имитацию налёта на ракетный крейсер USS *Vicksburg* и турецкий фрегат TGG *Turgutreis*.

ской эскадры в Индийский океан [17].

К лету Россия существенно увеличила своё военное присутствие в Эгейском море и начала патрулирование восточной части Средиземного моря. Одновременно усилилась активность на пункте материально-технического обеспечения Военно-морского флота (ВМФ) России в сирийском порту Тартус. Начиная с августа российские корабли стали осуществлять регулярные рейсы в порты Тартус и Латакия. Это вызывало в Турции всё большее беспокойство. Так, по мнению главнокомандующего её сухопутными войсками Х. Акара, страна оказалась «внутри огненного кольца» [17].

Особую тревогу в Анкаре вызвало начало операции ВКС России в Сирии, так как существенно повышалась возможность инцидентов в воздухе.

Это произошло уже 3 октября, когда российский боевой самолёт случайно нарушил воздушное пространство Турции. На его перехват были подняты два турецких истребителя.

Посла России в Турции А. Карлова вызвали в МИД Турецкой Республики. Тогда с российской стороны было заявлено, что имела место навигационная ошибка. Затем министр иностранных дел Турции Ф. Синирлиоглу* позвонил своему российскому коллеге С. Лаврову, чтобы довести до него турецкие правила применения оружия при нарушении государственных границ.

4 октября российский многоцелевой истребитель МиГ-29 приблизился к турецкому воздушному пространству со стороны Сирии, что было зафиксировано ВВС Турции.

На следующий день российский боевой самолёт, вновь приблизившись к границе, вёл наблюдение за восемью турецкими истребителями, патрулировавшими границу со стороны Турции [17].

Турция созвала внеочередное совещание НАТО, после которого генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг назвал действия России «преднамеренными». Администрация США выступила с заявлением, в котором повторяющиеся нарушения турецкой границы** были названы «провокацией». Государственный секретарь США Дж. Керри подчеркнул, что эти инциденты могут привести к эскалации нынешней ситуации. Со своей стороны, МИД России предложило создать совместную российско-турецкую рабочую группу, состоящую из высокопоставленных представителей военных ведомств, чтобы эффективно координировать воздушные операции в Сирии.

Как утверждают в Анкаре, атака турецких ВВС на российский боевой самолёт, которая произошла 24 ноября 2015 г., не должна была стать неожиданностью для российской стороны. Российские боевые самолёты периодически пересекали воз-

¹⁷ Унвер А. Столкновение империй / Интернет-проект «ИноСМИ. RU». 30 ноября 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/military/20151130/234634594.html>

* После внеочередных парламентских выборов 1 ноября должность министра иностранных дел занял М. Чавушоглу, который был назначен 17 ноября 2015 г.

** На самом деле имело место всего одно нарушение воздушного пространства Турции (3 октября 2015 г.). Однако Анкара по собственному усмотрению установила следующее: территории, отходящие в глубь Сирии от турецко-сирийской границы на 10 км, являются зоной её безопасности. Поэтому полёт боевых самолётов даже над этой территорией стал расцениваться турецким правительством как нарушение границы страны.

душное пространство Турции, т. е. подходили к границе Турции на расстоянии менее 10 км, поэтому Анкара считала необходимым реагировать.

Эти так называемые Турцией нарушения с российской стороны носили вынужденный характер, что определялось условиями географического положения аэродрома Хмеймим в Латакии и розой ветров.

В частности, основное направление ветра на востоке Средиземноморья в этом сезоне заставляло российских пилотов заходить на посадку с севера провинции Латакия, где сирийско-турецкая граница образует подобие узкого вытянутого мыса*.

Накануне этих трагических событий (23 ноября) Анкара попыталась созвать экстренное заседание Совета Безопасности ООН по вопросу ударов ВКС России по сирийским туркменам (туркоманам). 20 ноября российский посол А. Карлов был вновь вызван в МИД Турции, где ему выразили протест против авиаударов российских боевых самолётов по северо-западным территориям Сирии [6, с. 166].

Заметим, что это первый случай за 62 года, когда вооружёнными силами государства – члена НАТО был сбит советский (российский) боевой самолёт. И это при том, что для

предотвращения подобных инцидентов было создано три линии:

- прямая связь между министерствами обороны России и Турции,
- прямая линия на уровне министерств обороны России и США (на основе специального меморандума),
- связь на уровне НАТО – Россия [18].

По мнению турецкого эксперта О. Гафарлы, Турция неоднократно предупреждала российскую сторону о недопустимости нарушения её воздушных границ.

В Анкаре указывают, что российский боевой самолёт был сбит в месте, которое имеет важное значение для Турецкой Республики. На саммите «Большой двадцатки» в Анталии турецкая сторона пыталась довести свою позицию до российского руководства: по мнению турецкого исследователя Т. Исмаила, Сирия для Турции играет ту же роль, что и для России Украина: естественная сфера влияния [6, с. 166].

Во время последовавшего телефонного разговора министров иностранных дел России и Турции С. Лаврова обосновал необходимость полёта российского фронтового бомбардировщика Су-24 тем, что там находилась «инфраструктура террористов» (склады оружия и боеприпасов, командные пункты). На это премьер-министр Турции А. Давутоглу заявил: «Мы предупреждали, что будем принимать все виды мер по вопросу наруше-

¹⁸ Крейчи О. Самым большим риском для нас являются некоторые союзники по НАТО/ Интернет-проект «ИноСМИ. RU». 1 декабря 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151201/234641223.html>

* Ширина данного участка составляет 2 км, и российские самолёты его периодически пересекали. В Анкаре знали, что российские самолёты, действуя в обычном режиме, на несколько секунд нарушают воздушное пространство Турции. Москва брала на себя ответственность за них, однако ситуация не выходила за рамки дипломатического процесса. Помимо этого, российские пилоты совершали свои вылеты по сирийским картам, и эта территория отмечена как сирийская, тогда как у Анкары данный участок указан в составе Турции.

ний. Я лично дал Генеральному штабу необходимые распоряжения» [19].

В качестве ответной меры Вооружённые силы России в максимально короткие сроки развернули на аэродроме Хмеймим зенитно-ракетный

комплекс С-400 «Триумф», который закрыл воздушное пространство как близлежащих районов САР, так и некоторых районов сопредельных государств, включая Турцию. Фактически это позволило России создать там бесполётную зону.

Экономические последствия турецкой провокации

Президент России В. В. Путин 28 ноября 2015 г. подписал Указ «О мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции».

В соответствии с этим документом:

- с 1 января 2016 г. в отношении Турции приостанавливается безвизовый режим;
- запрещаются чартерные рейсы, что означает остановку массового потока российских туристов;
- вводятся ограничения на ввоз в Российскую Федерацию установленной номенклатуры турецких товаров (за исключением товаров, ввозимых для личного пользования в объёме, разрешённом ЕАЭС);
- ограничивается деятельность турецких компаний на российской территории;
- вводится запрет для работодателей России на привлечение с 1 января 2016 г. работников из числа граждан Турции (это не распространяется на тех, кто уже имеет действующие трудовые контракты или вид на жительство в РФ).

По оценкам турецкой оппозиции, ущерб экономики Турции от введённых с российской стороны санкций может составить от 8,5 до 12,2 млрд долл. [20]

Некоторые эксперты характеризуют экономическую ситуацию в Турции как предкризисную, что привело, например, к снижению темпов экономического роста до 3% от размера валового внутреннего продукта (ВВП) в год (с начала 2000-х и до кризиса 2008 г. экономика Турции росла в среднем по 6,8% ВВП в год).

Российский исследователь И. Стародубцев отмечает, что Турция остро нуждается в новой «истории успеха» [21].

В частности, существенно снизилась платёжеспособность местного населения. Безработица, по официальным данным, достигла 10% (по неофициальным – 16%) [21]. Помимо этого, в 2015 г. наблюдалась внутривнутриполитическая нестабильность, поэтому курс национальной валюты за год упал на

¹⁹ Кыванч У. Нужно ли было сбивать российский самолёт? / Интернет-проект «ИноСМИ. RU». 30 ноября 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151130/234626258.html>

²⁰ Турецкая оппозиция подсчитала возможный ущерб от российских санкций / Интернет-издание «Лента. ру». 21 декабря 2015 г. // URL: http://lenta.ru/news/2015/12/21/damage_for_turkey

²¹ Стародубцев И. И. К вопросу об экономическом положении Турецкой Республики / Институт Ближнего Востока. 6 января 2015 г. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=26921>

30% по отношению к доллару и на 10% по отношению к евро.

Следует заметить, что явным недостатком российско-турецких отношений за последние годы была их излишняя персонифицированность, когда практически всё определялось личными отношениями В. Путина

и Р. Эрдогана. При этом не уделялось должного внимания даже работе с основными политиками из правящей Партии справедливости и развития, не говоря уже о представителях оппозиционных партий или общественных организаций, этноконфессиональных и этносоциальных групп.

Таким образом, отношения России и Турции сейчас находятся в достаточно сложном положении: экономические отношения продолжают ухудшаться, а политический диалог возобновить крайне трудно, в том числе из-за неурегулированности сирийского кризиса.

Существуют сомнения, что президенты России В. В. Путин и Турции Р. Эрдоган готовы к «перезагрузке» двусторонних отношений из-за отсутствия взаимного доверия. Но среди других турецких политиков Москве практически не на кого опереться.

В таких условиях следует ожидать как минимум сохранения нынешних российско-турецких противоречий на ближайшие два года.

Библиография • References

- Аватков В. А., Белокреницкий В. Я., Гринюк В. А.* [и др.]. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / отв. ред. Д. В. Стрельцов. М.: Аспект-пресс, 2013. – 318 с.
- [*Avatkov V. A., Belokrenickij V. Ja., Grinjuk V. A.* i dr. Territorial'nyj vopros v afro-aziatskom mire / отв. red. D. V. Strel'cov. M.: Aspekt-press, 2013. – 318 s.]
- Белякова Н.* Крым и российско-турецкие отношения // *Обозреватель–Observer*. 2015. № 1. С. 17–24.
- [*Beljakova N.* Krym i rossijsko-tureckie otnoshenija // *Obozrevatel'–Observer*. 2015. № 1. S. 17–24]
- В Турции Эрдоган провёл встречу с Джемилевым / Информационный сайт «Гордон». Киев. 24 января 2016 г. // URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/V-Turcii-Erdogan-provel-vstrechu-s-Dzhemilevym-111380.html>
- [*V Turcii Jerdogan provjol vstrechu s Dzhemilevym*/ Informacionnyj sajt «Gordon». Kiev. 24 janvarja 2016 g. // URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/V-Turcii-Erdogan-provel-vstrechu-s-Dzhemilevym-111380.html>]
- Газ как фактор сближения / *Kaspi*. 2015. 2 декабря // URL: <http://kaspiy.az/news.php?id=34294#.VmxZqNjNMWZ>
- [*Gaz kak faktor sbliženija* / *Kaspi*. 2015. 2 dekabrja // URL: <http://kaspiy.az/news.php?id=34294#.VmxZqNjNMWZ>]
- Гурьев А. А.* Ситуация в Турции: декабрь 2015 г. / Институт Ближнего Востока. 6 января 2015 г. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=27093>
- [*Gur'ev A. A.* Situacija v Turcii: dekabr' 2015 g. / Institut Blizhnego Vostoka. 6 janvarja 2015 g. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=27093>]
- Гурьев А. А.* Ситуация в Турции: ноябрь 2015 / Институт Ближнего Востока. 23 декабря 2015 г. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=26982>
- [*Gur'ev A. A.* Situacija v Turcii: nojabr' 2015 / Institut Blizhnego Vostoka. 23 dekabrja 2015 g. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=26982>]

- Дергачёв В.* Турецкая геополитика. Доктрина «ноль проблем с соседями» и Realpolitik // Молдавский журнал международного права и международных отношений. Кишинёв, 2015. № 4. С. 159–163.
- [*Dergachjov V.* Tureckaja geopolitika. Doktrina «nol' problem s sosedsjami» i Realpolitik // Moldavskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. Kishinjov, 2015. № 4. S. 159–163]
- Дмитриев П.* Турция руками Меджлиса создаёт аналог Косова на границе с Крымом / Интернет-издание «Фонд стратегической культуры». 23 декабря 2015 г. // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/12/23/turcia-rukami-medzhliisa-sozdaet-analog-kosova-na-granice-s-krymom-37559.html>
- [*Dmitriev P.* Turcija rukami Medzhliisa sozdajot analog Kosova na granice s Krymom / Internet-izdanie «Fond strategicheskoy kul'tury». 23 dekabrja 2015 g. // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/12/23/turcia-rukami-medzhliisa-sozdaet-analog-kosova-na-granice-s-krymom-37559.html>]
- Исмаил Т.* Турция – Россия: необходимость возобновления двухстороннего диалога // Молдавский журнал международного права и международных отношений. Кишинёв, 2015. № 4. С. 164–172.
- [*Ismail T.* Turcija – Rossija: neobhodimost' vobnovlenija dvuhstoronnego dialoga // Moldavskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. Kishinev, 2015. № 4. S. 164–172]
- Ковалёв В. И.* К итогам круглого стола «Влияние турецко-российского кризиса: многомерные дебаты» / Институт Ближнего Востока. 26 декабря 2015 г. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=27019>
- [*Kovaljov V. I.* K itogam kruglogo stola «Vlijanie turecko-rossijskogo krizisa: mnogomernye debaty» / Institut Blizhnego Vostoka. 26 dekabrja 2015 g. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=27019>]
- Крейчи О.* Самым большим риском для нас являются некоторые союзники по НАТО / Интернет-проект «ИноСМИ.RU». 1 декабря 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151201/234641223.html>
- [*Krejchi O.* Samym bol'shim riskom dlja nas javljajutsja nekotorye sojuzniki po NATO / Internet-proekt «InoSmi.RU». 1 dekabrja 2015 g. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151201/234641223.html>]
- Кыванч У.* Нужно ли было сбивать российский самолёт? / Интернет-проект «ИноСМИ. RU». 30 ноября 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151130/234626258.html>
- [*Kyvanch U.* Nuzhno li bylo sbivat' rossijskij samoljot? / Internet-proekt «InoSmi.RU». 30 nojabrja 2015 g. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151130/234626258.html>]
- Лидеры Турции руководствовались логикой продавца восточного рынка / Интернет-проект «ИноСМИ. RU». 4 декабря 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151204/234683839.html>*
- [*Lidery Turcii rukovodstvovalis' logikoj prodavca vostochnogo rynka / Internet-proekt «InoSmi.RU». 4 dekabrja 2015 g. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151204/234683839.html>*]
- Маркедонов С.* Турецкий марш на Кавказ / Интернет-издание «Полит. ру». 25 сентября 2008 г. // URL: <http://polit.ru/article/2008/09/25/tur>
- [*Markedonov S.* Tureckij marsh na Kavkaz / Internet-izdanie «Polit.ru». 25 sentjabrja 2008 g. // URL: <http://polit.ru/article/2008/09/25/tur>]
- Меликян Дж.* Обзор ситуации в Грузии в декабре 2015 г. (внешняя политика) / Научно-образовательный фонд «Нораванк». Ереван, 20 января 2016 г. // URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14370
- [*Melikjan Dzh.* Obzor situacii v Gruzii v dekabre 2015 g. (vneshnjaja politika) / Nauchno-obrazovatel'nyj fond «Noravank». Erevan, 20 janvarja 2016 g. // URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14370]

- Мухамеджанов И.* Планировала ли Турция нападение на СССР во время Второй мировой войны? / Информационно-аналитический федеральный портал «Islam-Today. Ru». 7 мая 2014 г. // URL: <http://islam-today.ru/istoria/planirovala-li-turcia-napadenie-na-sssr-vo-vrema-vtoroj-mirovoj-vojny>
- [*Muhamedzhanov I.* Planirovala li Turcija napadenie na SSSR vo vremja Vtoroj mirovoj vojny? / Informacionno-analitcheskij federal'nyj portal «Islam-Today. Ru». 7 maja 2014 g. // URL: <http://islam-today.ru/istoria/planirovala-li-turcia-napadenie-na-sssr-vo-vrema-vtoroj-mirovoj-vojny>]
- Стародубцев И. И.* К вопросу об экономическом положении Турецкой Республики / Институт Ближнего Востока. 6 января 2015 г. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=26921>
- [*Starodubcev I. I.* K voprosu ob jekonomicheskom polozenii Tureckoj Respubliki / Institut Blizhnego Vostoka. 6 janvarja 2015 g. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=26921>]
- Стоун Н.* Не стоит провоцировать Россию / Интернет-проект «ИноСМИ.RU». 8 декабря 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151208/234714547.html>
- [*Stoun N.* Ne stoit provocirovat' Rossiju/ Internet-proekt «InoSmi.RU». 8 dekabrja 2015 g. // URL: <http://inosmi.ru/politic/20151208/234714547.html>]
- Турецкая оппозиция подсчитала возможный ущерб от российских санкций / Интернет-издание «Лента.ру». 21 декабря 2015 г. // URL: http://lenta.ru/news/2015/12/21/damage_for_turkey
- [*Tureckaja oppozicija podschitala vozmozhnyj ushherb ot rossijskih sankcij / Internet-izdanie «Lenta.ru».* 21 dekabrja 2015 g. // URL: http://lenta.ru/news/2015/12/21/damage_for_turkey]
- Унвер А.* Столкновение империй / Интернет-проект «ИноСМИ.RU». 30 ноября 2015 г. // URL: <http://inosmi.ru/military/20151130/234634594.html>
- [*Unver A.* Stolkновение imperij/ Internet-proekt «InoSmi.RU». 30 nojabrja 2015 g. // URL: <http://inosmi.ru/military/20151130/234634594.html>]
- Ягья В., Пономарева Е.* Научное сотрудничество – форма и метод публичной дипломатии // Обозреватель–Observer. 2015. № 8. С. 69–82.
- [*Jag'ja V., Ponomareva E.* Nauchnoe sotrudnichestvo – forma i metod publichnoj diplomatii // Obozrevatel'–Observer. 2015. № 8. S. 69–82]

**Продолжается подписка на 2016 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 – на полугодие

36789 – на год

Финансовые пружины международного терроризма и его угроза безопасности России

Политика международного террористического движения
в отношении России*

Часть 2

Евгений БИРЮКОВ

Идеологические источники «Исламского государства»

Целенаправленное использование Западом одной из ведущих мировых религий – ислама в собственных целях, координация им исламизации населения является достоверным фактом.

В частности, в книге «Великая шахматная доска» З. Бжезинский предельно ясно пишет: «Хотя все из бывших советских государств Средней Азии, а также Азер-

байджан населены преимущественно мусульманами, почти вся их политическая элита не придерживается религиозных взглядов, и официально это светские государства. Однако... их население... вероятно, вдохновится усиливающимся осознанием ислама. Фактически возрождение ислама... вероятно, станет мобилизующим импульсом для активно распространяющихся новых устремлений к национальной независимости, сторонники которых полны решимости выступить против любой реинтеграции под российским контролем» [1].

БИРЮКОВ Евгений Сергеевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований. *E-mail:* biryukov_e@mail.ru; *SPIN-код:* 4682-1138.

Ключевые слова: терроризм, салафизм, «Исламское государство», регионы России и ваххабизм.

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2012.

* Окончание. Начало см. «Обозреватель–Observer». 2016. № 1.

При создании «Исламского государства»* западные спецслужбы заложили в его основу хорошо продуманную и проанализированную идеологическую базу и фактически использовали ислам в выгодном для себя ключе: ими были выбраны наиболее подходящие с точки зрения агрессии и распространения экстремизма теологические идеи. Прежде всего это комбинация панисламизма и такфиризма.

Идеи такфиризма (от *араб.* – неверие) были разработаны в 60-е – 70-е годы египетским сектантом Ахмедом Шукри. Такфиристы считают, что большинство мусульманских правителей и простых мусульман отошло от первоначального ислама. Лидеры «неверующих мусульманских обществ» становятся главными кандидатами на устранение, затем следуют обычные «отклонившиеся» мусульмане и только потом, согласно такфиризму, уже идут «неверные». Этим объясняется жестокость ИГ по отношению к самим мусульманам. Такфиризм по своей сути близок к ваххабизму.

Просматриваются определённые параллели между практикой и пропагандой ИГ и нацистской Германией прежде всего в стратегии жестокости. Это не является совпадением – известно, что многие лидеры международного террористического движения взаимодействовали в 40-е годы с нацистскими преступниками. Террористы «Исламского государства» стремятся продемонстрировать превосходство, исключительность,

вседозволенность, что призвано в конечном итоге привлечь новых сторонников, которые будут стремиться реализовать себя, присоединившись к группировке «особых людей». Таким образом, при создании ИГ были использованы знания и разработки из сферы психологии.

Инструкционным источником деятельности ИГ и современных террористических группировок служит работа «Идарат ат-Тауаххуш» (**«Управление жестокостью: самый опасный период, через который пройдёт умма»**), написанная в 2004 г. бывшим сотрудником иракских спецслужб Самиром Абд Мухаммед аль-Хлифави [2] (псевдоним – Абу Бакр Надж). Автор исходит из тезиса о том, что вторжение американцев в Ирак и Афганистан не просто неизбежно закончится их поражением, но породит дикость и хаос, с которыми США справиться не смогут. После этого жестокость, оружие, беспорядки распространятся по всему Ближнему и Среднему Востоку, погрузят регион в войны, распри и бессмысленное насилие. Остановить это сможет лишь осмысленное насилие в форме беспредельной жестокости, которую проявит сила, строящая всемирный халифат. В работе говорится о необходимости втягивания США в открытое вооружённое противостояние на Ближнем Востоке.

Книга описывает стадии джихадистской борьбы:

– вначале – разрушение и истощение (на этой стадии террористи-

² Reuter C. The Terror Strategist // Der Spiegel. 18 April. 2015 // URL: <http://www.spiegel.de/international/world/islamic-state-files-show-structure-of-islamist-terror-group-a-1029274.html>

* Деятельность «Исламского государства» на территории Российской Федерации запрещена.

ческие атаки наносят ущерб экономике держав-врагов и деморализуют их население),

– управление жестокостью (фаза ожесточённого сопротивления с упором на совершение жестоких действий, которые являются как бы посланиями и союзникам, и врагам),

– и, наконец, на третьем этапе – усиление (создание регионов, контролируемых джихадистами, которые могут последовательно расширяться и объединяться с целью воссоздания халифата).

Таким образом, автор показал, что следует пройти через необходимый период жестокости для создания государства.

Очень важно отметить, что американцы были хорошо знакомы с книгой: уже в 2005 г. она была переведена американским исламоведом Уильямом Маккантсом, причём издана Центром противодействия терроризму при элитной военной академии Вест-Пойнт. Вышесказанное позволяет сделать предположение, что американцы использовали данную концепцию в своих интересах, в том числе для идеологической обработки и наставления иракских баасистов, содержащихся американцами в тюрьмах в Ираке. Так спецслужбы США создали новый субъект стратегического действия, который, по расчётам его создателей, сможет направляться ими в нужное время и в нужное место благодаря знанию внутреннего устройства субъекта [3].

В частности, на основе идей из данной книги США могли попробовать втянуть Россию в войну на Ук-

раине, чтобы затем противопоставить российской армии партизанскую войну; а также были бы заинтересованы во втягивании сухопутных сил России в войны в Сирии, Средней Азии и других регионах. Возможно также, что изучение данной работы частично повлияло на решение США о выводе большей части их вооружённых сил из Ирака и Афганистана.

18 апреля 2015 г. немецкий журнал *Der Spiegel* опубликовал статью «Стратег террора», в которой говорится об обнаружении других документов, разработанных аль-Хлифави. Если книга «Управление жестокостью» – это концепция, то в статье речь идёт уже о следующем этапе – плане создания «Исламского государства». План предполагал, что задолго до экспансии ИГ его агенты установят наблюдение за каждым населённым пунктом, до уровня сёл и деревень, на территории которых впоследствии должно быть создано ИГ.

Сначала открывался офис исламского миссионерского центра. Из тех, кто пришёл прослушать курс лекций и посещает занятия по исламской жизни, отбирались один-два наиболее талантливых и подходящих человека (в возрасте 17–25 лет), которые подробно инструктировались, чтобы шпионить за своим населённым пунктом и добывать информацию.

Вторым важным и относительно новым источником, оказавшим существенное влияние на идеологию ИГ, стала написанная в 2004 г. книга «**Призыв к глобальному исламскому сопротивлению**». Имя авто-

³ Черных Е. Как весь мир проспал ИГИЛ // Комсомольская правда. 2015. 24 января.

ра в книге указано как Амр Абд Аль-Хаким (псевдоним – Абу Мусаба ас-Сури). В ряде источников называется настоящее имя этого человека – Мустафа Сетмариам Насар [4].

В работе подробно разработаны некоторые методы так называемых войн четвёртого поколения – создание террористической сети с отдельными, не связанными друг с другом ячейками или даже отдельными людьми; идея «сопротивления без наличия лидеров», заключаю-

щаяся в использовании атак так называемых «одиноких волков». Это должно привести к упадку в стане противника и создать основу для более амбициозной цели ведения войны в её обычном понимании «на открытом фронте» – войны за обладание территорией. Как объясняет ас-Сури, «без прямого противостояния и получения контроля над территорией мы не сможем создать государство, что является конечной целью сопротивления».

Политика международного терроризма и салафитов в отношении России

Можно утверждать, что в отношении российских регионов происходит реализация различных этапов стратегий, прописанных в книгах «Управление жестокостью» и «Призыв к глобальному исламскому сопротивлению», в том числе создано большое число «спящих» ячеек.

Существенные риски проявления терроризма связаны с тем, что только в Москве проживают 20 тыс. арабов.

В отношении России спонсорами ваххабизма (Саудовская Аравия, Катар и др. во взаимодействии с Западом) реализуется унифицированная стратегия, отработанная в десятках стран. Об этом говорит наблюдающееся сходство сценариев дестабилизации.

С экспансией ваххабизма/салафизма в последние десятилетия столкнулись Сирия, Йемен, Ирак, Афганистан, Турция, Ливан, Сербия (Косово), Македония, Босния и Герцеговина, Алжир, Египет, Тунис, Ливия, Сомали, Эфиопия, Чад, Нигерия, Ни-

гер, Бенин, Камерун, страны Средней Азии и Юго-Восточной Азии.

Странами Запада (США, Великобритания, Израиль) оказывается содействие данной политике, координация её и в определённой степени инициирование. Следует добавить, что приход к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР), последствия её политики, проявляющиеся в неподкреплённой агрессивности Турции, по сути, являются следствием экспансии ваххабизма, поскольку основным спонсором ПСР выступали саудиты. ПСР тесно взаимодействует с «Братьями-мусульманами» и Катаром.

Понимание реальных масштабов экспансии ваххабизма/салафизма позволит России более точно выстраивать систему противостояния международному терроризму.

До последнего времени при трактовке процессов, происходящих

⁴ Abu Musab al Suri // URL: http://www.globalsecurity.org/security/profiles/abu_musab_al_suri.htm

в «российском» исламе, было возможным дифференцировать два качественно отличающихся друг от друга ареала распространения ислама – Северный Кавказ (с получившим распространение в течение двух последних десятилетий религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом), с одной стороны, и Поволжье, Урал и Западная Сибирь – с другой.

Однако в последние годы сформировалось три новых явления.

Во-первых, чётко прослеживается, что в Татарстане происходит стимулированное извне усиление радикального ислама по северокавказскому сценарию, но с отставанием в 10–15 лет.

Можно утверждать, что к настоящему моменту в Татарстане уже

произошла радикализация ислама.

Второй тенденцией стало возникновение мусульманских анклавов и появление религиозных группировок в немусульманских регионах; данные структуры группируются вокруг появляющихся на этих территориях мечетей. При этом если процессы, происходящие в крупных городах, более заметны, то эта тенденция характерна для многих областей, в том числе Центральной России.

В-третьих, после воссоединения Крыма с Россией «в наследство» был получен спектр проблем, связанных с проводившейся Украиной политической поддержки экстремистских движений в Крыму.

Крым

На Украине в 1997 г. была зарегистрирована Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Духовный центр „Творчество“» («Ар-Раид»), являющаяся отделением «Братьев-мусульман» (БМ).

Отделения «Ар-Раида» были открыты в Киеве (штаб-квартира), Донецке, Луганске, Харькове, Одессе, Запорожье, Виннице, Львове [5]. Обращает на себя внимание, что 5 из 8 отделений были открыты в восточных и южных областях.

До воссоединения Крыма с Россией «Ар-Раид» финансировался на полуострове в политической сфере – крымско-татарским Меджлисом, в религиоз-

ной – Духовным управлением мусульман Крыма, а также спонсировался рядом крымских чиновников.

У Меджлиса те же кураторы, что и у «Правого сектора», среди них связанная с НАТО спецслужба *Gladio* со штаб-квартирой в Турции, Джеймстаунский фонд и Международный республиканский институт (глава – Дж. Маккейн) [6].

Через «Ар-Раид» действуют саудовские, кувейтские (близкий к БМ фонд «Аль-Васатыйя») и катарские структуры, не открывая при этом представительств [7].

⁵ URL: http://www.araidd.org/ru/islamic_centers

⁶ Приймак А. Затаившийся Меджлис // URL: <http://zavtra.ru/content/view/zataivshijnya-medzhlis/>

⁷ Приймак А. Антироссийская мина в Крыму: На полуострове легализовали «Братьев-мусульман» // EurAsiaDaily // URL: <http://easaily.com/news/2015/05/25/antirossiyskaya-mina-v-krymu-na-poluostrove-legalizovali-bratev-musulman>

В то же время Катар открыл посольства на Украине и в Молдавии, при этом торговый оборот с Молдавией составляет только 57 тыс. долл.

Кроме «Ар-Раида» на Украине и в Крыму укрепились представители группировки «Хизб-ут-Тахрир» (головной офис структуры находится в Лондоне) и ваххабиты. В отличие от «Ар-Раида» у хизбов не было регистрации в Минюсте Украины, но де-факто власти, особенно при В. Януковиче, не препятствовали её деятельности, в том числе публичной [6].

После воссоединения Крыма с Россией Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК) было перерегистрировано под тем же названием в начале 2015 г., а Меджлис и «Ар-Раид» де-факто были легализованы и продолжили функционировать, но под другими названиями: 15 мая 2015 г. в Крыму был зарегистрирован «Духовный центр „Творчество“» («Ар-Раид»), в октябре 2014 г. создано Общественное движение крымско-татарского народа «Къырым» (руководитель – вице-спикер парламента Крыма Р. Ильясов, давний соратник М. Джемалева).

Таким образом, позиции перечисленных выше структур в Крыму сохранились. Имамами в большинстве мечетей являются назначенные ДУМК люди, связанные либо с ваххабитами, либо с хизбами. ДУМК де-юре поставлен в положение единственного законного религиозного представителя крымских мусульман, тогда как существующие

два других муфтията – Духовный центр мусульман Крыма муфтия Ридвана Велиева и занимающий наиболее пророссийскую позицию Таврический муфтият во главе с Русланом Сайтвалиевым – не зарегистрированы как российские централизованные религиозные организации [8].

С марта 2015 г. в орбиту ДУМК втягивается Дагестан. Предположительно, дагестанские легальные религиозные объединения используются Катаром (Всемирный совет исламских учёных) и другими странами, во-первых, для легитимного направления денег в Крым, во-вторых, для окончательного признания в России ДУМК, а также Меджлиса, поскольку демонстрируется, что российские организации взаимодействуют с ними.

В Крым (март 2015 г.) для встреч с главой ДУМК Э. Аблаевым, лидерами Меджлиса и «Аль-Раид» ездил М. Магомедов – эмиссар Р. Абдулатипова по особым поручениям. Известно, что в 90-е годы вице-премьер Р. Абдулатипов оказывал протекцию ближайшим сторонникам Р. Гайнутдина – Н. Аширову и А. Ниязову [9, с. 48].

Для более точной характеристики зарубежных организаций, стремившихся поменять идентичность Крыма (но также активно работающих и в других регионах России), следует рассмотреть основных спонсоров строительства мечетей в Крыму в течение украинского периода истории полуострова.

⁸ Приймак А. Ваххабитский холдинг // URL: <http://zavtra.ru/content/view/vahhabitskij-holding/>

⁹ Силантьев Р. А. Совет муфтиев России: история одной фитны. М.: РИСИ, 2015.

Распределение числа построенных мечетей выглядит следующим образом: арабские страны – 45 мечетей, Турция – 16, Украина – 12, страны Запада – 3.

Из арабских стран лидирует Саудовская Аравия (26 мечетей), из них Всемирная ассоциация исламской молодежи построила 12 мечетей, частные лица – 5, Международная корпорация развития – 4, фонд «Зам-Зам» – 3, фонд СААР – 2.

Кувейт возвёл 13 мечетей, финансирование осуществлялось фондами «Международная благотворительность» и «Дом Закят».

ОАЭ – 5 мечетей (частные лица); Катар – 1 (спонсор – Катарская благотворительная организация).

Зачастую финансирование осуществлялось не напрямую, а через организацию «Ар-Раид», а в ряде случаев – через украинские организации «Крым-2000» и «Бирлик» [10].

Таким образом, выявить конечных спонсоров оказывается сложнее. Однако обращает на себя внимание, что многие из перечисленных выше фондов обвинялись западными странами в финансировании терроризма.

Из 16 мечетей, построенных Турцией, 8 построила государственная структура Диянет (Управление по религиозным делам Турции), 7 – частный фонд «Азиз Махмуд Хюдаи», 1 – газета «Заман», принадлежащая проживающему в США оппозиционному богослову и политику Ф. Гюлену, за которым, как считается, стоит ЦРУ.

В Турции 1–2 августа 2015 г. состоялся второй конгресс крымских татар, в котором приняли участие представители 180 организаций. В мероприятии участвовал вице-премьер, на открытии было оглашено послание Эрдогана, в котором говорилось, что Турция никогда не

признает российский Крым. Также власти заявили о том, что продолжат поддержку крымских татар, включая финансирование.

Можно утверждать, что риторика украинских властей о стремлении вернуть Крым в состав Украины не голословна – существует и реализуется план, состоящий из следующих пунктов:

1. Создание на территории Крыма корпунктов украинских СМИ с целью дезинформации населения, нагнетания трений, дискредитации органов власти.

2. Внедрение на руководящие должности российского Крыма «своих» людей с целью внесения дисбаланса в экономических и социальных процессах в Республике Крым.

3. Легитимизация в правовом поле российского Крыма антироссийских организаций для подготовки диверсионно-подрывной деятельности на полуострове [11].

У «Творчества» открыты филиал и благотворительный фонд в Херсонской области (пос. Геничевка). Через филиал идёт скрытое финансирование проекта М. Джемилева по созданию на Херсонщине «Крыма в изгнании» – базы для диверсионно-террористических действий. 18 июня 2014 г. в Днепропетровске было заключено соглашение между М. Джемилевым и И. Коломойским. С лета 2014 г. против ДНР и ЛНР воюет батальон «Крым», созданный на деньги Коломойского. В состав батальона вошли крымские хизбуты (в Сирии воюют не менее

¹⁰ Муратова Э. С. Ислам в современном Крыму // [krimea.info](http://krimea.info/monastyri-kryma/islam-v-krymu-sponsory-novyx-mechetey-kryma.html) // URL: <http://krimea.info/monastyri-kryma/islam-v-krymu-sponsory-novyx-mechetey-kryma.html>

¹¹ Приймак А. Хунта и Крым // URL: <http://zavtra.ru/content/view/teraktyi-v-kryimu/>

400 крымских татар [12]) и ваххабиты, бежавшие на Украину и получившие приют в тренировочных лагерях Галиции.

Однако большинство боевиков на практике составили не крымские татары, а этнические арабы. Командиром батальона «Крым» был поставлен член ИГ, араб по имени Муса. После

начала операции российских ВКС в Сирии координаторы террористов перебросили из Сирии к границам ДНР и ЛНР несколько тысяч боевиков, использовался маршрут Турция – Румыния – Одесса/Николаев [13]. Боевики ИГ присутствуют в Мариуполе и других городах на границах ДНР и ЛНР, входят в тербаты.

Совет муфтиев России

Многие направления деятельности Совета муфтиев России (СМР, глава – Р. Гайнутдин) направляются из Саудовской Аравии, Катара и других зарубежных государств.

При взаимодействии с саудовскими структурами СМР получает многомиллионные транши по линии Исламского банка развития, фондом «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», сотрудничает с саудовским посольством в Москве [9, с. 430, 435]. СМР широко взаимодействует со Всемирной мусульманской лигой – одной из крупнейших в мире организаций, спонсирующих терроризм.

На катарском направлении СМР в 90-е годы наладил контакты с Катарским благотворительным обществом и Фондом поддержки исламской культуры, науки и образования.

С 2014 г. активизировалось сотрудничество со Всемирным советом мусульманских учёных

(ВСМУ). С 2012 г. Россию (Казань, Дагестан) регулярно посещает генсек ВСМУ Али Карадаги. В том числе он присутствовал на открытии Соборной мечети в Москве осенью 2015 г. На уровне государства в Катаре деятельность СМР отслеживается Министерством вакуфов и религиозных дел.

Из Кувейта средства направляются через Кувейтский комитет мусульман Азии и международный фонд «Аль-Васатыйя». Создатель фонда – первый заместитель министра вакуфов и исламских дел Кувейта Адель Аль-Фалех, курирующий также организацию «Ар-Раид» на Украине и её ответвление «Творчество» в Крыму. В России открыт филиал фонда (глава – Али Вячеслав Полосин) [7].

По сути, СМР является иностранным агентом и используется страной Персидского залива как легальный проводник их интересов в России, при этом насаждается исторически чуждая российским мусульманам ваххабито-салафитская модель ислама, в результате чего носителями «истины» в религиозных и других вопросах представляются муфтии из стран Персидского залива.

¹² Павлов А. В. Развёрнутый взгляд на Северный Кавказ // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3. С. 274.

¹³ Кваснюк Е. Зверей ИГИЛ завозят под Луганск и Донецк // Сайт РИСИ // URL: <http://riss.ru/commentary/22022/>

Значительную озабоченность вызывает тот факт, что на средства из-за рубежа СМР активно строит мечети не только в местах исторического проживания мусульман, но и в регионах с русским большинством, например, Владимирской, Вологодской, Свердловской, Тюменской, Новосибирской, Волгоградской и других областях – всего более чем в 30 субъектах России [9, с. 334, 440], что может быть направлено на постепенное, не прогнозируемое властями изменение этнического состава данных областей по модели Косово, дифференциацию населе-

ния, а также будет использоваться для сбора информации. По сути, внутри России ваххабитские структуры работают несоизмеримо более активно и масштабно в сравнении с контрработой, проводящейся в отношении них.

На фоне чётко проявляющейся антироссийской позиции СМР выгодно выделяется позиция Верховного муфтия Центрального духовного управления мусульман России Талгата Таджуддина, развивающего исторически традиционную для России ханифитскую ветвь ислама.

Духовное управление мусульман Республики Татарстан

В состав Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) входит более 1500 построенных мечетей [8]. Прогрессирующая «мечетизация» Татарстана делает процессы в ДУМ РТ ключевыми, значимыми и максимально важными для значительной части мусульманского мира России. За время деятельности ДУМ РТ Татарстан фактически стал ваххабитским регионом.

Всплеск ваххабизации Татарстана произошёл во время руководства ДУМ РТ Гусманом Исхаковым (1998–2011 гг.), взаимодействовавшим с арабийскими монархиями, публично объявлявшим об опоре на выпускников саудовских религиозных заведений и расставившим ваххабитов на посты муфтиев в большинство мечетей.

Следующий глава ДУМ (2011–2013 гг.) Ильдус Файзов боролся с ваххабитами, но был смещён со своего поста. В 2012 г. был убит та-

тарский богослов Валиулла Якупов, проповедовавший традиционный для татар ислам.

С 2013 г. во главе ДУМ РТ стоит проваххабитский муфтий Камил Самигуллин.

Он – член фундаменталистского турецкого джамаата «Исмаил ага» (с которым, как считается, связан и президент Турции Р. Т. Эрдоган) и катарского ВСМУ, занимающих резкие антироссийские позиции [8]. В Совет улемов (мусульманских учёных) ДУМ РТ включены нижекамский мухтасиб Юсуф Давлетшин и экс-муфтий Исхаков. Давлетшин – выпускник медресе «Йолдыз» в Набережных Челнах. Некоторые нижекамцы воевали в рядах «Имарата Кавказ» в Дагестане.

Светские власти республики, затушевав сепаратистский проект 90-х годов, в целом оказывают содействие распространению ислама именно ваххабитского толка, пользуясь определённой автономностью республики и непониманием федеральными властями остроты данной тенденции

(все кадровые назначения в ДУМ РТ в реальности определяются светскими властями). В экономическом плане это позволяет привлекать инвестиции из стран Персидского залива, но может иметь более серьезные политические и демографические последствия. Примерно до 2010 г. проводился тезис об «умеренном ваххабизме», созвучный наименованию

«сирийская умеренная оппозиция»; с 2013 г. упоминания ваххабизма в публичном пространстве Татарстана были умышленно свёрнуты, прекратилось издание антиваххабитской литературы, а ваххабиты стали говорить о традиционном исламе, что свидетельствует о состоявшемся установлении ислама ваххабитского толка в Татарстане.

Северный Кавказ и черкесский вопрос

Процессы, происходящие на Северном Кавказе, хорошо известны, поэтому имеет смысл остановиться только на тенденциях.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России, распространено несколько отдельных направлений (правовых школ) ислама. На Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия – Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня, Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жёсткий, чем ханифитский. Однако с 90-х годов начались иницилируемые извне процессы привнесения ваххабитско-салафитского мазхаба.

Впервые в Дагестане муфтий был убит в 1998 г., и с этого момента осуществлено свыше 50 убийств религиозных деятелей, придерживаю-

щихся традиционного для Северного Кавказа ислама [14]. Ежегодно на Северном Кавказе происходит не менее 300 террористических актов.

В мае 2010 г. структура «Имарат Кавказ» объявила о создании своего седьмого района (наряду с северокавказскими) – «Идель-Урал», который охватил территории Поволжья и Урала. Обращает на себя внимание «модельное» сходство «Имарат Кавказ» и «Исламского государства», де-факто существующего с 2000 г. и бывшего до 2013 г. малозаметной группировкой. Численность граждан России, воюющих в составе «Исламского государства», составляет 2,4 тыс. чел. [15], а численность русскоязычных граждан стран СНГ – ещё выше. Очевидно, что возможно перетекание боевиков через границу и их накапливание для реализации новых задач.

Кроме экспансии ваххабизма, направляемой из стран Аравийского

¹⁴ Добаев И. П. Причины и основные направления политизации и радикализации ислама в Российской Федерации/ Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия. Сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Озеров. М.: РИСИ, 2015. С. 117.

¹⁵ ФСБ: около 2,4 тысячи граждан России участвуют в ИГ // РИА Новости // URL: <http://ria.ru/world/20150918/1260027627.html>

полуострова, турецкими и западными спецслужбами разрабатывается так называемый черкесский вопрос.

К черкесам в странах Ближнего Востока относят представителей всех народов Северного Кавказа, эмигрировавших в данные страны в результате войн XIX в. Черкесскую карту разыгрывают кабардино-балкарское движение «Хасэ», «Черкесский конгресс», имеющий филиалы во всех республиках России, где проживают черкесы, а также некоторые организации и общества, действующие в странах проживания черкесской диаспоры (в частности, особо активную роль в Евро-Атлантическом регионе играют представители черкесского землячества из Нью-Джерси, США).

Длительное время повышенный интерес к черкесской (адыгской) проблематике проявляет ряд американских структур, в том числе являющихся «вспомогательными механизмами» в рамках внешнеполитического аппарата США.

Среди них следует отметить *The Jamestown Foundation*. В сотрудничестве с данным фондом информационно-пропагандистскую активность по черкесской проблематике развивают радиостанции «Радио Свободы» и «Голос Америки», различные интернет-сайты.

Прорабатывает черкесскую проблематику и связанный с демократической партией Фонд Карнеги. Другие «интересанты» – Центр за американский прогресс, Центр стратегических и международных исследований, Университет Дж. Вашингтона [16, с. 47].

Высокую активность на черкесском направлении проявляет **Турция**.

Черкесская диаспора является вторым по численности (после курдов) этническим меньшинством страны. Численность черкесов составляет от 2,5 млн (оценка Совета национальной безопасности Турции) до 7 млн чел. С приходом к власти правительства Партии справедливости и развития в рамках политики, называемой в экспертных кругах «новым османизмом», произошло значительное смягчение позиции властей по отношению к черкесскому меньшинству.

В Турции насчитывается около 50 северокавказских культурных обществ с общим числом членов (регулярно вносящих взносы) до 4 млн чел.

Наряду с обществами культуры в Турции действуют различные фонды: Фонд кавказских исследований, Общество культуры Северного Кавказа, Федерация кавказских обществ в Турции, умеренная Федерация Хасэ «Единство Кавказа» (*Birlesik Kafkasya Dernegi*), фонд «Кавказ» (*Kafkas Vakfi*) и его молодёжное крыло «Кавказский форум» (*Kafkasya Forumu*), объединение «Патриоты Черкесии» [16, с. 58].

Сирия находится на втором месте по численности адыгской (черкесской) диаспоры среди стран дальнего зарубежья (150 тыс. чел.), действуют Черкесское благотворительное общество и радикальный «Черкесский конгресс» (координатор – Нарт Абдзах), в состав которого входит благотворительная черкесская организация «Нафна».

¹⁶ Черкесский вопрос и внешний фактор. Аналитические обзоры РИСИ/ под ред. П. В. Гребенникова. М.: РИСИ. 2012. № 4.

В Иордании (численность адыгов – около 110–120 тыс. чел.).

В стране действует структура с аналогичным названием «Черкесское благотворительное общество», входящее в Международную черкесскую ассоциацию, и организация

«Друзья черкесов» (руководитель – депутат парламента Иордании Рухи Шхалтур).

Существуют черкесские общины **в Германии, Бельгии, Израиле, Грузии.**

Значение процессов сокращения доли русского населения в России и экспансии салафизма для безопасности страны

Следует заострить внимание на процессах, происходящих в демографической сфере: на протяжении короткого исторического периода происходит кардинальное изменение этнорелигиозного состава населения России. В этом вопросе следует выделить четыре тенденции.

Во-первых, согласно базовому варианту последнего демографического прогноза ООН (*World Population Prospects*– 2012), при дальнейшем развитии депопуляционных процессов население России к середине XXI в. может сократиться более чем на 40 млн чел. – до 103,2 млн чел. Прогнозы ряда российских профессиональных демографов ещё более пессимистичны: сокращение до 71,4–90,6 млн чел. [17, с. 7].

Во-вторых, с 1992 г. (по 2013 г.) естественная убыль населения России (прежде всего русского) составила 13,2 млн чел., однако была частично скомпенсирована в результате миграции (нетто-прирост в размере 8,37 млн чел.) [17, с. 4].

В-третьих, важным трендом является то, что в субъектах России с наиболее низкой долей русских наблюдаются максимально высокие в стране темпы естественного прироста населения (это Ингушетия, доля русских – 1%, Чечня – 2%, Дагестан – 4%, Тыва – 16%, Северная Осетия – 21%, Карачаево-Черкесия – 31%, Кабардино-Балкария – 22%, Саха (Якутия) – 37%, а также Татарстан, Калмыкия, Алтай), в то время как в субъектах с наиболее высокой долей русских (прежде всего Центральная Россия) – максимальные темпы естественной убыли [18.] Соответственно, доля русского автохтонного населения сокращается (в Москве – только 31% русских, 9% – украинцев) и происходит рост мусульманского населения.

В-четвёртых, в последние годы резко, до сотен тысяч, возросло число молодых замужних женщин (в возрасте 22–30 лет), которые не могут родить детей (точная ста-

¹⁷ Белобородов И. И. Резервы семейно-демографической политики России в контексте прогнозируемой депопуляции населения // Аналитические обзоры РИСИ. 2015. Вып. 1.

¹⁸ Кравченко Л. И. Демографическая ситуация в России/ Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина) // URL: <http://rusrand.ru/forecast/demograficheskaja-situatsija-v-rossii>

тистика отсутствует, поскольку многие из них не обращаются к врачам). Сопоставление подобных прогнозов и фактов позволяет предположить, что в 90-е годы в ряде популярных импортных продуктов, а также продуктах, произведённых в России западными ТНК, содержалось биологическое оружие, направленное на последующее резкое снижение численности населения России, а так как возможно регулировать регионы распространения данной продукции, то в наибольшей степени данная тенденция затронула субъекты Федерации с максимально высокой долей русского населения.

Поскольку большинство чиновников на федеральном уровне и в субъектах Федерации не понимают ислам и абстрагируется от

него, процессы и, что самое важное, вектор укрепления данной религии в России управляется извне. Государственное отношение к исламу складывается исходя из свойственного западным обществам разделения государства и религии, что приводит к тому, что исламские государства, в которых разделения государства и религии как раз нет, направляют развитие ислама в России в своих целях. В отношении светских НПО, финансируемых из-за рубежа, в России используется термин «иностранный агент». Учитывая сложившуюся ситуацию, можно сказать, что многие религиозные объединения, по сути, являются такими же иностранными агентами, которые действуют в интересах грантодателя.

Рекомендации

1. В то время как в настоящее время основное внимание при противодействии терроризму уделяется процессам, происходящим в Сирии, но на практике страны Аравийского полуострова при координации со стороны западных спецслужб ведут деятельность по изменению идентичности обществ и экспансии салафизма не менее чем в 80 странах, в том числе немусульманских, включая Россию. Данные угрозы абсолютно недооцениваются в нашей стране.

2. Религиозные процессы будут в скором времени иметь влияние на государственные, а не находиться отдельно. Государство должно взять под контроль рост исламизации и управлять им, в том числе через централизацию и объединение разрозненных мусульманских организаций. Ошибочно отдавать этот процесс на откуп иностранным властям или заигрывать с радикалами.

3. Религиозные организации, получающие средства из-за рубежа, должны юридически трактоваться как иностранные агенты – в полной аналогии со светскими организациями.

4. Деятельность взаимодействующих или взаимодействовавших с зарубежными структурами деятелей и организаций из российской мусульманской уммы должна быть запрещена.

5. На руководящие посты в мусульманской общине должны ставиться пророссийски настроенные деятели.

6. Целесообразно оказание поддержки деятельности Центрального духовного управления мусульман России под руководством Т. С. Таджуддина.

7. Многолетняя практика контактов и работы с руководителями российской мусульманской уммы настоятельно требует пересмотра сложившегося стереотипа при отборе кандидатов на работу на этом направлении в спецслужбах и Администрации Президента, когда предпочтение отдаётся татарам, узбекам и др., но не русским высокоподготовленным востоковедам и специалистам по исламу и различным течениям внутри ислама.

8. В образовательной сфере следует запретить возможность управления мечетями лицам, получившим образование за рубежом. Одновременно следует организовать в России при контроле со стороны государства религиозные исламские школы с разработкой программ на основе традиционных для России мазхабов.

9. Эффективное противодействие терроризму невозможно без пресечения международных каналов его финансирования, однако полноценное сотрудничество на международном уровне вряд ли возможно. В этой связи необходимо внутри России отслеживать всё финансирование, поступающее из аравийских монархий.

10. В штат российских посольств необходимо ввести по одной должности советника-арабиста для контроля за процессами, происходящими в среде арабов, проживающих в данных странах.

11. Следует вести мониторинг за всеми арабами, проживающими в России, в том числе и в студенческой среде. Только агентурная работа не позволит достичь этой цели. Необходимо отслеживать перемещение по стране арабов, их контакты как в России (в том числе с представителями мусульманских народов), так и за рубежом.

12. Необходимо нарастить число арабистов, в том числе переводчиков.

Библиография • References

Белобородов И. И. Резервы семейно-демографической политики России в контексте прогнозируемой депопуляции населения // Аналитические обзоры РИСИ. 2015. Вып. 1. – 46 с.

[Beloborodov I. I. Rezervy semejno-demograficheskoj politiki Rossii v kontekste prognoziruemoj depopuljacji naselenija // Analiticheskie obzory RISI. 2015. Vyp. 1. – 46 s.]

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2012. – 702 с.

[Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska. M.: AST, 2012. – 702 s.]

Добаев И. П. Причины и основные направления политизации и радикализации ислама в Российской Федерации/ Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия. Сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Озеров. М.: РИСИ, 2015.

[Dobaev I. P. Prichiny i osnovnye napravlenija politizacii i radikalizacii islama v Rossijskoj Federacii/ Chernomorsko-Kaspijskij region: geopolitika, jetnopoliticheskie processy i mezhregional'nye vzaimodejstvija. Sb. nauch. st. / отв. red. A. A. Ozerov. M.: RISI, 2015]

- Кваснюк Е.* Зверей ИГИЛ завозят под Луганск и Донецк / Сайт РИСИ // URL: <http://riss.ru/commentary/22022/>
- [*Kvasnjuk E.* Zverej IGIL zavožjat pod Lugansk i Doneck / Sajt RISI // URL: <http://riss.ru/commentary/22022/>]
- Кравченко Л. И.* Демографическая ситуация в России/ Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина) // URL: <http://rusrand.ru/forecast/demograficheskaja-situacija-v-rossii>
- [*Krauchenko L. I.* Demograficheskaja situacija v Rossii/ Centr nauchnoj političeskoj mysli i ideologii (Centr Sulakshina) // URL: <http://rusrand.ru/forecast/demograficheskaja-situacija-v-rossii>]
- Муратова Э. С.* Ислам в современном Крыму // krimea.info // URL: <http://krimea.info/monastyri-kryma/islam-v-krymu-sponsory-novyx-mechetej-kryma.html>
- [*Muratova E. S.* Islam v sovremennom Krymu // krimea.info // URL: <http://krimea.info/monastyri-kryma/islam-v-krymu-sponsory-novyx-mechetej-kryma.html>]
- Павлов А. В.* Развёрнутый взгляд на Северный Кавказ // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3. С. 274–276.
- [*Pavlov A. V.* Razvornutyj vzgljad na Severnyj Kavkaz // Problemy nacional'noj strategii. 2015. № 3. С. 274–276]
- Приймак А.* Антироссийская мина в Крыму: На полуострове легализовали «Братев-мусульман» // [EurAsiaDaily](http://eurasiadaily.com) // URL: <http://eadaily.com/news/2015/05/25/antirossijskaja-mina-v-krymu-na-poluostrove-legalizovali-bratev-musulman>
- [*Prijmak A.* Antirossijskaja mina v Krymu: Na poluostrove legalizovali «Brat'ev-musul'man» // [EurAsiaDaily](http://eurasiadaily.com) // URL: <http://eadaily.com/news/2015/05/25/antirossijskaja-mina-v-krymu-na-poluostrove-legalizovali-bratev-musulman>]
- Приймак А.* Ваххабитский холдинг // URL: <http://zavtra.ru/content/view/vahhabitskij-holding/>
- [*Prijmak A.* Vahhabitskij holding // URL: <http://zavtra.ru/content/view/vahhabitskij-holding/>]
- Приймак А.* Затаившийся Меджлис // URL: <http://zavtra.ru/content/view/zataivshijsya-medzhlis/>
- [*Prijmak A.* Zataivshijsja Medzhlis // URL: <http://zavtra.ru/content/view/zataivshijsya-medzhlis/>]
- Приймак А.* Хунта и Крым // URL: <http://zavtra.ru/content/view/teraktyi-v-krymu/>
- [*Prijmak A.* Hunta i Krym // URL: <http://zavtra.ru/content/view/teraktyi-v-krymu/>]
- Силантьев Р. А.* Совет муфтиев России: история одной фитны. М.: РИСИ, 2015. – 632 с.
- [*Silant'ev R. A.* Sovet muftiev Rossii: istorija odnoj fitny. M.: RISI, 2015. – 632 с.]
- ФСБ: около 2,4 тысячи граждан России участвуют в ИГ // РИА Новости // URL: <http://ria.ru/world/20150918/1260027627.html>
- [FSB: okolo 2,4 tysjachi grazhdan Rossii uchastvujuť v IG // RIA Novosti // URL: <http://ria.ru/world/20150918/1260027627.html>]
- Черкесский вопрос и внешний фактор. Аналитические обзоры РИСИ/ под ред. П. В. Гребенникова. М.: РИСИ. 2012. № 4. – 66 с.
- [*Cherkesskij vopros i vneshnij faktor. Analiticheskie obzory RISI/ pod red. P. V. Grebennikova. M.: RISI. 2012. № 4. – 66 s.*]
- Черных Е.* Как весь мир проспал ИГИЛ // Комсомольская правда. 2015. 24 января.
- [*Černyh E.* Kak ves' mir prospal IGIL // Komsomol'skaja pravda. 2015. 24 janvarja]
- Abu Musab al Suri // URL: http://www.globalsecurity.org/security/profiles/abu_musab_al_suri.htm
- URL: http://www.araidd.org/ru/islamic_centers
- Reuter C.* The Terror Strategist // Der Spiegel. 18 April. 2015 // URL: <http://www.spiegel.de/international/world/islamic-state-files-show-structure-of-islamist-terror-group-a-1029274.html>

Россия – Китай – Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы

Сергей ЛУЗЯНИН
Нелли СЕМЁНОВА

Китайский мегапроект: чем наполнять и за счёт кого?

На страницах журнала «Обозреватель–Observer» проблему «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП) одними из первых в контексте российских интересов подняли С. Г. Лузянин и С. Л. Сазонов [1]. Данная статья – это более углублённое изучение противоречий и поиск возможностей их купирования, особенно между Россией, Китаем и странами региона в транспортно-энергетических сферах. Возможно,

что статья не даст ответы на все волнующие вопросы, но совершенно точно то, что авторы стимулируют экспертный дискурс на страницах ведущих аналитических журналов.

Проблематика китайского мегапроекта «Экономический пояс Шёлкового пути» с каждым днём стремительно набирает обороты. Россию это ускорение пока затрагивает лишь частично. В основном, несмотря на небольшое замедление эконо-

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Института Дальнего Востока РАН. *E-mail:* lousianin@ifes-ras.ru; *SPIN-код:* 2864-9951.

СЕМЁНОВА Нелли Кимовна – научный сотрудник Центра энергетических и транспортных исследований Института востоковедения РАН. *E-mail:* semenovanelli-2011@mail.ru; *SPIN-код:* 1136-3359.

Ключевые слова: Китай, Россия, Центральная Азия, энергетическое сотрудничество, транспортные маршруты, безопасность, терроризм, Шёлковый путь.

¹ Лузянин С. Г., Сазонов С. Л. Экономический пояс Шёлкового пути: модель 2015 года // Обозреватель–Observer. 2015. № 5. С. 35–46.

мического роста, бурлит и фонтанирует идеями, деньгами и проектами сам Китай, перепадающие, частично, «первоочередным» центральноазиатским государствам, через которые и начинается собственно «Великий путь» в регионе.

Россия не стремится попасть в эту «очередь», предлагая свой вариант «сопряжения» трёх проектов: ЭПШП, Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Российский проект политически был официально принят лидерами двух стран – В. В. Путиным и Си Цзиньпином в форме Совместного заявления (8 мая 2015 г. в Москве) [2]. Другое дело, что за формальной стороной подписанных документов кроется масса нерешённых вопросов как на двустороннем (российско-китайском), так и многостороннем уровне с участием государств региона Центральной Азии (ЦА). Причём большинство из них касается в основном двух тем – транспорта и углеводородов.

Возникает необходимость диверсифицировать тематику китайского мегапроекта и попытаться её как-то структурировать. Явно просматриваются два ключевых компонента – транспорт и углеводородная энергетика в региональном (центральноазиатском) измерении. Мы имеем треугольник «Россия – Центральная Азия – Китай», содержание которого видится в основном как транспорт-

но-энергетическое (плюс совместные предприятия по переработке сырья, развитие местной (лёгкой) промышленности, освоение гидро-ресурсов и пр.). Причём пока всё это в идеале, так как до практической реализации и полноценного наполнения реальными проектами данного контента ещё очень далеко.

Намерение России расширить сферу сотрудничества в области создания транзитных коридоров с Китаем и другими центральноазиатскими странами наталкивается на желание стран ЦА использовать собственную и китайскую территории для формирования нового («своего») евразийского коридора, который бы стал источником поступления валюты за счёт перевозки транзитных грузов.

Но эти новые коридоры, включая коммуникацию с государствами – членами ШОС составят реальную конкуренцию Транссибу, в первую очередь за счёт сравнительно низкого тарифа на перевозки.

Нельзя не учитывать и более высокую рентабельность работы железнодорожного транспорта в КНР, которая является аргументом в пользу китайских маршрутов и технологий доставки.

Как отмечал бывший глава ОАО «РЖД» В. Якунин, «на сегодняшний день подвижной состав в Китае в два с лишним раза дешевле российского и подготовлен для работы в скоростном режиме вплоть до 160 км/ч» [3].

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути 8 мая 2015 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

³ Якунин В. И. Проблемы международной гармонизации железнодорожного права России. М.: Научный эксперт, 2008. С. 141.

Китайские коллеги и формально, и неформально поддерживают идею создания Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Пекин – Москва. Возможно, что этот проект теоретически может дать взаимную выгоду: он расширяет экспортный рынок китайской высокотехнологичной продукции, оптимизирует структуру товарооборота между Китаем и Россией, а Россия приобретает уникальный опыт и технологии строительства и модернизации высокоскоростных железных дорог.

По мнению некоторых отечественных экспертов [4], в действительности Россия становится всё менее

важным партнёром для Азиатско-Тихоокеанского региона, тогда как значение последнего для нашей страны по мере смещения сюда центра мировой экономической активности неизбежно возрастает.

При этом большинство российских учёных всё-таки считают, что перспективы полноценного включения Российской Федерации в экономические и интеграционные процессы как в регионе АТР, так и Центральной Азии чрезвычайно важны и необходимы. Это даёт шанс начать создание высокотехнологичной транзитно-транспортной системы и использование всех тех возможностей, которые имеются.

КНР: «Укрепить на севере» – шанс, вызов или угроза для РФ?

Специфика российско-китайского и центральноазиатского «сопряжения» содержит чёткие экономико-географические контуры и при этом достаточно подробные указания задач отдельных регионов Китая в реализации проекта.

Например, провинциям верхнего и среднего течения Янцзы рекомендуется сотрудничать с их партнёрами в Поволжье.

В целом же внутренние районы страны ориентируются на сотрудничество с центральной, южной и западной частями Азии, роль «окна и авангарда» на западном сухопутном направлении («поясе») отводится Синьцзян-Уйгурскому автономному району [5].

Если структурировать основные маршруты ЭПШП, можно выделить как минимум 6 «коридоров»:

- высокоскоростной железнодорожный коридор Пекин – Москва;
- связка Китай – Монголия – Россия;
- Китай – Центральная Азия – Западная Азия;
- Китай – Индокитайский полуостров;
- Китай – Пакистан;
- Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

Хотя среди российских и китайских учёных существуют и иные маршрутные «расклады» [1, с. 40–43],

⁴ Сазонов С. Л. Россия – Китай: сотрудничество в области транспорта. ИДВ РАН. М.: Кругъ. 2012. С. 220.

⁵ Салицкий А. И., Семёнова Н. К. Шёлковое наступление Китая // URL:http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm

в целом логистика и общая направленность маршрутов в принципе совпадают. Причём данная сеть в КНР получила уже некую концептуализацию: «стабилизироваться на востоке – укрепляться на севере – спускаться на юге – продвигаться на западе». Пока эта формула не является официальной доктриной и её можно интерпретировать как долгосрочную стратегию транспортного выхода за пределы Поднебес-

ной, активно реализуемую председателем Си Цзиньпином.

Очевидно, что для России актуальным представляется фраза «укрепляться на севере», что означает, скорее всего, желание Пекина постепенно, но надолго создавать в России транспортно-логистические центры, инвестировать капиталы в инфраструктурные проекты. Это отвечает и российским интересам.

Кем остаются Россия и страны Центральной Азии для Китая?

Отдельный разговор – китайская энергетическая (углеводородная) концепция в системе Россия – Китай – Центральная Азия и возможности её реализации.

Концепция учитывает интересы не только собственно КНР, но и стран со сложившейся сырьевой (энергетической) специализацией. Предлага-

ется, в частности, сотрудничество в области глубокой переработки сырья вблизи мест их добычи. Для китайских компаний сформулированы рекомендации по локализации производства, увеличения занятости местного населения, социальной и экологической ответственности и т. п.

Внешняя торговля КНР с отдельными партнёрами (9 месяцев 2015 г.)*

Страны	Экспорт		Импорт	
	млрд долл.	% к 2014 г.	млрд долл.	% к 2014 г.
Россия	25,1	-35,9	24,7	-20,7
Казахстан	6,5	-31,2	4,4	-43,3
Туркмения	0,7	-7,2	6,2	-14,6
Киргизия	3,1	-17,4	0,05	+22,1
Узбекистан	1,7	-11,8	1,0	-14,6
Таджикистан	1,2	-31,2	0,04	-6,2
АСЕАН	202,5	+5,8	138,3	-9,5
ЕС	261,0	-4,1	167,6	-13,5
Австралия	29,0	+3,7	55,8	-34,2
Всего	1 664,1	-1,9	1240,0	-15,3

* Составлено авторами по: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49564/info774878.htm>; <http://www.haiguan.info/CustomData/MonthReport.aspx?guid=2888¤cy=usd>

Снижение цен на сырьё и топливо в 2014–2015 гг. отбросило назад количественные показатели торговли (табл.).

Как видно, Россия и страны ЦА продолжают в целом оставаться для Китая в роли второстепенных экономических партнёров: в совокупности 2,3% по экспорту и 2,9% по импорту КНР. Чувствительным для экономики Китая компонентом оста-

ются поставки из России и стран ЦА углеводородов. По нефти их доля в суммарном потреблении составляет 10%, по природному газу – 15% [5].

Очевиден немалый потенциал роста поставок в КНР природного газа, что, конечно же, сохраняет актуальность для Пекина всего комплекса проблем, связанных с энергетической безопасностью.

Ахиллесова пята «Великого пояса». Смогут ли китайцы убедить исламских экстремистов жить дружно?

Возвышение Китая объективно выгодно России. Именно на глобальном уровне (в сфере безопасности, координации позиции в Совете Безопасности ООН и др.) у нас с Китаем образовалось больше точек совпадения и общих интересов, чем на достаточно узком торгово-экономическом (двустороннем) пространстве. Исключение могут составить только большие энергетические («Сила Сибири» и др.) и сухопутные транспортные проекты, которые способны вывести наш формат с нынешнего периферийного уровня. К этому следует добавить и перспективные для всех сторон проекты производственной кооперации в регионе Центральной Азии.

С разворотом России на Восток, и отчасти Север (возрождение Северного морского пути можно представить и как часть «пояса и пути»),

ситуация также несколько улучшилась: растёт число сфер, в которых сотрудничество двух стран выглядит современным, технологически насыщенным и соответствующим лучшим мировым стандартам. Теоретически существует возможность организации в Центральной Евразии (Алтай, Западная Сибирь, Северный Казахстан) «азиатской житницы» – как компонента «пояса» и элемента коллективной продовольственной безопасности [5.]

Начиная с 90-х годов странами Центральной Азии неоднократно делались попытки создания региональных объединений [6] и расширение транспортных коммуникаций. Но исторические факторы, политические риски [7] и однотипность экономик стран региона затрудняли их сотрудничество для создания единого экономического

⁶ Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 29.

⁷ Семёнова Н. К. Энергетическая стратегия Китая: угрозы и риски безопасности в Центральной Азии // Вестник НГУ. Новосибирск: Изд. СО РАН, 2013. Вып. 4: Востоковедение. С. 124–132.

региона. Китай в рамках известного проекта «пояса и пути», исходя из мощных финансовых и политических ресурсов, дал общий импульс, притянув большую часть стран под своё крыло («один пояс – один путь»), которые до этого не могли договориться, особенно по транспортно-энергетическому блоку.

Однако на сегодняшний день и китайских ресурсов явно недостаточно, чтобы полностью нейтрализовать потенциальные вызовы и угрозы, исходящие, в частности, от международного терроризма, особенно с учётом проникновения боевиков ИГИЛ* в Афганистан, и потенциальные зоны прохождения «пути».

Аспект безопасности в транспортной сфере в Евразии, по словам эксперта-синолога И. Е. Денисова, является самым непроработанным, причём именно с этой стороны и возможны наибольшие риски. Они связаны не только с неопределённостью вокруг будущего Афганистана, активностью в регионе экстремистских сил, наркотрафиком и трансграничной преступностью, но и со сложными отношениями между самими государствами, лежащими вдоль ЭПШП, а также с политической нестабильностью в ряде этих стран. Данный набор узких мест, похоже, многими не принимается во внимание, хотя одного взгляда на линии маршрута транспортных коридоров, пересекающих почти весь евразий-

ский материк, включая Центральную Азию и Ближний Восток, достаточно, чтобы стало ясно, что авторы проекта должны были в первую очередь подумать о риск-менеджменте [8].

Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов «пояса и пути» находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности.

Каким образом Китай гарантирует безопасность своих проектов?

Причём если сами риски китайская экспертиза оценивает вполне адекватно, то способы управления ими пока видятся в полуфантастическом ключе. Примерно так: поскольку концепция «Шёлкового пути» основана на равноправии, уважении интересов и стремлении к всеобщему выигрышу, отвергая мышление холодной войны, то это автоматически приведёт к возникновению новых правил и стандартов. А механизм конфронтации и конкуренции сменится механизмом долгосрочного сотрудничества, считают китайские аналитики [9]. Конечно, такой упрощённый взгляд очень далёк от действительности и может быть условно применён только, как говорится, в «мирное время». Но в современных сложных условиях, когда менее чем за два года экстремистская ИГИЛ стала главной террористической угрозой, организацией, противопоставившей себя традиционному миропорядку

⁸ Денисов И. Е. Пекин выйдет из тени по Шёлковому пути // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>

⁹ Денисов И. Е. Путешествие на запад. Экономический пояс Шёлкового пути – воплощение «китайской мечты» в международном формате // URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1427186400>

* Деятельность ИГИЛ законодательно запрещена на территории Российской Федерации.

последних десятилетий, наблюдается накал общей обстановки и усиление беспорядков на Ближнем Востоке, что стало благодатной почвой для расширения террористических угроз [10]. Китайское руководство вынуждено идти по «российскому пути», т. е. издать ряд законов [11] о борьбе с внешними террористическими угрозами*, по которым китайские специальные вооружённые силы будут иметь право действовать за пределами границ Поднебесной, упреждая возможные террористические акты ИГИЛ и других экстремистов для защиты наиболее уязвимых зон ЭПШП и других важных экономических объектов.

Россию и Китай также беспокоят скрытые конфликты в отношении ряда государств ЦА, вопросы территориального размежевания Каспийского моря, распределение воды и гидроэнергетических ресурсов [12].

Ключевой дестабилизирующий фактор для всех – рост религиозного экстремизма, фундаментализма и международного терроризма (Афганистан), повышение активности зарубежных исламских экстремистских организаций и движений в ЦА и как следствие – диверсионно-террористическая активность в ЦА и непосредственно граничащих с ней регионах (Кавказ, Ближний Восток, Южная Азия, СУАР) [13–18].

¹⁰ Ли Вэй. Международная борьба с терроризмом должна стать более действенной и эффективной // Жэньминь жибао – онлайн. 2016. 11 января.

¹¹ Китай впервые принял закон о борьбе с терроризмом // URL: <http://izvestia.ru/news/600625#ixzz3y9yhK581>

¹² Аристова Л. Б., Семёнова Н. К. Энергетические (углеводородные) проекты в Центральной Азии: потенциальные риски и возможности усиления конкуренции России и Китая / отв. ред. А. И. Салицкий. Институт востоковедения РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 41–71.

¹³ Звягельская И. Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии // URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=277297>

¹⁴ Ханбабаев К. М. Исламский радикализм на Северном Кавказе // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12914.html>

¹⁵ Доклад Центра антитеррористических программ «Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии» // URL: <http://www.terrorunet.ru/analytic/64.html>

¹⁶ Вихрев М. Исламские организации и их влияние на существование и распространение исламистского экстремизма // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600>

¹⁷ Шохзода С. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике // URL: <http://centralasia.narod.ru/articles/1.htm>

¹⁸ Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия // URL: http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf

* В конце 2015 г. в Китае был принят Закон «О борьбе с терроризмом КНР», в котором закреплено, что в соответствии с принципом верховенства закона и неотвратимости наказания за совершенные преступления, решимость Китая в борьбе с терроризмом была и остаётся непоколебимой. Китай будет не только продолжать придерживаться курса противостояния и искоренения терроризма, представляющего угрозу национальной и региональной безопасности, но и активно участвовать в международной борьбе с терроризмом исходя из общих интересов всего международного сообщества // URL: <http://russian.cri.cn/841/2016/01/12/1s571475.htm>

В этой связи для Центральной Азии подтверждается гипотеза А. Д. Богатурова о том, что в современных условиях масштабные энергетические (вероятно, и транспортные) проекты будут перманентно провоцировать международные конфликты, чью географическую конфигурацию будет сложно прогнозировать

в отрыве от анализа политических рисков вдоль маршрутов пролегания трубопроводов. Не исключено, что новые газо- и нефтетрубопроводы дополнительно обострят и без того нестабильную ситуацию в регионе Центральной Азии и других зонах пролегания трубопроводов и новых транспортных маршрутов [19].

Энергетические и транспортные «поля» 2016 года

В условиях экономических трудностей (западных санкций, неустойчивости валют и др.) для России чрезвычайно важным остаются транспортный и энергетический ресурсы (несмотря на низкие цены на углеводороды и другие негативные факторы) для своего развития и взаимодействия со странами-потребителями. Энергетическое изменение в системе Россия – Китай – Центральная Азия объективно на 2016 г. сохраняет для всех сторон определённые шансы и выгоды. При этом следует учитывать и возможные осложнения на энергетических треках (особенно газовом) как в регионе Центральной Азии, так и в российско-китайском двустороннем формате по причинам резкого снижения уровня потребления энергоносителей и ценовых режимов. 2016 г. на энергетическом (углеводородном) направлении будет непростым для всех. Однако традиции добрососедства и объективные потребности развития двусторонней и многосторонней (ШОС, ЕАЭС)

энергетической кооперации должны позволить преодолеть барьеры и отдельные нестыковки.

Транспортное поле России, Китая и региона ЦА в 2016 г. будет, скорее всего, развиваться более интенсивно в связи с наличием мощного китайского финансово-политического ресурса (открытие Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и др.). Мегапроект «Один пояс – один путь» так или иначе будет стимулировать развитие транспортного трека по всем азимутам и направлениям, включая прежде всего евразийское. Хотя и здесь возможны технологические и маршрутные «нестыковки» – от ширины планируемой китайской «колеи» до географических направлений, большинство которых пойдёт либо полностью минуя Россию, либо проходя лишь половину её территории (модернизация железной дороги Москва–Пекин через Казахстан).

В данном случае речь, конечно, не может идти об объявлении со стороны Москвы какой-либо «транс-

¹⁹ Богатуров А. Д. Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности // Южный фланг СНГ. Вып. 2. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России / под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М., 2005. С. 12.

портной войны» Пекину или попыток создать некую свою альтернативу «Русского Шёлкового пути». Это невозможно ни по политическим, ни по финансово-техническим причинам. Китай представил соседним государствам, включая Россию, достаточно большой набор (от 6 до 8) транспортных коридоров, из которых практически каждый может выбрать себе достаточно выгодный и приемлемый вариант [20].

России необходимо использовать возможность адаптации и применения к своим условиям и сложному рельефу китайских технологий строительства высокоскоростных железных дорог. Причём транспортное измерение может стать центральным в практической реализации стратегии сопряжения региона Центральной Азии, России и Китая, связав новыми дорогами пока малоподвижные структуры ЕАЭС, ШОС и ЭПШП.

²⁰ Материалы Silk Road Forum in Madrid, 28–29 октября 2015 г. Development Research Center of the State Council of China (DRC) // URL: <http://en.drc.gov.cn/silkroadforum.htm>

Библиография • References

- Аристова Л. Б., Семёнова Н. К.* Энергетические (углеводородные) проекты в Центральной Азии: потенциальные риски и возможности усиления конкуренции России и Китая/ отв. ред. А. И. Салицкий. Институт востоковедения РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – 108 с.
- [*Aristova L. B., Semjonova N. K.* Jenergeticheskie (uglevodorodnye) proekty v Central'noj Azii: potencial'nye riski i vozmozhnosti usilenija konkurencii Rossii i Kitaja/ отв. ред. А. И. Салицкий. Institut vostokovedenija RAN. M.: Centr strategicheskoy kon#junkтуры, 2014. – 108 s.]
- Богатуров А. Д.* Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности // Южный фланг СНГ. Вып. 2. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России/ под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М.: Навона, 2005. С. 7–17.
- [*Bogaturov A. D.* Rossiya v global'noj sisteme obespechenija jenergeticheskoy bezopasnosti // Juzhnyj flang SNG. Vyp. 2. Central'naja Azija – Kaspij – Kavkaz: vozmozhnosti i vyzovy dlja Rossii/ pod red. M. M. Narinskogo, A. V. Mal'gina. M.: Navona, 2005. S. 7–17]
- Вихрев М.* Исламские организации и их влияние на существование и распространение исламистского экстремизма // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600>
- [*Vihrev M.* Islamskie organizacii i ih vlijanie na sushhestvovanie i rasprostranenie islamskogo jekstremizma // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600>]
- Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. – 55 с.
- [*Dadabaeva Z. A., Kuz'mina E. M.* Processy regionalizacii v Central'noj Azii: problemy i protivorechija. Nauchnyj doklad. M.: Institut jekonomiki RAN, 2014. – 55 s.]
- Денисов И. Е.* Пекин выйдет из тени по Шёлковому пути // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>
- [*Denisov I. E.* Pekin vyjdet iz teni po Shjolkovomu puti // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>]

- Денисов И. Е. Путешествие на запад. Экономический пояс Шёлкового пути – во-
площение «китайской мечты» в международном формате // URL: [http://www.
centrasia.ru/news2.php?st=1427186400](http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1427186400)
- [Denisov I. E. Puteshestvie na zapad. Jekonomicheskij pojas Shjolkovogo puti –
voploshhenie «kitajskoj mechty» v mezhdunarodnom formate // URL: [http://www.
centrasia.ru/news2.php?st=1427186400](http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1427186400)]
- Доклад Центра антитеррористических программ «Специфика проявлений терро-
ризма и экстремизма в Центральной Азии» // URL: [http://www.terrorunet.ru/
analitic/64.html](http://www.terrorunet.ru/analitic/64.html)
- [Doklad Centra antiterroristicheskikh programm «Specifika projavlenij terrorizma
i jekstremizma v Central'noj Azii» // URL: <http://www.terrorunet.ru/analitic/64.html>]
- Звягельская И. Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии // URL:
<http://viperson.ru/wind.php?ID=277297>
- [Zvjagel'skaja I. D. K voprosu ob ugrozah bezopasnosti v Central'noj Azii // URL:
<http://viperson.ru/wind.php?ID=277297>]
- Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика
и Центральная Азия // URL: [http://www.fundeh.org/files/publications/132/
kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf](http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf)
- [Kazancev A. A. «Bol'shaja igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaja politika
i Central'naja Azija // URL: [http://www.fundeh.org/files/publications/132/
kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf](http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf)]
- Китай впервые принял закон о борьбе с терроризмом // URL: [http://izvestia.ru/
news/600625#ixzz3y9yhK581](http://izvestia.ru/news/600625#ixzz3y9yhK581)
- [Kitaj v pervye prinjal zakon o bor'be s terrorizmom // URL: [http://izvestia.ru/
news/600625#ixzz3y9yhK581](http://izvestia.ru/news/600625#ixzz3y9yhK581)]
- Ли Вэй. Международная борьба с терроризмом должна стать более действенной
и эффективной/Жэньминь жибао – онлайн. 2016. 11 января.
- [Li Vjej. Mezhdunarodnaja bor'ba s terrorizmom dolzhna stat' bolee dejstvennoj
i jeffektivnoj/Zhjen'min' zhibao – onlajn. 2016. 11 janvarja]
- Лузянин С. Г., Сазонов С. Л. Экономический пояс Шёлкового пути: модель
2015 года // Обозреватель–Observer. 2015. № 5. С. 35–46.
- [Luzjanin S. G., Sazonov S. L. Jekonomicheskij pojas Shjolkovogo puti: model' 2015
goda // Obozrevatel'-Observer. 2015. № 5. S. 35–46]
- Материалы Silk Road Forum in Madrid. 28–29 октября 2015 г. Development
Research Center of the State Council of China (DRC) // URL: [http://en.drc.gov.
cn/silkroadforum.htm](http://en.drc.gov.cn/silkroadforum.htm)
- [Materialy «Silk Road Forum in Madrid» 28–29 oktjabrja 2015 g. Development Research
Center of the State Council of China (DRC) // URL: [http://en.drc.gov.cn/
silkroadforum.htm](http://en.drc.gov.cn/silkroadforum.htm)]
- Сазонов С. Л. Россия – Китай: сотрудничество в области транспорта. ИДВ РАН.
М.: Кругъ. 2012. – 332 с.
- [Sazonov S. L. Rossija – Kitaj: sotrudnichestvo v oblasti transporta. IDV RAN. M.:
Krug#. 2012. – 332 s.]
- Салицкий А. И., Семёнова Н. К. Шёлковое наступление Китая // URL: [http://www.
perspektivy.info/oykumena/azia/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm](http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm)
- [Salickij A. I., Semjonova N. K. Shjolkovoe nastuplenie Kitaja // URL: [http://www.
perspektivy.info/oykumena/azia/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm](http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm)]
- Семёнова Н. К. Энергетическая стратегия Китая: угрозы и риски безопасности
в Центральной Азии // Вестник НГУ. Новосибирск: Изд. СО РАН, 2013. Вып. 4:
Востоковедение. С. 124–132.
- [Semjonova N. K. Jenergeticheskaja strategija Kitaja: ugrozy i riski bezopasnosti
v Central'noj Azii // Vestnik NGU. Novosibirsk: Izd. SO RAN, 2013. Vyp. 4:
Vostokovedenie. S. 124–132.]

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути 8 мая 2015 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

[Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve po soprjazheniju stroitel'stva Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i Jekonomicheskogo pojasa Shjolkovogo puti 8 maja 2015 g. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>]

Ханбабаев К. М. Исламский радикализм на Северном Кавказе // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12914.html>

[*Hanbabaev K. M.* Islamskij radikalizm na Severnom Kavkaze // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12914.html>]

Шохзода С. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике // URL: <http://centralasia.narod.ru/articles/1.htm>

[*Shohzoda S.* Problemy regional'noj bezopasnosti Central'noj Azii: vnutrennie aspekty v teorii i na praktike // URL: <http://centralasia.narod.ru/articles/1.htm>]

Якунин В. И. Проблемы международной гармонизации железнодорожного права России. М.: Научный эксперт, 2008. – 224 с.

[*Jakunin V. I.* Problemy mezhdunarodnoj garmonizacii zheleznodorozhnogo prava Rossii. M.: Nauchnyj jekspert, 2008. – 224 s.]

General Administration of the Customs of the People's Republic of China // URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49564/info774878.htm>

Website Analysis (Review) // URL: <http://www.haiguan.info/CustomData/MonthReport.aspx?guid=2888¤cy=usd>

<http://russian.cri.cn/841/2016/01/12/1s571475.htm>

<http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49564/info774878.htm>

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

«Мягкая сила» в мировой политике

«Умная сила»:
к перспективам в мировой политике *, **

Часть 2

Марк НЕЙМАРК

В развитии понятия «мягкая сила» Най использовал термин «умная сила», впервые введённый в научный и экспертно-политический оборот американским политологом Феном Хемпсоном, за что Дж. Най выразил ему большую признательность в примечаниях к своей книге (это к вопросу об единоличном авторстве «умной силы»).

Исходя из того, что «мягкая сила не есть решение всех проблем», Най обосновывает тезис о «сочетании жёсткой силы для понуждения и воз-

мездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения» [1, с. 18]. Так возникла «стратагема умной силы», которая легла в основу деятельности двухпартийной комиссии по «умной силе» в Центре стратегических и международных исследований, которую он возглавил вместе с известным американским политиком Ричардом Армитиджем несколькими годами позже после выхода его книги «Мягкая сила: как добиться успеха в мировой политике». Явно имея в виду критику в адрес «мягкой си-

НЕЙМАРК Марк Афроимович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* mark.neimark@mail.ru

Ключевые слова: «мягкая сила», «жёсткая сила», «умная сила», геополитика, контекстуальный подход.

¹ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014.

* Работа поддержана грантом РФНФ № 15-03-00870 «Философия политического и реальная политика».

** Окончание. Начало см. «Обозреватель–Observer», 2016. № 1.

лы», а также её различных интерпретационных версий. Най настаивает на том, что «умная сила» – это не просто «удвоенная мягкая сила». Речь идёт «о способности соединять жёсткую и мягкую силу в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах» [1, с. 19].

Таким образом, «умная сила» – это взаимосвязанная целостность различных компонентов в их синергетической концептуальной и практико-политической соотнесённости – культурно-гуманитарных, цивилизационных, социально-политических, экономических, военных и т. д., действовавших с учётом их умелого системного взаимодействия в беспрецедентно усложняющихся условиях развития мирополитических процессов, разнонаправленность которых усиливается по нарастающей.

Если ресурсный потенциал и смысловой стержень «мягкой силы» – это общее воздействие на население демонстрационными методами – через культуру, образ жизни, спорт и т. п. на основе привлекательных для объекта воздействия социокультурных и идеологических ценностей, то «умная сила» имеет более узкий, специализированный характер, её определяет нацеленность на процесс принятия решений через внедрение в политический класс идей, которые на практике «движут миром». В конкретном плане – это разработка и продвижение тех или иных идей и концепций в экспертное и политическое сообщество с це-

лью влиять на политические элиты и политическое руководство и побуждать их к принятию соответствующих решений*.

«Умная сила» сугубо прагматична, её геополитическая суть – рациональная взвешенность или взвешенная рациональность. Она ориентирована, естественно, на продвижение и защиту национально-государственных интересов, определяемых на основе собственного видения конкретных особенностей мирового развития, но с гибким, реально новым учётом гигантских подвижек на международной арене, которые ранее не принимались во внимание вообще или в недостаточной мере (это связано со стремительно изменившимся составом акторов мировой политики и степенью их влияния). В этих условиях, признаёт Най в своём блоге, «скомбинировать „жёсткую“ и „мягкую силу“ в умную стратегию – дело нелёгкое» [2].

Оправная точка для адекватного понимания концептуальной новации «умной силы» и причин её появления – расстановка сил крупнейших государств в мире и их ресурсов.

Уходя от наиболее распространённых определений расстановки сил в глобальной мировой политике, Най квалифицирует её следующим образом: «Мир не является ни однополярным, ни многополярным, ни хаотичным, ему свойственны одновременно все эти три характеристики» [1, с. 347].

² Ney J. S. The Limits of Chinese Soft Power. Project Syndicate // URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-civil-society-nationalism-soft-power-by-joseph-s-nye-2015-07>

* Об этих особенностях разграничения, или, точнее, спецификации, рассматриваемых понятий см.: Швыдко В. Г. «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 5.

Основанием для такой констатации являются два типа изменения – это «передача сил и распыление силы». Если переход силы от одного доминирующего государства – исторически привычное явление, то распыление силы, которое происходит как вертикально, так и горизонтально, – относительно новый феномен международной жизни. Най имеет в виду новую форму «пересекающихся сообществ», которые в значительной степени определяют динамику и характер беспрецедентных изменений в современном мире, вызванных информационно-технологической революцией. В этих условиях информация становится ключевым ресурсом силы, неизбежная диффузия которой приводит к тому, что мировая политика больше не является прерогативой одних только правительств, которые на международной арене должны считаться с постоянно возрастающим числом негосударственных акторов.

В современных условиях глобальной взаимозависимости в мире происходит не только увеличение количества транснациональных игроков, но и изменение их типов. Раньше транснациональная активность жёстко контролировалась крупными официальными структурами; сегодня свободно структурированные, практически неконтролируемые сетевые организации приобретают международную значимость и весомость.

Именно в сетевом характере международного терроризма – первопричина огромных трудностей в противоборстве с ним.

Най акцентирует внимание на возрастающей роли киберсилы, или

виртуальной силы, основанной на информационных ресурсах, которая со всей остротой ставит вопрос об обеспечении кибербезопасности. Киберсила, которую Най определяет с учётом поведенческого фактора, представляет собой способность достигать желаемых результатов за счёт использования информационных ресурсов виртуальной сферы кибердомена, при том что это может происходить *внутри* киберпространства или в других сферах за *пределами* киберпространства.

Най разделяет игроков в киберпространстве на три основные категории (с оговоркой, что существует множество подкатегорий):

- правительства;
- организации с высокоструктурированными сетями;
- отдельные лица и слабоструктурированные сети.

Отмечая, что распыление силы в виртуальном пространстве сопровождается относительным сокращением разницы в их силе, он делает при этом специальную оговорку: «...распыление сил не означает равенства сил или замены правительств как самых влиятельных игроков в мировой политике» [1, с. 253].

Разработка стратегии «умной силы» государством требует продуманных конкретных ответов на конкретные вопросы в следующих формулировках Най:

- какие цели или результаты предпочтительны;
- какие ресурсы доступны и при каких обстоятельствах;
- каковы позиции и предпочтения усилий в отношении объектов влияния;

- какие виды силового поведения вероятнее всего ведут к успеху;
- какова вероятность успеха.

Глубина ответа на эти вопросы и эффективность использования «умной силы» в целом может быть достигнута только при помощи новых политико-методологических подходов, новых поисковых решений – таков главный смысл рекомендаций Дж. Найа. Для этого он использует, в частности, понятие «контекстуальный интеллект», который «помогает правильно оценить тенденции в силовых процессах и способствует заблаговременному размышлению о ресурсах умной политики» [1, с. 346]. Его изначальный смысл – умение улавливать зарождающиеся тенденции в бизнесе, адекватно их интерпретировать и максимально использовать.

Первыми понятие «контекстуальный интеллект» ввели в научный оборот для использования в сугубо экономической области исследователи Гарвардской школы бизнеса Энтони Майо и Натин Нориа, определяя его как способность понимать динамику изменений в экономической обстановке и накапливать информацию о тенденциях на меняющихся рынках.

Творчески применяя это понятие к международным делам, Най переформулировал его следующим образом: «Во внешней политике контекстуальный интеллект представляет собой мастерство интуитивной диагностики, помогающей выстраивать политику в соответствии с поставленными целями для того, чтобы создать умный план действий в зависимости от меняющейся обстановки» [1, с. 440].

Най характеризует контекстуальный интеллект как «способность понимать возникающие новые обстоятельства и наилучшим образом ис-

пользовать новые веяния». Именно это, утверждает он, «станет решающим качеством мастерства руководителей, дающим им возможность превращать источники силы в комплекс мер для достижения успеха». Контекстуальный интеллект важен для «более глубокого понимания силы, понимания того, как она меняется и как создается комплекс мер для реализации умной силы» [1, с. 23].

Между тем нельзя не отметить относительную новизну используемого им понятия. Контекстуальный интеллект безусловно важен и в научно-исследовательской деятельности, и в повседневной дипломатической практике, и в аналитической работе всех силовых структур. Но не предполагает ли исходное наличие одного в структурах, отслеживающих мирополитические, экономические, военно-политические и т. д. процессы и тенденции? Тем более что речь идет о современной мировой политике, турбулентной сменяемости ситуаций и событий, осмысление которых требует аналитической конкретики, увязываемой с перспективно-стратегическим видением той или иной международной проблемы в целом.

Чувствовать и понимать контекстуальную специфику геополитических процессов, особенности данного мирополитического момента – привычный удел тех, кто в силу своих профессиональных знаний и умений уже давно участвует в ситуационных анализах мировой обстановки разного аналитического политико-прикладного уровня. Очевидно, в понимании Найа контекстуальный интеллект должен подпитывать прогностическую – краткосрочную или среднесрочную – внешнеполитиче-

скую аналитику, отвечающую современным реалиям. Но именно в этом суть ситуационного анализа. И коль скоро эффективность «умной мягкой силы» напрямую зависит от грамотного аналитического обеспечения, то было бы ошибочно принижать или минимизировать его роль, выполнение которой по определению базируется на том, что Най называет контекстуальным интеллектом. Но не важнее ли сегодня стратегическое видение перспектив мирового развития, формирование глобализованного сознания, без которого то, что Най называет контекстуальным интеллектом, вряд ли может быть продуктивным.

Выработке долгосрочной внешнеполитической линии предшествует анализ, оценка, планирование и прогнозное моделирование. Отсюда особый тип мышления – стратегический, предполагающий концептуальное, системно-ориентированное, направляющее и использующее появляющиеся возможности мышление, которое приводит к открытию новых воображаемых организационных стратегий» [3]. Поэтому не противоречит ли Най сам себе, когда пишет, что «контекстуальный интеллект сегодня требует нового синтеза „либерального реализма“, который видит одновременно ситуацию на всех трёх досках» (речь идёт о его сравнении с «трёхуровневой игрой в шахматы»). Не говоря уже о том, что он прямо признаёт: «Всё-таки в трёхуровневой игре игрок, сосредотачивающий внимание только на

одной доске, в конечном счёте должен неизбежно потерпеть поражение» [1, с. 347]. И тем более что Най настаивает на том, что «стратегия умной силы должна принимать во внимание длительную эволюцию мирового порядка и понимать ответственность крупнейшей страны в международной системе в деле создания глобальных общественных или общих благ» [1, с. 378].

Эффективность «умной силы» в мировой политике предполагает и соответствующий стиль её использования государственными деятелями и политическими элитами, всеми, кто причастен к принятию внешнеполитических решений. Чёрно-белое, устойчиво-матричное представление о мирополитических процессах никак не вписывается в объективно-усложнённую логику «умной силы». Най тесно увязывает стиль и сущность внешней политики, делая упор на то, что политика, учитывающая интересы других людей и долгосрочные национальные интересы, более привлекательна для других стран, нежели политика, которая страдает узостью и близорукостью. Критикуя тех, кто в американской администрации выступает «за более напористый подход к продвижению американских ценностей», он фиксирует его слабую эффективность в восприятии других стран, «чи граждане видят, что американцы не обладают иммунитетом против спеси и следования только собственным интересам» [4, р. 63–64].

³ Алексеева Т. А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 133.

⁴ Nye J. S. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs Group, 2004.

Независимо от используемой тактики, подчёркивает Най, «скромность является важным аспектом стиля внешней политики».

Он приводит весьма показательные результаты опроса общественного мнения в 11 странах, проведённого *BBC* ещё в 2003 г., которые показали, что большинство в каждой из них, включая США, считает Америку «высокомерной страной» [4, р. 66–67].

В подтверждение своих выводов он цитирует тогдашнего советника американского президента по национальной безопасности Брента Скоукрофта, предупреждавшего, что коалиции, созданные «по нашему желанию, могут придать нам имидж высокомерной страны, и можно дойти до точки, когда все будут надеяться, что наступит момент, когда кто-нибудь в конце концов поставит фингал под глазом США из-за того, что мы всем обрыдли, и тогда мы будем полностью связаны по рукам и ногам» [4, р. 67].

Ситуация, описанная Наем, отнюдь не изменилась, и не могла, впрочем, измениться и в последующие годы. З. Бжезинский, призывая «высказываться скромнее», ссылаясь на «замечательный пассаж» Рейнольда Нибура о том, что чем ближе цивилизация к своему упадку, тем горячее она твердит о своём превосходстве: «В этом содержится предупреждение. У нас в последние годы была тенденция – говорить о международных делах в манихейских терминах. Мы – оплот праведности. Кто

не с нами – тот против нас. Кто против нас – тот по определению на стороне зла. Я думаю, что надо быть чуть скромнее» [5, с. 312]. В ещё более жёстких выражениях он говорил о том, что в политике США после распада СССР были «и упущенные возможности, и немислимо глупые действия» [5, с. 19].

Мессианские устремления политической элиты США в значительной степени определяют её стратегическое видение вызовов и угроз современного мира, перспектив развития международных отношений, не говоря уже о внешнеполитических действиях руководства страны, совершаемых без особой оглядки на институционализацию международной среды.

Збигнев Бжезинский высказался на этот счёт со всей определённою: «Теперь распространение демократии становится нашей целью, нашей миссией, пусть даже это приходится делать силой» (выд. – Авт.) [5, с. 251].

Конкретизируя свою оценку, он заявил: «И хотя результаты демократического миссионерства в целом не так уж плохи, у него есть свои недостатки – и в том, что ширма демократизации используется как предлог для достижения иных целей, как в Ираке, и в том, что нам случалось существенно отступать от своей универсальной приверженности демократии, когда нам это было удобно» (выд. – Авт.) [5, с. 253].

С европейского угла ёмко и точно, со знанием дела охарактеризовал эту особенность американской внешней политики видный французский дипломат Габриель Робен,

⁵ Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: АСТ, 2012.

входивший в разное время в ближайшее окружение президентов Франции.

Отмечая, что за последние годы холодной войны и переходного периода «у американцев выработались дурные привычки», он так суммировал свои оценочные выводы: «США так долго говорили о том, что они борются с „империей зла“, что в конечном счёте сами поверили, будто являются „империей добра“. Они так долго рассуждали о демократии и правах человека, что больше не сомневались: им принадлежит эксклюзивное право собственности на эти две ценности. Американцы не только попали во власть подобного рода иллюзий, но и слишком пристрастились к возможности легко поступиться этими ценностями» [6].

И в наши дни на геополитической избранности США, «исключительности американской нации» настаивает само руководство страны, о чём свидетельствуют многократные заявления Б. Обамы.

В своей известной статье в *The New York Times* В. Путин предупредил об опасности попыток президента США обосновать подобную мессианскую позицию: «Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности».

Най придаёт большое значение адекватному пониманию сути и степени международной привлекательности отдельной страны, её брендинга в мировой политике. Здесь есть серьёзная проблема, и она имеет самое прямое отношение к формированию и продвижению имиджа России за рубежом. При этом в отдельных сегментах на-

шего политологического сообщества заметное распространение получила точка зрения, согласно которой именно бренд-политика является стратегическим компонентом «мягкой силы». Речь идёт о своего рода рекламно-маркетинговом подходе к международному имиджу России.

Брендированный подход, органически сопряжённый с известным маркетинговым тезисом – важнее быть первым, чем лучшим, входит в глубинное противоречие с репутационным принципом, который является основополагающим: быть, а не казаться. Репутационная ресурсоёмкость бренд-политики без реальных успехов и побед государства, заметных на фоне других стран, минимальна. Международно-репутационная конкурентоспособность страны – это прежде всего естественное, органичное производное успешной и потому привлекательной внутренней политики в широком спектре её проявлений. Ещё в XIX в. прагматичные датчане исповедовали идею, которая актуальна и сегодня: «выигрывать внутри страны то, что проиграно вовне».

Бренд, лишённый реально заслуженного репутационного качества, легко выхолащивается, распространяясь в самых разнообразных имитационных версиях. Особое значение здесь приобретает понятийно-смысловое обозначение достаточно распространённого в политологических кругах термина «мировое имиджевое пространство».

Возникает вопрос, имеющий принципиальное внешнеполитическое значение: в *имиджевом* ли пространстве

⁶ Робен Г. Образ России как зеркало Запада. Кем становится победитель дракона // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 68.

позиционировать нашу страну и добиваться ей достойного места или всё-таки в мировом *репутационном*, где критерии оценок геополитического статуса и реального положения государств в мире формируются по другим, неимиджевым лекалам? Не об этом ли писал Най (в 2004 г.): «Сегодня репутация играет ещё более важную роль, чем в прошлом, и политическая борьба разворачивается вокруг создания или разрушения достоверности». Он подчёркивал: «Политика стала сферой соперничества конкурирующих достоверностей», причём правительства конкурируют за достоверность не только с другими правительствами, но и с широким спектром альтернативных источников, включая средства массовой информации, корпорации, негосударственные организации, межгосударственные организации и сети научных сообществ [4, р. 106]. Завершает он свою мысль конкретным выводом: «Информация, которая оказывается пропагандой, может не только восприниматься с усмешкой, но может стать и контрпродуктивной, если она подрывает репутацию страны с точки зрения достоверности и правдивости» [4, р. 107].

Между тем Най предупреждал, что «некое подражание или привлечение не дают много власти над политическими результатами, и сама имитация не всегда приносит желаемые результаты» [4, р. 15]. Исходный пункт его оценочной логики – «даже самая лучшая реклама не способна продать непопулярный продукт» [4, р. 110].

«И в новых обстоятельствах века информации, – пишет он семь лет спустя, – тактичная пропаганда достоинств гораздо эффективнее навязчивой рекламы» [4, р. 188]. В другом месте он вновь возвращается к этой проблеме, напоминая первое правило рекламного дела: «Если у вас плохой товар, даже самая хорошая реклама не поможет его продать» [1, с. 62]. И главное: «Действия больше говорят сами за себя, чем слова...» [4, р. 187].

Между тем некоторые авторы продолжают настаивать на том, что позитивный имидж государства, основу которого определяет бренд-политика, «играет сегодня определяющую роль в международных отношениях» [7], являя собой «стратегический приоритет» [1, с. 13] для страны. Но при всей огромной важности имиджа такое упрощённо-зауженное представление о шкале внешнеполитических приоритетов России отнюдь не соответствует современным сложнейшим геополитическим реалиям. Эти авторы определяют национальный брендинг как «процесс целенаправленного воздействия на образ страны с помощью комплекса современных маркетинговых технологий», но тут же сами сущностно ограничивают его реальные возможности и признают, что «это только способ заставить мир захотеть обратить внимание на положительные стороны, качество жизни и успешное развитие страны» [1, с. 21]. Сомнение в стратегически-первоочередной значимости бренд-политики усиливает оговорка, что «нельзя переоценивать маркетинговые и информационные технологии» и тем более убедительная ссылка на С. Анхольта

⁷ Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта // под ред. проф. И. А. Василенко. М.: Международные отношения, 2013. С. 287.

и Д. Хильдрета: весьма наивной представляется вера политтехнологов в их магические способности «превратить свинец в золото» – совершить невозможное и с помощью хитроумного трюка заставить весь мир считать плохое поведение хорошим.

С учётом этих и других концептуальных разночтений политико-методологической несбалансированности ряда оценочных положений вряд ли можно согласиться с пожеланием, чтобы книга, в которой они изложены, «стала практическим руководством к действию для отечественной политической элиты» [1, с. 347].

Таким образом, предлагаемый концептуальный модуль не может быть самоценным сам по себе; возможности его практической функциональной применимости определяются прежде всего в контексте всей внешнеполитической стратегии России. Бренд-политика как вспомогательный, дополнительный инструмент обретёт определённую прикладную значимость только при условии, если будет опираться на реальный репутационный ресурс государства. Те исследователи, которые взвешенно оценивают реальные возможности и потенциал политического брендинга, относят его к *видам* деятельности, рассматривая его одновременно и как *инструмент* публичной дипломатии, пропаганды, информационной войны. «Мягкая сила», в отличие от них, это *ресурс*, для целей обретения которого могут использоваться все перечисленные виды деятельности. При

этом термины *пропаганда* и *информационная война* имеют отрицательные оценочные коннотации и в контексте «мягкой силы» их обычно избегают именно по этой причине [8].

Новая особенность российской «умной мягкой силы» – расширение геополитического ареала её использования в стратегически значимых для страны международных организациях и объединениях. Выступая на саммите БРИКС (июль 2015 г., Уфа), В. В. Путин особо выделил то обстоятельство, что справедливый и безопасный мир невозможно устроить без тесного гуманитарного сотрудничества: «Именно поэтому Россия стремится углублять контакты в сфере культуры, науки, образования, туризма со всеми партнёрами в БРИКС, в ШОС, в Евразийском союзе и в других форматах».

Весьма показателен в этом отношении пример БРИКС, культурно-цивилизационное значение которого исходно предопределяет огромный потенциал и реальные возможности его «мягкой силы».

Новым инновационным этапом в развитии «мягких» форматов стало председательство России в БРИКС с 1 апреля 2015 г.

Конструктивные инициативы нашей страны нашли отражение в Концепции председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015–2016 гг. В ней отмечалось, что до этого времени социально-политическое и гуманитарное взаимодействие в БРИКС но-

⁸ Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. М.: МГИМО-Университет. 2013. Март. Вып. 36. С. 21.

сило «ограниченный характер». Поэтому ставилась задача его полноформатного развёртывания. Документ ориентировал на качественное изменение положения в этой важной области с целью способствовать укреплению позиций нашей страны в БРИКС, развитию межцивилизационного диалога, продвижению общих ценностей стран-участниц на мировой арене.

Россия выступила с инициативой «начать формирование культурного измерения БРИКС».

Подчёркнута важность использования сотрудничества в этой сфере для усиления позиций российской культуры и русского языка в крупнейших странах мира, каковыми являются участники этого межгосударственного объединения. Особо отмечена необходимость вовлечения в его деятельность как политических сил, так и организаций гражданского общества стран БРИКС.

Предложена целевая программа формирования «молодёжного измерения» БРИКС.

Важнейшим итогом уфимского саммита 2015 г. стало совместное заявление стран-участниц о необходимости выработки Стратегии их сотрудничества в области культуры, науки и образования. В рамках конкретизации работы на этом направлении был сделан упор на перенос положительного опыта двустороннего взаимодействия на уровень многостороннего сотрудничества. В настоящее время в БРИКС число форматов взаимодействия, прямо или определённо относящихся к «мягкой силе», превышает четверть из 34 действующих или находящихся в стадии завершения.

Разумеется, было бы ошибочно представлять нынешнее положение дел в розовом цвете, преувеличивая масштабы и темпы развития «мягкой силы» БРИКС: объединение ещё молодое, есть неизбежные внутренние проблемы, а в сложных переплетениях геополитики оно по-прежнему сталкивается с негативными

внешними воздействиями. Но главное – в осознании всеми участниками БРИКС практико-политической важности «мягкой силы» при формировании новой модели межгосударственного общения.

Председательство России в БРИКС – наглядное подтверждение реализации одной из важнейших доктринальных установок внешней политики России. Принципиальный момент: если в Концепции-2000 на первый план выдвигалась «задача формирования за рубежом *позитивного* восприятия России, дружественного отношения к ней», т. е. продвижения её привлекательного образа, то Концепция-2008 уже указывала на «содействие *объективному* восприятию Российской Федерации в мире как демократического государства с социально ориентированной экономической и независимой внешней политикой» (курс. – *Авт.*). Критерий объективности ставится во главу угла и в Концепции-2013, которая подчёркивает необходимость работы над созданием положительного образа России, *соответствующего* авторитету её культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества. При этом уточняется, что в рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться объективного восприятия её в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских СМИ в мировом информационном поле.

В целом «мягкая сила» рассматривается в Концепции-2013 как комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитар-

ные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии.

Вместе с тем обращено пристальное внимание на подводные рифы – риски деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, манипулирования общественным мнением и сознанием.

Очевидная универсальность внесённого концептуального модуля не отменяет другой универсальной очевидности: **«мягкая сила» может быть эффективной только в руках сильного государства**. Поэтому столь важна задача совершенствовать систему применения «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности на этом направлении, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику.

Библиография • References

- Алексеева Т. А.* Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 130–147.
[*Alekseeva T. A.* Strategicheskaja kul'tura: jevoljucija koncepcii // Polis. Politicheskie issledovanija. 2012. № 5. S. 130–147]
- Бжезинский З., Скоукрофт Б.* Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: АСТ, 2012. – 320 с.
[*Bzhezinskij Z., Skoukroft B.* Amerika i mir. Besedy o budushchem amerikanskoj vneshnej politiki. M.: AST, 2012. – 320 s.]
- Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта/ под ред. проф. И. А. Василенко. М.: Международные отношения, 2013. – 359 с.
[*Imidzhevaja strategija Rossii v kontekste mirovogo opyta/ pod red. prof. I. A. Vasilenko.* M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2013. – 359 s.]
- Най Дж.* Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014. – 444 с.
[*Naj Dzh.* Budushhee vlasti. Kak strategija umnoj sily menjaet XXI vek. M.: AST, 2014. – 444 s.]
- Паршин П.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. М.: МГИМО-Университет. 2013. Март. Вып. 36. – 40 с.
[*Parshin P.* Problematika «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Analiticheskie doklady Instituta mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO (U) MID RF. M.: MGIMO-Universitet. 2013. Mart. Vyp. 36. – 40 s.]
- Робен Г.* Образ России как зеркало Запада. Кем становится победитель дракона // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 68. С. 64–71.
[*Roben G.* Obraz Rossii kak zerkalo Zapada. Kem stanovitsja pobeditel' drakona // Rossija v global'noj politike. 2008. № 4. S. 68. S. 64–71]
- Швыдко В. Г.* «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 5–15.
[*Shvydko V. G.* «Umnaja sila» na transtihookeanskom prostranstve // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2014. № 9. S. 5–15]
- Ney J. S.* The Limits of Chinese Soft Power. Project Syndicate // URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-civil-society-nationalism-soft-power-by-joseph-s-nye-2015-07>
- Nye J. S.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs Group, 2004.

Отечественный партогенез: состояние и развитие

Евгения ШАПОШНИКОВА

Положение партий на фоне общественно-политических трансформаций в России представляет научный и практический интерес. В результате происходящих изменений многими политическими исследователями партии стали рассматриваться как «социальные институты, отработавшие свой срок и становящиеся „балластом“ для общества, затрудняющим его функционирование» [1].

Среди политологов достаточно популярным является также мнение, что «государство, способное преемственно сохранять цели, а значит реализовывать сколько-нибудь длительные проекты и программы, должно быть свободно от контроля со стороны политиков и политической деятельности как таковой» [2].

Однако многие политологи всё-таки остаются приверженцами противоположных взглядов и считают, что изменения социальной функции партий в настоящее время в России – явление временное, искоренимое по мере приближения к «западному образцу».

ШАПОШНИКОВА Евгения Александровна – кандидат политических наук (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина). *E-mail*: shaposhnikova-ea@yandex.ru

Ключевые слова: партии, общество, партогенез, государство, социум.

¹ Франчук В. И. Политические партии как пережиток истории // Материалы Всероссийской научной конференции «Политическая и партийная система современной России». 2 октября 2009. М.: Научный эксперт, 2009. С. 72.

² Сергейцев Т. О власти ценностей, которые живут дольше власти. Историческое государство должно быть свободным от политики // Однако. 2011. № 40.

Особенности современного русского партотенеза

Особенность современного русского партотенеза связана с отсутствием полноценного исторического опыта развития партий и функционирования их в политической системе общества. Так, в результате политических реформ, направленных на укрепление вертикали власти в России, государство всё менее нуждалось в институтах-посредниках в отношениях с обществом, в том числе в партиях, формирующих «тесную связь между гражданами и государством» [3].

Политическая партия «Единая Россия», заменившая коммунистическое парламентское большинство, позволила власти без дополнительных рисков диктовать собственные политические условия партиям. И те партии, которые были согласны на эти правила, могли рассчитывать на рекрутирование в парламент своих представителей.

К тому же данные условия не давали возможности участия в выстраиваемой политической системе партиям, отражавшим так называемые узкокорпоративные интересы (при этом необходимо заметить, что учёт интересов даже малочисленных сообществ является в западной демократии показателем её совершенства).

Таким образом, партии были поставлены перед неким выбором: или они должны выражать интересы

своих сторонников, составляющих часть общества (с наличием определённых программ и идеологии, фактическое оппонирование власти и т. д.), или должны использовать свой политический статус в качестве дивиденда, делегированного властью за «системность». И большинство политических партий предпочли второй вариант.

Выбор второго пути развития политических партий в России обусловлен также и изменениями в социальном статусе партий – парламентские партии утратили способность выражать интересы граждан. Для политических партий (включая и оппозиционные) заинтересованность в них руководителей различных органов власти стало более значимым политическим ресурсом, необходимым для их функционирования, чем поддержка граждан [4]. В этой связи в условиях незрелости гражданского общества в стране упование на политические партии как на средство осуществления демократических преобразований в обществе невозможно.

К тому же в настоящее время партии всё меньше воспринимаются большинством населения как носители определённой идеологии или как средство представительства общественных интересов, а скорее ассоциируются с конкретными политиками.

³ Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. 2010. № 4. С. 32.

⁴ Римский В. Л. Универсальные и коррупционные нормы взаимодействия в российской политике // Полис. 2011. № 4. С. 114.

Так, немецкая журналистка Г. Кроне-Шмальц, описывая российские партии, говорит, что, например, ЛДПР «...не является ни либеральной, ни демократической и представляет собой корпорацию вокруг лидера – В. В. Жириновского. Электоральная основа партии не связана с определённой идеологией, а объединяет представителей „протестного выбора, тех, кому не нравилось, что Запад иногда обращался с Россией непозволительно – как с развивающейся страной“» [5].

Исходя из подобных перспектив дальнейшего развития политических партий, главным признаком

российской партийной идентичности в настоящее время следует называть личность её руководителя. Подтверждением этого является несколько снижающаяся в настоящее время, но всё же пролонгированная популярность партии ЛДПР.

К тому же связь политических партий с определённой идеологией отмечается только в случае КПРФ – партии, коммунистическая идеология которой во многом не утратила свою привлекательность и в настоящее время.

Место и роль российских партий в социуме

Итак, если проанализировать место и роль российских партий в социуме настоящего времени, следует выделить некоторые, характерные им, сущностные черты:

1. Утрата партиями облика закрытых политических структур, объединяющих единомышленников с едиными ценностями и идеалами. В своё время ещё Р. Михельс писал, что партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Теоретически выразить интересы определённого класса она, конечно, может, но практически вступление в партию никому не заказано, независимо от того, совпадают ли его личные интересы с положениями программы или нет [6, с. 545].

2. Партии в настоящее время приобретают статус некоего «средства транзита» на пути к власти

и к классу властвующих. Р. Михельс отмечает, что «партия, становясь самоцелью с собственными особыми целями и интересами, целенаправленно отделяется от класса, который представляет» [6, с. 545]. И данное утверждение о взаимосвязи собственных корпоративных целей партий и реальным представительством общественных интересов выглядит очень актуально.

3. Парламентские партии в России, выступая за укрепление режима, препятствующего появлению новых партий – их конкурентов (претендующих на аналогичные преференции), сами являются последовательными противниками демократизации отечественного партогенеза.

4. Следующую характерную черту места и роли партий в отечест-

⁵ Кроне-Шмальц Г. Что в России? Взгляд со стороны. Политические эссе / пер. с нем. М.: изд. «Независимая газета», 2009. С. 23–24.

⁶ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Политология. Хрестоматия / сост. проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М.: Гардарика, 2000.

венном социуме следует охарактеризовать словами французского исследователя Б. де Жувенеля, который говорит о том, что с момента предоставления народного суверенитета парламентом политические партии приобретают характер института унификации «неизменно свободных» мнений, борющихся «между собой на благо отечества и назидание публики» для «эффективности завоевательных действий» элит за долю власти в «представительном собрании» [7, с. 346].

Следствием данной роли партии в политической системе современного общества французский политолог Б. де Жувенель считал «снижение уровня собрания, которое больше не рекрутируется из лучших» [7, с. 346]. Другое следствие, ещё более значимое, отмеченное Б. де Жувенелем и реализованное в жизни современного общества, заключается в том, что «интересы и амбиции создадут союзы, для которых собрание будет просто носителем власти, а народ – неким субъектом, комплектующим собрание. Эти союзы научатся завоёвывать избирательные голоса и проводить послушных депутатов, которые отдадут своим хозяевам главную добычу – бразды правления» [7, с. 346].

В настоящее время в России политические партии превратились скорее в инструмент «политического бизнеса», что стало причиной утраты ими реального влияния в обществе и падения доверия к ним населения. В итоге у партий осталась лишь виртуальная общественная значимость, составляющая основной потенциал для отстаивания выгодного места в структуре «властной вертикали».

5. Формат узкокорпоративных интересов препятствует генерации партиями политических идей, способных мобилизовать общество, нацию или большую часть населения.

6. В ответ на утрату партиями возможности влияния на массы населения также утратило интерес к партиям. Всплеск активности в избирательные кампании, а также соотношение партийного представительства в парламенте практически не отражаются на положении народа, всё больше склоняющегося отстаивать свои жизненные интересы в акциях протеста, в том числе неформальных.

7. При оценке связи развития политических партий в России с выстраиванием многопартийности следует указать на мнения отечественных политологов о многочисленных трудностях становления многопартийной системы в стране. Данный факт исследователи связывают с рядом обстоятельств: неструктурированность общественных интересов, неразвитость гражданского общества, доминирование государства с суперпрезидентским характером власти, а также с незавершённостью процесса институционализации политической системы новой России [8].

⁷ Жувенель Б. де. Власть. Естественная история её возрастания / пер. с фр. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М.: ИРИСЭН, 2011.

⁸ Макаренко Б. «Нанопартийная» система // Pro et Contra. 2007. № 4–5. С. 43.

К тому же политические партии оставили в прошлом важную социальную функцию – обеспечение потока информации: снизу – от народа вверх – к властным структурам, и в обратном направлении. И если канал доставки информации к власти слегка приоткрывается во время избирательных кампаний, то в обратном направлении связь исчезла абсолютно. Даже правящие партии не обладают реальной возможностью влияния на массы, а следовательно, трансляции потенциала легитимности политическому режиму. К тому же политико-образовательные, воспитательные способности политических партий (широко применяемые в эпоху тоталитарных режимов и переходные периоды истории) также абсолютно ими утрачены.

Но тогда следует согласиться с мнением А. Кулика, который, говоря о трансформации партий в постиндустриальном обществе и о кризисе легитимности, рассуждает об ориентирах для политической системы России и задаёт вопрос: «Если ценности и институты демократии, включая политические партии и партийные системы в постиндустриальном обществе переживают кризис легитимности, то что должно служить ориентирами прогресса политической системы России?» [9]

Ответить на этот вопрос можно словами исследователя института политических партий Б. Капустина, который говорит, что ориентиром «прогресса политической системы России» должно служить исключительно расширение публичной сферы политики, являющейся необходимым условием «приобщения индивида к политическому сообществу» и формирования гражданства в стране.

⁹ Кулик А. Трансформация партий в постиндустриальном обществе: кризис легитимности и ориентиры для политической системы России // Политическая наука. 2010. № 4. С. 28.

Библиография • References

- Жувенель Б. де.* Власть. Естественная история её возрастания / пер. с фр. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М.: ИРИСЭН, 2011. – 546 с.
[*Zhuvenel' B. de. Vlast'. Estestvennaja istorija ejo vozrastanija* / per. s fr. V. P. Gajdamaka, A. V. Mateshuk. M.: IRISJEN, 2011. – 546 s.]
- Кроне-Шмальц Г.* Что в России? Взгляд со стороны. Политические эссе / пер. с нем. М.: изд. «Независимая газета», 2009. – 187 с.
[*Krone-Shmal'c G. Chto v Rossii? Vzgljad so storony. Politicheskie jesse* / per. s nem. M.: izd. «Nezavisimaja gazeta», 2009. – 187 s.]
- Кулик А.* Трансформация партий в постиндустриальном обществе: кризис легитимности и ориентиры для политической системы России // Политическая наука. 2010. № 4. С. 8–28.
[*Kulik A. Transformacija partij v postindustrial'nom obshhestve: krizis legitimnosti i orientiry dlja politicheskoy sistemy Rossii* // Politicheskaja nauka. 2010. № 4. С. 8–28]
- Лоусон К.* Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. 2010. № 4. С. 29–48.
[*Louson K. Novyj podhod k sravnitel'nomu issledovaniju politicheskikh partij* // Politicheskaja nauka. 2010. № 4. S. 29–48]

- Макаренко Б. «Нанопартийная» система // Pro et Contra. 2007. № 4–5. С. 43–57.
[Makarenko B. «Nanopartijnaja» sistema // Pro et Contra. 2007. № 4–5. S. 43–57]
- Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Политология: Хрестоматия/ сост. проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. – 843 с.
- [Mihel's R. Sociologija politicheskoj partii v uslovijah demokratii // Politologija: Hrestomatija/ sost. prof. M. A. Vasilik, doc. M. S. Vershinin. M.: Gardarika, 2000. – 843 s.]
- Римский В. Л. Универсальные и коррупционные нормы взаимодействий в российской политике // Полис. 2011. № 4. С. 104–116.
- [Rimskij V. L. Universal'nye i korrupcionnye normy vzaimodejstvij v rossijskoj politike // Polis. 2011. № 4. S. 104–116]
- Сергейцев Т. О власти ценностей, которые живут дольше власти. Историческое государство должно быть свободным от политики // Однако. 2011. № 40.
- [Sergejcev T. O vlasti cennostej, kotorye zhivut dol'she vlasti. Istoricheskoe gosudarstvo dolzhno byt' svobodnym ot politiki // Odnako. 2011. № 40]
- Франчук В. И. Политические партии как пережиток истории // Материалы Всероссийской научной конференции «Политическая и партийная система современной России». 2 октября 2009. М.: Научный эксперт, 2009. С. 71–78.
- [Franchuk V. I. Politicheskie partii kak perezhitok istorii // Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Politicheskaja i partijnaja sistema sovremennoj Rossii». 2 oktjabrja 2009. M.: Nauchnyj jekspert, 2009. S. 71–78]

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Политическая культура российской молодёжи

Валентина СУШКО

В условиях реально существующей в России многопартийности, наличия множества общественных организаций и движений вопросы, связанные с формированием имиджа политических партий и политических деятелей, приобретают особое значение. Большинство населения не включено в реальную политику, имеет недостаточно чёткое представление о программных документах политических партий и общественных движений, не идентифицирует их как выразителей интересов определённых классов. Определяющим в принятии решения при необходимости выбора является имидж политического деятеля или политической партии, которые зачастую весьма существенно отличаются от того, что собой представляет в реальности та или иная партия или политический деятель. Знание того, насколько образ партии или политического деятеля, созданный партийными идеологами и имиджмейкерами, не совпадает с действительностью, позволяет снизить уровень манипуляции массовым сознанием, создаёт предпосылки для формирования у населения гражданских качеств, прежде всего политической культуры и социальной активности.

Особой социальной группой является студенческая молодёжь. Именно в период обучения в вузе идёт не только овладение профессиональными навыками, но и формирование социального мировоззрения политического сознания и политической культуры. От этого зависит, какие деятельные и ответственные люди вольются в общественную жизнь страны в ближайшем будущем. Одна из сущностных характеристик молодёжи – её иннова-

СУШКО Валентина Афанасьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. *E-mail:* valentina.sushko@gmail.com

Ключевые слова: политическая культура, политическое сознание, гражданская позиция, молодёжь.

ционный потенциал. Именно с молодёжью связывается обновление, усовершенствование и развитие культуры и общества. Можно сказать, что молодёжь как новый социокультурный феномен связан с «процессом индустриального развития общества» [1], так как ранее человек из детства и подростка сразу «прыгал» во взрослость. Цивилизационное развитие изменило структуру свободного времени, способствовало увеличению ученической фазы и длительности профессиональной подготовки, появлению молодёжной культуры и субкультуры, определило характер социокультурной дифференциации [2].

Поскольку трактовка политической культуры отличается чрезвычайно широким спектром мнений, формулировок, разного рода определений, необходимо рассмотреть существующие подходы к исследованию данного понятия.

Политическая культура – не механическая совокупность тех или иных ценностей, установок, ориентаций, моделей поведения в отношении политических объектов. Это – специфический способ и образ действия, что прежде всего отражает суть понятия культуры вообще и политической культуры в частности [3]. Другими словами, политическая культура – это не просто распространённые в обществе ценности, но и то, как эти ценности растворены в тех или иных системообразующих структурах и какое влияние они оказывают на социально-политические процессы. При этом важно учитывать воздействие и других элементов политической

культуры, таких, например, как установки, нормы и т. д. [4].

Политическая культура – противоречивая система, в которой в динамичном отношении находятся прошлое, настоящее и будущее. В этом смысле можно говорить о своеобразии политической культуры любой нации вне зависимости от определённого исторического континуума. Политическая культура – единая смысловая схема, которая при заданных изначальных условиях на выходе даёт те или иные результаты. Таким образом, политическая культура представляет собой динамическую модель, но эта динамика в меньшей степени проявляется на уровне всей системы и в большей мере – на уровне изменения значимости («удельного веса») отдельных структурообразующих взаимосвязей и отношений между элементами и уровнями.

Формирование культуры – длительный процесс, поэтому трудно

¹ Гомбоева М. И. Молодёжь как социокультурное явление: методологические подходы к определению системообразующего противоречия // Гуманитарный вектор. 2008. № 1. С. 95.

² Сушко В. А. Особенности протестного поведения современной молодёжи // Социология. 2015. № 3 (в печати).

³ Шевченко Ю. Д. Власть и политическая культура: воздействие политических институтов на советские и постсоветские культурные ценности. Образы власти в политической культуре России / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: МОНФ, 2000.

⁴ Гаджиев К. [и др.]. Политическая культура и политическое сознание // Политическая культура, теория и национальные модели / отв. ред. К. С. Гаджиева. М.: Интерпракс, 1994.

ожидать от норм и ценностей быстрой изменчивости. Политическая культура также рассматривается и как устойчивый феномен [5].

Политическая культура включает в себя те элементы и феномены общественного сознания, и в более широком плане – духовной культуры той или иной страны, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению населения в частности. Политическая культура составляет в некотором роде этос, или дух, который одушевляет формальные политические институты.

Подобно тому, как культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и правила игры в политической сфере. Политическая культура даёт отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, а коллективу – «систематическую структуру ценностей и рациональных доводов». Она представляет руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая интегрированность политической сфере, подобно тому, как общенациональная культура придаёт целостность общественной жизни.

Основополагающие ценности политической культуры имеют первостепенное значение для

жизнеспособности и сохранения преемственности любой общественно-политической системы, поскольку их задача состоит в формировании приверженности данной системе, нормы служат для интегрирования социальных систем. Они включают в себя не только ценностные компоненты, но и особые формы ориентации людей в определённых функциональных и ситуационных условиях [6].

Политическая культура – это система исторически сложившихся, относительно устойчивых политических знаний, установок, ориентаций и моделей поведения социальных субъектов, обеспечивающих воспроизводство и развитие политической системы общества на основе преемственности.

Однако данное понимание политической культуры будет наиболее полным, если выделить её характерные черты и основные элементы.

Политический исторический опыт человечества, наднациональных и национальных общностей является основой развития политической культуры. Он фиксирует историю развития политических отношений в различных формах: исторических, литературных, научных памятниках, политических традициях, обычаях, политической идеологии; в форме функционирующей политической системы с её институтами, нормами, принципами, социально-политическими связями и т. д. Этот опыт в большей или меньшей степени усваивается людьми при их политической социализации. На основе исторического познания формируется политическое сознание людей, социальная память общества, утверждаются политические ориентиры и образцы политического поведения.

Важное место среди различных форм политического опыта занимают политические традиции. Они формируются в результате деятельности не-

⁵ Шестопал Е. Б. Демократические ценности в сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 4.

⁶ Гаджиев К. С. Политическая наука. М.: Международные отношения, 1994. Ч. 2. С. 337.

скольких поколений, являются одной из наиболее устойчивых основ жизни и определяют образцы политического поведения. Сохранение и развитие политических традиций – одно из условий политической стабильности общества и его развития. Законы и нормы, регулирующие общественные отношения, принятые в соответствии с национальными политическими традициями, воспринимаются гражданами не как средство принуждения, а как необходимое явление политической жизни.

На основе политического опыта многих поколений и политической деятельности людей формируется их политическое сознание – ещё один элемент структуры политической культуры.

Политическое сознание – это система политических знаний, ценностей и идейно-политических убеждений людей, на основе которых вырабатываются наиболее устойчивые и значимые политические ориентации и установки людей в отношении политической системы и их места в ней.

В политическом сознании можно выделить: идеологический и эмоционально-психологический компоненты, которые включают политические знания, политические ценности и политические убеждения.

Политические знания – это знания людей о политике, политической системе, различных политических идеологиях, а также о тех институтах и процедурах, с помощью которых обеспечивается участие граждан в политическом процессе.

Граждане должны иметь такой уровень осведомлённости о политической жизни и деятельности правящих структур, который соизмерим с их правами как участников политического процесса.

Политические ценности – это этические и нормативные суждения о политической жизни, политических целях, на реализацию которых направлена политическая деятельность, и соответствующие этому предпочтения.

Политическими ценностями являются законность и порядок, стабильность системы, социальная справедливость и др.

Политические убеждения формируются на основе знаний и ценностей как совокупность представ-

лений, характеризующих политический идеал личности. Другими словами, это представления людей о том, какой должна быть политическая система. Для одних – это демократия, прямая или представительная, основанная на принципе частной собственности; для других – социалистическая демократия; для третьих – тоталитарные системы, основанные, скажем, на идее национального превосходства, и т. д.

Это то, что называется идеологическими предпочтениями.

Любой гражданин соотносит свои политические знания, ценности и убеждения с существующими политическими организационными и процедурными институтами (политическая система в целом, политический режим, партии, организации, законодательство, бюрократия, лидеры и т. д.). Происходит своего рода анализ этих институтов и политической системы, изучение и оценка её с точки зрения способности удовлетворять политические потребности. В этом смысле организационные и процедурные институты политической системы можно рассматривать как инструментальный аспект политической культуры.

С учётом возможностей политической системы у людей формируются политические ориентации и установки, направленные на политическую систему, и формы участия в политическом процессе, которые в совокупности составляют второй компонент политического сознания – эмоционально-психологический. Эти установки ориентированы на политическую систему и формы участия в политическом процессе. Объектами этих установок могут быть:

- политические институты и структуры (например, государство может восприниматься либо как орган принуждения, либо как организующий и регулирующий институт);
- нормативная система (например, уважение к закону или пренебрежительное отношение к нему);
- политические события (понимание их необходимости или случайности, определение качества принятия решений);
- отдельные политические роли (отношение к институту президентства, лидерству в политических организациях, партиях с точки зрения лояльности или рациональности и т. п.).

Сюда также входит отношение к конкретным политическим деятелям (политические рейтинги) и от-

ношение гражданина к самому себе как участнику политического процесса, определение своего места в политической системе. В результате представления о политической системе человек ориентируется на определённые образцы политического поведения.

Политическое поведение – это практическое взаимодействие человека с политической средой, выражающееся в той или иной форме политического участия. Оно обусловлено политическим сознанием, с одной стороны, и уровнем политического развития общества в целом, с другой стороны. Политическое поведение людей проявляется в их политической деятельности и обнаруживает уровень их политической культуры на практике. Так, человек может интересоваться политикой и быть хорошо информированным, он может расценивать деятельность своего правительства как неправильную, и даже приносящую вред, но быть безучастным в политической жизни. Это позволяет говорить либо об отсутствии в его политическом сознании чувства гражданской ответственности, либо об отсутствии в политической системе приемлемых (легитимных) форм воздействия на власть.

Необходимо отметить, что участие человека в политическом процессе может быть предопределено сверху (например, участие в безальтернативных выборах в условиях однопартийной системы, участие в организациях, находящихся под полным контролем правительства) и не оказывать влияния на политиков и принимаемые решения. Автономное участие предполагает свободное волеизъявление гражданина. Указанные формы политического участия включают в себя все современные политические системы. Демократическое общество с высоким уровнем развития политической культуры предполагает при-

оритет автономного участия граждан в политике.

Все эти элементы политической культуры тесно взаимосвязаны друг с другом. Они не существуют изолированно, обособленно друг от друга. К тому же одни и те же политические установки, ценностные ориентации и т. д. у разных индивидов, социальных групп и общностей проявляются неодинаково.

В современном обществе именно молодёжь является наиболее активной частью общества. «Международная комиссия по гуманитарным вопросам ООН среди факторов перемен наряду с новыми государствами, общественными движениями, современной технологией, транснациональной кооперацией и т. п. в качестве реальной и значительной силы перемен определяет молодёжь.

В документах ООН отмечается, что по мере роста численности молодёжи она становится наиболее мощным фактором в формировании общества. Предполагается, что к концу столетия лица в возрасте до 30 лет будут составлять почти 60% населения земного шара, а люди до 25 лет – около 50%.

В любом случае с молодёжью придётся считаться как с силой, которая будет определять политические, экономические и социальные структуры общества и которая уже выступает в качестве фактора развития духовной культуры современного общества... Однако роль молодёжи в общественном развитии много ниже, чем должна и может быть» [7].

⁷ Ильинский И. М. Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. С. 37–38.

Исследование «Социально-политическая активность современной молодёжи» выполнено студентами отделения социологии Французского университетского колледжа МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством автора. Исследование носило количественный характер*, и были получены интересные результаты.

Наиболее общим в отношении молодёжи к политике выступает наличие или отсутствие соответствующего интереса к обсуждению политических событий. На вопрос «Обсуждали ли Вы за последний месяц политические события с членами Вашей семьи или с друзьями, однокурсниками?» ответы распределились таким образом: 95% участников опроса ответили положительно, 5% – не обсуждали политические события за последний месяц.

Наблюдается высокая частота обсуждения среди тех респондентов, кто ответил «да» на указанный вопрос. 66% респондентов отметили, что раз в неделю и чаще обсуждают политические события с членами своей семьи или с друзьями, однокурсниками.

В формировании политического сознания молодёжи ведущую роль играют средства массовой коммуникации. На этом основании был выявлен основной коммуникативный канал, влияющий на политическое сознание студентов, – телевизионные программы. 79% респондентов указали, что смотрели по телевизору телепередачи, посвящённые политическим событиям.

Следующий по популярности источник информации – Интернет (65%). Печатные периодические издания находятся на 3-м месте (51%). Радио у современного студенчества не имеет должного политического авторитета (31%).

Наиболее популярными каналами являются: Первый канал – 64%, «Россия 1» – 49% и НТВ – 40%. Что касается анализа политических телепередач, то больше всего студенты смотрели новостные передачи (43%), «К барьеру» (13%), «Поединок» (12%).

Большинство респондентов читали за последний месяц статьи, посвящённые политическим событиям, в газете «Московский комсомолец» – 16%, «Русский репортёр» – 15% и «Коммерсантъ» – 14%.

Рейтинг радиостанций следующий: «Эхо Москвы» – 30%, «Бизнес FM», «Радио Маяк» – 9%.

Наиболее популярными интернет-сайтами, освещающими политические события, оказались, по мнению большинства, сайты газет – 42%, сайты социальных сетей и блогов – 34%, сайты политических журналов, телеканалов и сайты, посвящённые выборам в Государственную думу и Президента РФ, сайт партий и кандидатов, баллотировавшихся на пост президента РФ, – 8%.

Интересно было выявить отношение молодёжи к более устойчивым типам политических направлений. Несмотря на то что вариант ответа «Я не придерживаюсь никаких политических взглядов» (26%) пользуется популярностью среди студентов, в целом стоит отметить сдвиг идеологических

* Исследование проводилось среди студенческой молодёжи разных вузов в 2015 г., во время пилотного исследования было опрошено 300 чел.

приоритетов молодёжи в пользу демократических (31%) и либеральных (18%) ценностей. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что нынешняя молодёжь стала в целом гораздо менее идеологизированна, менее традиционна; индивидуализированна и демократически настроена.

Также была определена значимость политических ценностей для студентов. Наиболее значимыми оказались ценности свободы личности (46%), социальной справедливости (43%), национальной безопасности и порядка (42%). Студентам также предлагались на выбор высказывания, касающиеся свободы личности и равенства. 55% участников опроса отметили, что при возможности выбора «я решил(а) бы, что важнее свобода личности», т. е. каждый человек может жить и проявлять себя свободно, 25% не согласились ни с одним из высказываний.

Довольно интересными оказались ответы на вопрос, касающийся оценки наличия в современном российском обществе политических ценностей. В полной мере присутствуют такие политические ценности, как социальная справедливость (30%), равенство (28%) и порядок (23%).

Среди молодёжных организаций наибольшей популярностью пользуются «Наши» (67%) и «Молодая гвардия Единой России» (61%). Затем рейтинг заметно падает: «Левый фронт» – 38%, «Россия молодая» – 32%, «Союз коммунистической молодёжи» – 22%, «Мы» – 17%, «Евразийский союз молодёжи» – 12%, «Народно-демократический союз молодёжи» – 11%. Практически вне поля зрения студентов остаётся такая организация, как «Новые люди».

При дальнейшем рассмотрении выяснилось, что, несмотря на инте-

рес к политике, в политических организациях состоит очень незначительный процент респондентов (4%). Это говорит о неучастии молодёжи в организациях, способствующих их политической социализации, что можно объяснить либо низкой эффективностью и неудовлетворительной деятельностью данных объединений, либо пассивностью и незаинтересованностью студентов.

Ещё одним этапом исследования был анализ поведенческого аспекта, куда можно включить анализ политических мотивов в поведении, участие в различных формах политической жизни.

Противоречивость политического сознания молодёжи особенно ярко проявляется в её участии в выборах, митингах и демонстрациях.

За последние 6 месяцев всего лишь 11% (32 чел.) опрошенных принимали участие в политических митингах и демонстрациях.

В выборах в Государственную думу РФ 4 декабря 2011 г. принимали участие больше половины респондентов (60%), из них за «Единую Россию» проголосовали 21%, за КПРФ – 22%, за ЛДПР – 11%, «Справедливую Россию» – 12%, «Яблоко» – 15%, за партии «Правое дело» и «Патриоты России» – по 1%; 3% – испортили бюллетени, 14% – не дали ответ.

Среди причин участия в выборах наиболее популярными оказались: гражданский долг/возможность проявить свою гражданскую позицию – 47%, желание повлиять на положение в стране – 10%, желание голосовать против правящей партии, т. е. «Единой России», – 8%. Голосование остальных определялось самыми разными мотивами.

Анализируя результаты опроса, можно с уверенностью сказать, что большая часть молодёжи проявляет свою гражданскую сознательность, и это определённо положительный факт. Можно говорить о том, что большинство идут голосовать потому, что так требует его долг как гражданина, но при этом молодёжь голосует не за тех кандидатов, которых она бы хотела видеть в избирательных списках, а за тех, кого им предлагают.

В политическом сознании молодёжи необходимо выделить отказ от традиционных политических ценностей и индивидуализацию, ориентацию в большей степени на либерально-демократические ценности. Прежде всего, на наш взгляд, это связано со слабым знанием политических явлений, идеологий, событий в стране и др.

Состояние политической культуры молодёжи в достаточно высокой степени фрагментарно. Отдельные группы молодёжи отличаются друг от друга интересом к политике, уровнем включённости в политическую жизнь, ориентациями на различные идейно-политические течения современной России. Но все эти разли-

чия пока не носят характер острого антагонизма и не приводят к сверхполитизированности.

Политическая культура молодёжи – важная составная часть политической культуры общества в целом, поскольку молодёжь – это та грань, которая стоит между правосознательным населением, обладающим сложившимися представлениями о политической культуре, и людьми, не имеющими о ней даже первичных знаний [8].

Для вовлечения молодёжи в политическую деятельность, формирования у неё активной гражданской позиции необходимо совершенствование системы государственной молодёжной политики, решение основных проблем развития российского общества. Кроме того, необходимо принятие мер воспитательного характера, в результате которых должен сформироваться новый механизм мотивационных установок, стимулирующий включение молодёжи в общественно-значимую деятельность, способную сформировать в ней ответственность за общество, государство, взять на себя «бремя» власти и управления страной.

⁸ Бычкова М. Н., Лопатина А. Ф. Электоральная пассивность молодёжи: причины и пути преодоления // URL: <http://pr.tsu.ru/articles/145>

Библиография • References

- Бычкова М. Н., Лопатина А. Ф. Электоральная пассивность молодёжи: причины и пути преодоления. <http://pr.tsu.ru/articles/145>
 [Bychkova M. N., Lopatina A. F. Elektoral'nayapassivnost' molodezhi: prichiny i puti preodoleniya. <http://pr.tsu.ru/articles/145/>]
- Гаджиев К. С. Политическая наука. М.: Международные отношения, 1994. Ч. 2. – 400 с.
 [Gadzhiev K. S. Politicheskaya nauka. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. Ch. 2. – 400 s.]

- Гаджиев К. С.* [и др.]. Политическая культура и политическое сознание // Политическая культура, теория и национальные модели/ отв. ред. К. С. Гаджиева. М.: Интерпракс, 1994. – 117 с.
- [*Gadzhiev K. S.* [i dr.]. Politicheskaya kul'tura i politicheskoye soznaniye. Politicheskaya kul'tura, teoriya i natsional'nye modeli/ отв. red. K. S. Gadzhieva. M.: Interpraks, 1994. – 117 s.]
- Гомбоева М. И.* Молодёжь как социокультурное явление: методологические подходы к определению системообразующего противоречия // Гуманитарный вектор. 2008. № 1. – 95с.
- [*Gomboeva M. I.* Molodezh' kak sociokul'turnoye yavleniye: metodologicheskiye podhody k opredeleniyu sistemoobrazuyushchego protivorechiya // Gumanitarnyy vector. 2008. № 1. –95s.]
- Ильинский И. М.* Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. – 696 с.
- [*I'inskiy I. M.* Molodezh' i molodezhnaya politika. Filosofiya. Istoriya. Teoriya. – М.: Golos, 2001. – 696 s.]
- Сушко В. А.* Особенности протестного поведения современной молодёжи // Социология. 2015. № 3 (в печати).
- [*Sushko V. A.* Osobennosti protestnogo povedeniya sovremennoy molodezhi. Sociologiya // 2015. № 3 (vpechati)]
- Шевченко Ю. Д.* Власть и политическая культура: воздействие политических институтов на советские и постсоветские культурные ценности. Образы власти в политической культуре России/ под ред. Е. Б. Шестопал. М.: МОНФ, 2000. – 198 с.
- [*Shevchenko U. D.* Vlast' i politicheskaya kul'tura: vozdeystviye politicheskikh institutov na sovetskiye i postsovetskiye kul'turnye tsennosti. Obrazyvlasti v politicheskoy kul'ture Rossii / pod red. E. B. Shestopal. M.: MONF, 2000. – 198 s.]
- Шестопал Е. Б.* Демократические ценности в сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 11–17.
- [*Shestopal E. B.* Demokraticheskie tsennosti v soznanii rossiyan // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 1996. № 4. S. 11–17]

Квалификация преступных действий российских граждан, воюющих на стороне ИГИЛ

Анастасия МАЯКОВА

Президент России В. В. Путин, выступая на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, отметил, что в настоящее время «в лагерях „Исламского государства“* проходят „обкатку“ боевики из многих стран, в том числе из европейских... Россия не является здесь исключением. Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили своё чёрное дело. Мы этого не хотим... Россия всегда твёрдо и последовательно выступала против терроризма во всех его формах» [1].

Данные о количестве участников в данном преступном объединении граждан России разнятся.

Так, по словам главы российского МИД С. В. Лаврова, в ИГИЛ завербованы около двух тысяч граждан РФ [2]. Секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушев отметил, что таких лиц более тысячи [3].

МАЯКОВА Анастасия Станиславовна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент. *E-mail:* mayakov25@list.ru.

Ключевые слова: незаконное вооружённое формирование, террористическая организация, наёмничество, проблемы квалификации, признаки состава преступления, ИГИЛ.

¹ Выступление президента России В. В. Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // URL: kremlin.ru

² Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова Русской службе новостей 9 июля 2015 г. // URL: ruspovosti.ru hposts/37926

³ Патрушев Н.: «На стороне ИГИЛ воюют более тысячи россиян» // URL: aif.ru

* Деятельность «Исламского государства» на территории Российской Федерации запрещена.

Очевидно, что их число постоянно увеличивается, а действия этих граждан представляют непосредственную угрозу безопасности России. Поэтому возникают вопросы, связанные с возможностью квалификации участия этих лиц в преступном объединении «Исламское государство», согласно российскому уголовному законодательству.

Кто есть кто?

Если обратиться к новостным лентам, то действия данных субъектов, тракуются по-разному: то представители банформирований, то наёмники [4]. Но ведь каждый из этих терминов имеет правовую основу.

Так, участие наёмника в вооружённом конфликте или военных действиях должно быть квалифицировано по ч. 3 ст. 359 УК РФ («Наёмничество»); участие в банде – по ч. 2 ст. 209 УК РФ («Бандитизм»); а участие в незаконном вооружённом формировании – по ч. 2 ст. 208 УК РФ («Организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём»).

Термин «участник банформирования» в принципе не следует относить к уголовно-правовым. Этим термином политики и журналисты стали называть в своё время представителей незаконных вооружённых формирований и банд на территории Чеченской Республики и других республик Северного Кавказа [5]. Действительно, изначально действия участников конкретной группы было трудно квалифицировать по ст. 208 или 209 УК РФ соответственно. Кроме того, в ряде случаев можно

было вести речь о совокупности вышеуказанных составов преступлений, которые усматривались в действиях отдельных из этих групп [6]. Такая совокупность появлялась прежде всего в тех случаях, когда канал финансирования НВФ был перекрыт, а участники группы не прекратили своей преступной деятельности, изменив лишь её направленность.

Сегодня же ответственность за участие с преступной деятельности, направленной против интересов нашей страны за рубежом, предусмотрена в ч. 3 ст. 359 УК РФ («Участие наёмника в вооружённом конфликте или военных действиях»), а также в ч. 2 ст. 208 УК РФ («Участие на территории иностранного государства в вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации»). Кроме того, нельзя забывать о составе преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 205.5 УК РФ («Участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Фе-

⁴ Войны на Ближнем Востоке (URL: voicesevas.ru); Военная операция России в Сирии (URL: 3mv.ru); ИГИЛ на коленах (URL: giafan.ru).

⁵ Григоров Ю. М. Противоправность деятельности наёмников банформирований // Обозреватель–Observer. 2012. № 11. С. 45–53.

⁶ Приговор от 8 августа 2014 г. № 2-13/2014 2-40/2013 по делу № 2-13/2014 // URL: sudAct.ru

дерации признана террористической»), ведь преступное объединение «Исламское государство» отнесено решением Верховного Суда РФ к разряду террористических организаций [7].

Означает ли это, что в действиях лиц, которые воюют на стороне данной террористической организации можно усмотреть признаки состава пре-

ступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 205.5 УК РФ?

Можно ли при этом их считать наёмниками (ч. 3 ст. 359 УК РФ) или участниками незаконного вооружённого формирования (ч. 2 ст. 208 УК РФ)?

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим последовательно выше-названные составы преступлений.

О составе преступления: статья «Наёмничество»

Родовым и видовым объектами преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 359 УК РФ («Наёмничество»), является группа общественных отношений, обеспечивающих защиту мира и безопасность человечества.

Поскольку основной целью организации «Исламское государство Ирака и Шама» является «создание на территории Сирии, Ирака и Ливана исламского суннитского государства, живущего по законам шариата, а также ведение „джихада“ (священной войны) с „кафирами“ (неверными) во всём мире» [8], представляется, что деятельность данной группы угрожает миру и безопасности человечества в целом.

Однако если рассматривать непосредственно военный конфликт

на территории Сирийской Арабской Республики (САР), то его нельзя отнести к конфликтам международного характера.

В. А. Батырь считает, что «наёмничество» следует отнести к преступлениям международного характера.

«Преступления международного характера – это такие правонарушения индивидов или групп лиц, которые посягают не только на национальный, но и международный правопорядок, представляя общественную опасность для двух, нескольких или всех государств» [9].

Основным объектом состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 359 УК РФ («Наёмничество»), являются общественные отношения, обеспечивающие безопасное состояние мира

⁷ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. П. 22 «Исламское государство» (другие названия: «Исламское государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство Ирака и Шама») // ВС РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С (вступило в силу 13 февраля 2015 г.) // URL: nac.gov.ru

⁸ Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. по делу № АКПИ14-1424С // Банк судебных решений Верховного Суда РФ // URL: supcourt.ru

⁹ Батырь В. А. Международное гуманитарное право // URL: base.consultant.ru

между государствами и народами [10].

Но есть и несколько иные точки зрения по данному вопросу.

Так, К. Л. Осипов в качестве основного непосредственного объекта состава преступления, за которое предусмотрена ответственность ст. 359 УК РФ («Наёмничество»), называет общественные отношения, обеспечивающие «стабильность международных отношений и мирное сосуществование государств... В качестве дополнительных объектов выделяет регламентированные международным правом средства и методы ведения войны, а также законный процесс формирования национальных вооружённых сил государств» [11].

Для того чтобы рассуждать об объектах анализируемого состава, необходимо уточнить современную трактовку понятия «государство».

В теории права государством называют «определённый способ организации общества, основной элемент политической системы, **организацию** публичной политической власти, распространяющуюся на всё общество, выступающую его официальным представителем и опирающуюся на средства и меры принуждения. Как управляющая обществом система, государство обладает внутренней структурой, имеет специальные органы для реализации своих полномочий – механизм государства, его аппарат».

В конституционном праве под государством подразумевается «совокупность офици-

альных органов власти (**правительство**, парламент, суды и др.), действующие в масштабе страны или субъекта федерации (иной территориально-политической единицы) с местными агентами (представителями) этих органов (префектами, комиссарами и т. п.)».

Государство как субъект международного права – это «основной участник международных отношений. Оно включает как политическую организацию власти, так и **население** с определённой территорией. Основным характеризующим государство качеством является **суверенитет**».

Очевидно, что ИГИЛ государством в традиционном значении этого слова не является. Кроме того, как было отмечено, данная структура решением Верховного Суда РФ признана террористической. А военный конфликт на территории САР к международным вряд ли можно отнести. Поэтому представляется, что деятельность данной преступной группы террористической направленности причиняет вред прежде всего общественной безопасности.

Объективная сторона ч. 3 ст. 359 УК РФ предусматривает ответственность за участие наёмника в вооружённом конфликте или военных действиях. Состав формальный, преступление длящееся. Участие в вооружённом конфликте или военных действиях представляет собой прежде всего нахождение

¹⁰ Комментарий к УК РФ (13-е изд., перераб. и доп.) / отв. ред. В. М. Лебедев // URL: base.consultant.ru; Бриллиантов А. В., Долженкова Г. Д., Иванова А. Е. [и др.]. Комментарий к УК РФ (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова // URL: base.consultant.ru

¹¹ Осипов К. Л. Ответственность за наёмничество по российскому уголовному законодательству. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук // URL: lawtheses.com

субъекта в рядах участников одной из сторон конфликта, а также выполнение боевых заданий либо заданий по обеспечению жизнедеятельности данной группы.

М. Ш. Шайдаев отметил, что «обстановку вооружённого конфликта», в которой совершается преступление, можно определить «как ограниченную пространственно-временными рамками совокупность факторов и условий, обусловленных как вооружённым противостоянием, так и ведением боевых действий» [12].

Согласно п. «д» ст. 6 Военной доктрины РФ, вооружённый конфликт – это «вооружённое столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооружённый конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооружённый конфликт)» [13]. Из данного определения следует, что стороной конфликта может выступать не только государство, но также и преступное объединение.

Понятие «военные действия» законодателем не разъяснено. В. Попов отмечает, что под военными действиями следует понимать «боевые действия... с использованием специальных средств, оружия и боевой техники, в условиях состояния войны, военного, чрезвычайного положений, при проведении контртеррористической операции, направленные на отражение агрессии... пресечение попыток свержения конституционного строя, ликвидацию незаконных вооружённых формирований, межнациональных конфликтов» [14]. Видимо, наёмничество может быть как в мирное, так и в военное время.

Субъективная сторона анализируемого состава преступления предусматривает вину в форме прямого умысла.

Так, можно ли в связи с вышеизложенным участников ИГИЛ называть наёмниками?

В. А. Батырь подчёркивает, что большинство современных исследователей придерживается следующего определения наёмника: «Это физическое лицо (иностранец или апатрид), добровольно вступившее в вооружённый конфликт не из идеологических, национальных, политических соображений и не в соответствии с воинской обязанностью, а ради собственной экономической выгоды (т. е. в корыстных целях, за деньги) на стороне одного из участников вооружённого конфликта (внутригосударственного либо международного)» [9].

Когда мы говорим об участниках «Исламского государства», необходимо помнить о том, что в основе преступной деятельности большинства из них лежат прежде всего религиозные, идеологические, политические либо националистические мотивы.

Специальный докладчик Комиссии по правам человека Э. Б. Бальестерес отметил, что под наёмниками понимаются «лица, имеющие военные профессии, которые за плату предлагают свои профессиональные услуги для участия в преступной деятельности. Как правило, наёмническая деятельность используется для участия в вооружённом конфликте в стране, отличной от страны происхождения, для осуществления такой деятельности требуется высокая профессиональная квалификация лица, которая и является предметом

¹² Шайдаев М. Ш. К вопросу об обстановке вооружённого конфликта // URL: lawmir.ru

¹³ Указ Президента РФ от 26 декабря 2014 г. «О военной доктрине РФ» // URL: rusvesna.su

¹⁴ Попов В. Правовые особенности безвестного отсутствия военнослужащих (К вопросу о понятии военных действий по ст. 45 ГК РФ) // URL: yurclub.ru

оплаты, т. е. речь идёт о купле-продаже военных услуг» [15].

Юридическое понятие «наёмничество» в российском законодательстве и нормах международного права несколько разнится.

Согласно примечанию к ст. 359 УК РФ, наёмником признаётся лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооружённом конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей. Законодатель в данном определении называет ряд условий, наличие которых в совокупности позволит нам определённое лицо считать субъектом преступления, за которое предусмотрена ответственность ч. 3 ст. 359 УК РФ («Наёмничество»).

В качестве первого из них выступает факт получения наёмником материального вознаграждения. Таким образом, случаи, когда участником вооружённого конфликта движут исключительно религиозные или идеологические соображения, к наёмничеству отнести нельзя. Определённые трудности возникают, когда сам факт вознаграждения за подобную деятельность не исключается, хотя не выступает в качестве основы для вступления в ряды вооружённой группы, участвующей в конфликте. Проблема видится также и в том, что сам факт доказывания получения наёмником материального воз-

награждения представляется весьма затруднительным.

Цель получения материального вознаграждения, хотя и выступает в разных формулировках, всё же скорее объединяет определения наёмничества в российском и международном праве.

Так, согласно ст. 1 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, наёмником является лицо, которому «в действительности обещано... материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооружённых сил данной стороны» [16].

Второе условие – это отсутствие гражданства государства, участвующего в вооружённом конфликте или военных действиях, т. е. речь идёт об участии иностранца или апатрида в вооружённом конфликте или военных действиях.

Третье условие предусматривает, что наёмником является лицо, которое постоянно не проживает на территории государства, участвующего в вооружённом конфликте или военных действиях, т. е. не имеет вида на жительство, разрешения на временное проживание и т. п., а значит, не может подтвердить факт постоянного проживания документально.

Исходя из условий, заложенных в примечании к ст. 359 УК РФ,

¹⁵ Бальестерес Э. Б. Использование наёмников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение (пп. f п. 43 разд. 5 доклада) // URL: pandia.ru/text/79/479/47995.php

¹⁶ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 г.). // URL: un.org

вряд ли можно называть наёмниками участников преступного объединения «Исламское государство».

Как было отмечено, несколько отличается от российского понятие «наёмничество» в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников. Российская Федерация данную конвенцию не ратифицировала.

Согласно ст. 1 Конвенции, термин «наёмник» означает любое лицо, которое:

- а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооружённом конфликте;
- б) принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное

вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооружённых сил данной стороны;

с) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

д) не входит в личный состав вооружённых сил стороны, находящейся в конфликте;

е) не направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в личный состав его вооружённых сил [16].

Очевидно, что субъектов, участвующих в деятельности ИГИЛ, нельзя назвать ни наёмниками, ни комбатантами* и с точки зрения норм международного права.

О составе преступления: статья «Участие в незаконном вооружённом формировании»

Часть 2 ст. 208 УК РФ предусматривает ответственность за «участие в вооружённом формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих ин-

тересам Российской Федерации».

Незаконное вооружённое формирование отличают такие признаки, как групповой характер совершения преступления (обязательное соучастие), организованность (военизованность), устойчивость и вооружённость [17].

Родовым объектом анализируемого состава преступления является

¹⁷ Маякова А. С. Уголовно-правовые основы борьбы с организованной преступностью // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 63.

* Комбатант (от *фр. combattant* – воин, боец) – это лицо, входящее в состав вооружённых сил стороны, находящейся в вооружённом конфликте, и имеющее право принимать непосредственное участие в военных действиях. Комбатант имеет право применять так называемое «дозволенное насилие», ограниченное нормами МГП, и в случае взятия в плен комбатант не будет преследоваться за это // Калугин В. Ю. Курс международного гуманитарного права. М.: Тесей, 2006. С. 123.

группа общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок. Видовым и основным непосредственным объектом преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 208 УК РФ, является общественная безопасность.

Понятие «безопасность» понимается как «отсутствие опасности либо положение, при котором кому-либо, чему-либо не угрожает опасность».

Понятие общественной безопасности закреплено в п. 4 Концепции общественной безопасности РФ.

«Под общественной безопасностью понимается состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

В п. 5 данной концепции также закреплено, что «Российская Федерация при обеспечении общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования системы обеспечения общественной безопасности, а также политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и экстремистской деятельности» [18].

ИГИЛ можно назвать одной из основных угроз для национальной безопасности Российской Федера-

ции. Представители «Исламского государства» захватили обширные территории, имеют современное оружие и значительные денежные средства. Их представители пытаются создать ячейки своей структуры на территории России. Поэтому вред, причиняемый участниками «Исламского государства» общественной безопасности России, не вызывает сомнений.

Объективная сторона ч. 2 ст. 208 УК РФ предусматривает в том числе и ответственность за «участие на территории иностранного государства в вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации».

Для объективной квалификации участия в незаконном вооружённом формировании необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Согласно п. 27 постановления, «под участием в незаконном вооружённом формировании надлежит понимать вхождение в состав такого формирования (например, принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы, оружия), выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого формирования (обучение его участников; строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений; приготовление пищи; ведение подсобного хозяйства в местах расположения незаконного вооружённого формирования

¹⁸ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ № Пр-2685 от 14 ноября 2013 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>

и т. п.). Преступление в форме участия лица в незаконном вооружённом формировании считается оконченным с момента совершения конкретных действий по обеспечению деятельности незаконного вооружённого формирования» [19]. Состав формальный, преступление делящееся.

Субъективная сторона анализируемого состава преступления предусматривает вину в форме прямого умысла. Кроме того, в случаях, когда речь идёт об участии в незаконном вооружённом формировании на территории иностранного государства, необходимо наличие специальной цели – деятельность НВФ, противоречащая интересам России. Субъект – общий: физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Получается, что все признаки состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 208 УК РФ, соответствуют деятельности участников незаконных вооружённых формирований, входящих в состав ИГИЛ. Судебная практика учитывает это обстоятельство.

Так, по ч. 2 ст. 208 УК РФ приговором Верховного Суда Республики Дагестан от 10 августа 2015 г. квалифицированы действия Саидахмедова Эльнара Насрудиновича.

В частности, по данному делу установлено, что в августе 2013 года Э. Н. Саидахмедов, «являясь гражданином Российской Федерации и сторонником радикальных исламских взглядов в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, решил принять участие в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики на сто-

роне оппозиции против действующего правительства указанного государства. Во исполнение своего преступного умысла 11 декабря 2013 года авиарейсом 9731 Махачкала – Сабиха он убыл из г. Махачкалы Республики Дагестан в г. Стамбул Турецкой Республики, откуда не позднее 20 декабря 2013 года пересёк вне пункта пропуска турецко-сирийскую границу и, прибыв на территорию Сирийской Арабской Республики, в указанный период времени по собственной инициативе вступил в состав радикальной исламистской группы под руководством „Абу Бакра“, являвшейся структурным подразделением организации „Исламское государство Ирака и Шама“ – вооружённого формирования, действующего на территории Сирийской Арабской Республики и не предусмотренного законодательством данного государства.

Совместно с иными неустановленными лицами из числа как граждан Российской Федерации, так и других государств Саидахмедов Э. Н. исполнял функциональные обязанности по обеспечению деятельности данного подразделения, совершал боевую и физическую подготовку, а также принимал непосредственное участие в охране территории, подконтрольной оппозиционным силам. 5 января 2014 года Саидахмедов Э. Н. по указанию „Абу Бакра“ был переведён в базировавшееся в том же районе Сирийской Арабской Республики другое структурное подразделение ИГИЛ, „Азербайджанский дом“, численностью около 30 человек, где, получив на вооружение неустановленное в ходе следствия огнестрельное оружие – автомат Калашникова, калибра 7,62 мм, и боеприпасы к нему, продолжил исполнение ранее возложенных на него обязанностей. А 8 января 2014 года авиарейсом № ХК-413 „Стамбул-Внуково“ вылетел в г. Москву» [20].

Действительно, наличие всех элементов проанализированного выше

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // URL: base.consultant.ru

²⁰ Приговор № 2-47/2015 от 10 августа 2015 г. по делу № 2-47/2015 // URL: sudAct.ru

состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 208 УК РФ, налицо. Но нельзя при этом забывать, что речь идёт не об отдельной независимой организованной преступной группе, а о незаконных вооружённых формирова-

ниях, которые объединены в составе более крупной преступной структуры – преступной организации «Исламское государство». Здесь возникает вопрос о необходимости квалификации содеянного этими лицами дополнительно по ст. 205.5 УК РФ.

**О составе преступления:
статья «Участие в деятельности организации,
которая в соответствии с законодательством
Российской Федерации признана террористической»**

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 205.5 («Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации») [21]. При этом понятие «террористическая организация» законодатель не разъяснил. Но в ч. 2 ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» указано, что «организация признаётся террористической и подлежит ликвидации (её деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчинённого ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1–282.3 и 360 УК РФ, а также в случае, если указанные

действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией её прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете её деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации» [22].

Единый федеральный список организаций, признанных Верховным Судом РФ террористическими, размещён на официальном сайте Национального антитеррористического комитета РФ [23].

Террористическая организация является специальным видом преступного объединения, сам факт создания которого является преступлением.

Так, согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ, «преступление признаётся совершённым преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой

²¹ Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // URL: base.garant.ru

²² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии терроризму» // URL: base.garant.ru

²³ URL: nac.gov.ru/hpage/4570.html

или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

Исходя из понятия преступной организации, закреплённого в ч. 4 ст. 35 УК РФ, а также диспозиции ч. 1 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, можно выделить ряд признаков террористической организации:

- обязательное соучастие;
- организованность;
- структурированность;
- наличие специальной цели;
- включение в федеральный список террористических организаций.

Террористическая организация относится к составам с так называемым обязательным (необходимым) соучастием, т. е. это преступление невозможно совершить в одиночку.

Следующим признаком состава является организованность. Признак «организованность», во-первых, закреплён в ч. 4 ст. 35 УК РФ, а во-вторых, вытекает из систематического толкования ч. 1 и 2 ст. 205.5 УК РФ, в которых предусмотрена ответственность за такие деяния, как организация деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, а также за участие в деятельности такой организации. Организованность предполагает наличие некоего целого, имеющего внутреннюю структуру, лидера, распределение ролей между участниками, планомерность действий членов преступного объединения.

Признак структурированности присущ любой преступной органи-

зации, в том числе террористической. Официального разъяснения особенностей структурированности для террористической организации законодателем осуществлено не было.

Однако согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней)», под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных её подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Диспозиция ст. 205.5 УК РФ не закрепляет какой-либо специальной цели для организации деятельности террористической организации или для участия в деятельности такой организации. Представляется, что это совершение преступлений террористической направленности. Однако законодателем в ч. 4 ст. 35 УК РФ сформулирована цель организации для любого преступного сообщества (преступной организации), сам факт создания которых является преступлением – это совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или кос-

венно финансовой или иной материальной выгоды. Очевидно, что данная цель в меньшей степени может иметь отношение к террористическому сообществу и террористической организации, в отличие от состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 210 УК РФ («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нём (ней)»). Ведь для организованной преступности, в смысле ст. 210 УК РФ, прибыль и сверхприбыль является той основной целью, к которой стремятся участники данной группы.

Что касается террористического сообщества и террористической организации, то создание этих преступных объединений преследует прежде всего иные цели, чем получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Известно, например, что торговля сирийским хлопком и нефтью, контрабанда сигарет и наркотиков, торговля людьми и их органами составляет доходную часть бюджета ИГИЛ, однако очевидно, что получение прибыли в этом случае является хотя и крайне необходимой, но всё же промежуточной задачей и лишь финансово обеспечивает реализацию основных целей, стоящих перед данным преступным объединением.

Поэтому представляется, что закрепление в ч. 4 ст. 35 УК РФ специальной цели, являющейся при этом

обязательным признаком для каждого из специальных видов преступных объединений*, представляет собой пример коллизии уголовно-правовых норм и затрудняет процесс доказывания по данным уголовным делам.

Ещё одним специфическим признаком террористической организации является признание её в этом качестве, т. е. включение в Единый федеральный список организаций, признанных Верховным Судом РФ террористическими.

Очевидно, что «Исламское государство» обладает всеми вышеперечисленными признаками. Обратимся к элементам состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, для того, чтобы окончательно решить вопрос о том, как следует квалифицировать действия россиян – участников вооружённого конфликта, выступающих на стороне «Исламского государства», по анализируемой статье.

Непосредственным объектом данного состава преступления, как и преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 208 УК РФ, является группа общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность.

Безусловно, преступные действия участников террористической организации «Исламское государство», совершаемые за рубежом, создают реальную угрозу и российскому обществу.

* Специальными видами преступных объединений автор называет организованные преступные группы и преступные сообщества (преступные организации), сам факт создания или участия в которых образует состав оконченного преступления. Речь идёт о преступлениях, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 212, 239, 279, 282.1, 282.2, 284.1 УК РФ.

В качестве подтверждения этому выступает и террористический акт, совершённый представителями этой организации в отношении российского лайнера А321, разбившегося в Египте на Синайском полуострове, и расстрел российских пилотов СУ-24, а также гибель морского пехотинца в Сирии и террористический акт в Мали, где также пострадали российские лётчики.

Реальный принцип действия уголовного закона (УК РФ) в пространстве позволяет привлечь участников ИГИЛ к ответственности по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ. А в тех случаях, когда речь идёт о российских гражданах, воюющих на стороне ИГИЛ, та же возможность появляется на основании принципа гражданства.

Объективная сторона ч. 2 ст. 205.5 УК РФ предусматривает ответственность за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

Что же представляет собой участие в деятельности террористической организации? Официальное разъяснение данного термина, применительно к ст. 205.5 УК РФ, отсутствует.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 постановления от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней)», отметил, что под участием в преступном сообществе (преступной организации) (ч. 2 ст. 210 УК РФ) следует понимать вхождение в состав сообщества (организации), а также разработку планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ве-

дение документации, подыскание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, создание условий совершения преступлений и т. п.). Преступление в форме участия лица в преступном сообществе (преступной организации) считается оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных преступлений или иных конкретных действий по обеспечению деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Участие в деятельности террористической организации также представляет собой вхождение в состав данного объединения, выполнение субъектом преступления функциональных обязанностей по обеспечению деятельности данной преступной группы. Это может быть оказание медицинских услуг участникам террористической группы в целях возвращения их в строй, приготовление пищи, а также совершение конкретных преступлений в составе данного объединения.

Очевидно, что совершение преступлений в составе террористической организации требует дополнительной квалификации по иным статьям Уголовного кодекса РФ (кроме ст. 205.5 УК РФ).

Субъектом преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Субъективная сторона анализируемого состава преступления выражается виной в форме прямого умысла: лицо осознаёт, что участвует в деятельности террористической организации, и желает осуществлять эти действия.

Представляется, что все признаки проанализированного выше со-

става преступления можно усмотреть в действиях российских граждан, которые принимают участие в деятельности «Исламского государства». Тем не менее, как было отмечено, сегодня судебная практика идёт по другому пути. В действиях россиян, которые участвовали в преступной деятельности «Исламского государства» в Сирии, усматривают лишь признаки преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 208 УК РФ («Участие на территории иностранного государства в вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации») [20].

Так, например, Ленинский суд г. Тюмени приговорил к двум годам лишения свободы Виталия Макарова по ч. 2 ст. 208 УК РФ за участие в незаконном вооружённом формировании.

В ряды одного из подразделений «Исламского государства» Макаров вступил в 2013 г. До марта 2013 г. он обучался в исламском теологическом университете Каира, где был завербован представителями запрещённой в России группировки ИГИЛ. Затем он вылетел из Каира в Турцию, нелегально перешёл турецко-сирийскую границу и присоединился к вооружённому формированию «Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар» («Джамаат

приезжих и местных»), воюющему на стороне «Исламского государства».

Как отмечается в материалах дела, Виталий Макаров принёс присягу одному из местных амиров ИГИЛ и стал обучаться боевой, физической и тактической подготовке на учебно-тренировочной базе. После обучения ему выдали автомат, боеприпасы и отправили на поле боя. С апреля 2013 г. по январь 2014 г. Макаров принимал активное участие в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики в составе антиправительственных сил. При этом Макаров регулярно получал денежное вознаграждение – 1200 сирийских лир, что равняется примерно 100 долларам США.

После наступления республиканской армии Макаров сбежал в Египет. 10 февраля 2015 г. при попытке вновь вылететь в Турцию для участия в боевых действиях на территории Сирии, он был выдворен представителями местных правоохранительных органов к себе на родину за нарушение египетского миграционного законодательства. По прибытии в Россию Макаров был задержан сотрудниками ФСБ России по Тюменской области.

Безусловно, умыслом Виталия Макарова, да и других лиц, действующих аналогично, охватывается осознание факта участия в незаконном вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством Сирийской Арабской Республики. Но не менее очевидно, что все эти субъекты осознают тот факт, что данное формирование является частью такого преступного объединения, как «Исламское государство». При этом они желают участвовать в деятельности данной преступной организации.

Выводы

1. Действия российских граждан, принимающих участие в военном конфликте на территории Сирийской Арабской Республики на стороне «Исламского государства», состава «наёмничество» не образуют ввиду отсутствия объекта и субъекта преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 359 УК РФ.

2. Лица, участвующие в военном конфликте в САР на стороне ИГИЛ, осознают, что входят одно из незаконных вооружённых формирований, действующих в составе террористической организации «Исламское государство». Действуя в составе группы, данные лица совершают преступления

прежде всего против Сирийской Арабской Республики; речь идёт об убийствах, террористических актах и т. п.

3. Сам факт участия в незаконном вооружённом формировании, являющемся структурным подразделением ИГИЛ, причиняет вред интересам России. Поэтому в данном случае речь должна идти о совершении двух преступлений, образующих идеальную совокупность: ч. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ. Несмотря на общность объекта (общественная безопасность) и субъекта преступления (физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста), объективная и субъективная стороны вышеназванных составов преступлений, да и признаки данных преступных объединений несколько разнятся.

Так, деяния российского гражданина в данном случае представляют собой участие в незаконном вооружённом формировании, входящем в состав террористической организации на территории иностранного государства, и действующей в целях, противоречащих интересам России. Умыслом данного лица охватывается осознание факта принадлежности к структурному подразделению террористической организации, действующему в целях противоречащих интересам России и силовыми методами реализующему задачи, которые ставит руководство «Исламского государства».

При этом отдельное незаконное вооружённое формирование в составе ИГИЛ отвечает всем признакам организованной группы, закреплённым в ч. 3 ст. 35 и ст. 208 УК РФ. А ИГИЛ в целом является специальным видом преступной организации – террористической организацией, признаки которой законодателем закреплены в ч. 4 ст. 35 и ст. 205.5 УК РФ.

Совокупность преступлений, которая усматривается в действиях российских граждан, воюющих на стороне ИГИЛ в САР, значительно повышает общественную опасность содеянного. И лишь в случае назначения справедливого и достаточного наказания судом **позволит** предотвратить возможные более тяжкие последствия для безопасности Российской Федерации от дальнейшей аналогичной деятельности этих субъектов, не вставших на путь исправления.

Библиография • References

- Батырь В. А.* Международное гуманитарное право // URL: base.consultant.ru
[*Batyr' V. A.* *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo* // URL: base.consultant.ru]
- Бальестерес Э. Б.* Использование наёмников, как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение // URL: pandia.ru/text/79/479/47995.php
[*Bal'esteres JE. B.* *Ispol'zovanie najomnikov, kak sredstvo narusheniya prav cheloveka i protivodejstvie osushhestvleniju prava narodov na samoopredelenie* // URL: pandia.ru/text/79/479/47995.php]
- Бриллиантов А. В., Долженкова Г. Д., Иванова А. Е.* [и др.]. Комментарий к УК РФ (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова // URL: base.consultant.ru
[*Brilliantov A. V., Dolzhenkova G. D., Ivanova A. E.* [i dr.]. *Kommentarij k UK RF (postatejnyj)* / pod red. A. V. Brilliantova // URL: base.consultant.ru]
- Военная операция России в Сирии // URL: 3mv.ru
[*Voennaja operacija Rossii v Sirii* // URL: 3mv.ru]

- Выступление президента России В. В. Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // URL: kremlin.ru
 [Vystuplenie prezidenta Rossii V. V. Putina na plenarnom zasedanii 70-j sessii General'noj Assamblei OON v N'ju-Jorke // URL: kremlin.ru]
- Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими // URL: nac.gov.ru
 [Edinyj federal'nyj spisok organizacij, v tom chisle inostrannyh i mezhdunarodnyh organizacij, priznannyh sudami Rossijskoj Federacii terroristicheskimi // URL: nac.gov.ru]
- ИГИЛ на коленях // URL: riafan.ru
 [IGIL na kolenjah // URL: riafan.ru]
- Интервью министра иностранных дел России Лаврова С. В. Русской службе новостей 9 июля 2015 г. // URL: rusnovosti.ru hposts/37926
 [Interv'ju ministra inostrannyh del Rossii Lavrova S. V. Russkoj sluzhbe novostej 9 ijulja 2015 g. // URL: rusnovosti.ru hposts/37926]
- Калугин В. Ю. Курс международного гуманитарного права // Тесеј, 2006.
 [Kalugin V. JU. Kurs mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Tesej, 2006.]
- Комментарий к Уголовному кодексу РФ (13-е изд., перераб. и доп.) / отв. ред. В. М. Лебедев // URL: base.consultant.ru
 [Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF (13-e izd., pererab. i dop.) / otv. red. V. M. Lebedev // URL: base.consultant.ru]
- Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) // URL: http://www.kremlin.ru/acts/19653
 [Koncepcija obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 14 nojabrja 2013 g. № Pr-2685) // URL: http://www.kremlin.ru/acts/19653]
- Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 г.). // URL: un.org
 [Mezhdunarodnaja konvencija o bor'be s verbovkoj, ispol'zovaniem, finansirovaniem i obucheniem najomnikov (N'ju-Jork, 4 dekabrja 1989 g.). // URL: un.org]
- Маякова А. С. Уголовно-правовые основы борьбы с организованной преступностью // Обозреватель-Observer. 2011. № 9. С. 60–68.
 [Majakova A. S. Ugolovno-pravovye osnovy bor'by s organizovannoj prestupnost'ju // Obozrevatel'-Observer. 2011. № 9. S. 60–68]
- Осипов К. Л. Ответственность за наёмничество по российскому уголовному законодательству. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук // URL: lawtheses.com
 [Osipov K. L. Otvetstvennost' za najomничество po rossijskomu ugolovnomu zakonodatel'stvu. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk // URL: lawtheses.com]
- Патрушев Н.: «На стороне ИГИЛ воюют более тысячи россиян» // URL: aif.ru
 [Patrushev N.: «Na storone IGIL vojutjut bolee tysjachi rossijan» // URL: aif.ru]
- Попов В. Правовые особенности безвестного отсутствия военнослужащих (К вопросу о понятии военных действий по ст. 45 ГК РФ) // URL: yurclub.ru
 [Popov V. Pravovye osobennosti bezvestnogo otsutstvija voennosluzhashchih (K voprosu o ponjatii voennyh dejstvij po st. 45 GK RF) // URL: yurclub.ru]
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // URL: base.consultant.ru
 [Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 9 fevralja 2012 g. № 1 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestuplenijah terroristicheskoj napravlenosti» // URL: base.consultant.ru]

Приговор от 10 августа 2015 г. № 2-47/2015 по делу № 2-47/2015 // URL: SudAct.ru
[Prigovor ot 10 avgusta 2015 g. № 2-47/2015 po delu № 2-47/2015 // URL: SudAct.ru]

Приговор от 8 августа 2014 г. № 2-13/2014 2-40/2013 по делу № 2-13/2014 // URL: SudAct.ru
[Prigovor ot 8 avgusta 2014 g. № 2-13/2014 2-40/2013 po delu № 2-13/2014 // URL: SudAct.ru]

Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. по делу АКПИ14-1424С // Банк судебных решений Верховного Суда РФ // URL: supcourt.ru
[Reshenie Verhovnogo Suda RF ot 29 dekabrya 2014 g. po delu АКПИ14-1424S // Bank sudebnyh reshenij Verhovnogo Suda RF // URL: supcourt.ru]

Указ Президента РФ от 26 декабря 2014 г. «О военной доктрине РФ» // URL: rusvesna.su
[Ukaz Prezidenta RF ot 26 dekabrya 2014 g. «O voennoj doktrine RF» // URL: rusvesna.su]

Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // URK: base.garant.ru
[Federal'nyj zakon ot 2 nojabrya 2013 g. № 302-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty RF» // URK: base.garant.ru]

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии терроризму» // URL: base.garant.ru
[Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ (red. ot 31 dekabrya 2014 g.) «O protivodejstvii terrorizmu» // URL: base.garant.ru]

Шайдаев М. Ш. К вопросу об обстановке вооружённого конфликта // URL: lawmix.ru
[*Shajdaev M. Sh.* K voprosu ob obstanovke vooruzhjonno konflikta // URL: lawmix.ru]
URL: nac.gov.ru/hpage/4570.html

«Оптимизация» высшего профессионального образования в России

Орест МУШТУК

Удача приходит к тому, кто придумывает собственный метод и верит в него. Кто копирует чьи-то модели, тот обречён на непоследовательность, на «запаздывающую модернизацию».

Ольга Крыштановская

Не секрет, что в 90-е годы прошлого века, впад в «революционный раж», наши либеральные «демиурги – творцы рынка» основательно разрушили не только то, что себя изжило и подлежало ликвидации, но и многое из того, что не утратило жизненной силы, что требовало сохранения и приумножения, наполнения новым содержанием. При этом в очередной раз злую шутку с российской историей сыграла застарелая болезнь отечественной интеллигенции – нетворческое и некритическое отношение к западным идеям и западному опыту. Непонимание того, что законы общественного развития не сродни законам физики или математики, т. е. они не действуют одинаково в любом обществе и при любых обстоятельствах.

Что помимо функциональной составляющей у рынка есть составляющая, обуславливаемая такими понятиями, как «национальный характер», «традиции», «культура», «менталитет», которые измеряются не календарным, а историческим временем. И для того чтобы рыночные механизмы заработали и производили нужные обществу результаты, требуется (в качестве

МУШТУК Орест Захарович – кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии Московского финансово-промышленного университета (МФПУ) «Синергия». *E-mail:* mushtuk@mail.ru

Ключевые слова: система высшего образования, преподавание, бюрократизация, коррупция и непотимз, опорные университеты.

обязательных) их доводка и настройка с учётом именно этого обстоятельства – национального своеобразия той среды, в которой они используются.

В случае когда рыночные механизмы силой государственного принуждения пересаживаются на неадекватную им социокультурную почву, они дают результаты, весьма далёкие от тех, которые производят в «естественных» для них западных условиях.

Нельзя не согласиться с профессором Всероссийской академии внешней торговли Александром Бельчуком, который пишет: «Подобно виноградной лозе, которая будучи перенесена из одной страны в другую, посажена в другую почву и климат, даёт иной виноград и вино, так и заимствованные институты, и нормы очень часто приносят совершенно иные, чем ожидалось, и не всегда хорошие результаты. Несовместимость тканей встречается не только в физиологии...» [1].

Именно поэтому принудительно «вестернизируемая» Россия, вместо того чтобы «насладиться» свободой и демократией, в первое десятилетие своей постсоветской истории погрузилась в социальный хаос и анархию. Как справедливо отмечает этой связи доктор политических наук А. В. Матюхин «либеральная элита с подлинным блеском реализовала первую, деструктивную часть универсальной для анархистов бакунинской максимы – „Разрушай“, правда, не найдя в себе сил (а скорее желания) на осуществление второй её части – „Созидай“» [2]. Произошло беспрецедентное для мирного времени разрушение производительных сил и массовая социальная деградация.

Сказанное в равной мере относится и к системе высшего (да и среднего тоже) образования, где такого рода процессы приняли форму его разрушения, что называется до основания, и замены системой, практически полностью скопированной у Запада в рамках присоединения России к Болонскому процессу. Но весь вопрос в том, можно ли действительно стать лучшим, а стало быть, и конкурентно способным, в ситуации, когда ты занимаешься простым копированием того, что делают другие. Причём делают это давно и высокопрофессионально. Ответ очевидный – нет. Всякая даже

самая совершенная копия всегда хуже оригинала. И любой действующий на рынке образовательных услуг вуз только тогда может добиться конкурентного преимущества, когда обладает неким «эксклюзивом». Выступает в роли новатора, запрограммированного на то, чтобы делать не так, как делают другие, делать лучше других. Является аксиомой: если в одном и том же деле два человека думают и поступают одинаково, то один из них лишний.

В то же время было бы большой глупостью утверждать, что среди российских вузов не было и нет откровенно слабых, на порядок хуже

¹ Бельчук А. Последняя великая иллюзия. Имитируя Запад – Западом не станешь // Независимая газета. 2001. 8 июня.

² Матюхин А. В. Анархизм либеральных реформ в России // Обозреватель–Observer. 2006. № 4. С. 104.

западных. Такие вузы, конечно же, были и есть. И немало. Но при этом были и есть уникальные школы.

По словам ректора ВЭШ Я. Кузьмина, принудительно их подгонять «под чужие образцы настолько же целесообразно, как попытаться перестроить Кремль по образцу Белого дома. Без всякой ломки сложившейся школы дипломы лучших из наших учебных заведений не только признаются за границей, но и почитаются там лучше тамошних. В этой области, как и в любой другой, существует конкуренция, а добровольный отказ от явных конкурентных преимуществ никогда не приводит к успеху» [3].

Уместно в этой связи привести также мнение главы европейского Института демократии и сотрудничества, президента Фронда исторической перспективы Н. Нарочницкой.

Не без основания считая образование чуть ли не единственной сферой, в которой мы были и, может быть, по-прежнему конкурентноспособны, она пишет: «Когда я в 80-е годы работала в секретариате ООН, любой наш троечник по сравнению с коллегами из других стран выглядел корифеем эрудиции. И все поразились системности нашего образования и общему объёму знаний. При нашем отставании в культуре быта и поведения именно образование удерживало от огрубления нравов, которое мы видим сейчас. И поэтому надо было не уничтожать отечественный опыт в образовании, а лелеять его и даже продавать другим» [4].

Неслучайно Дж. Чемберс, председатель Национального консультативного совета по информационным

технологиям США, оценивая нашу систему образования, подчёркивает, что она всегда являлась одним из множества преимуществ, которыми обладает России.

«Это, – по его мнению, – очень эффективная система, которая позволила вашей стране подготовить миллионы прекрасных программистов и инженеров».

И многие из них, добавим от себя, активно работают на в те же США, существенным образом укрепляя их и без того не «хилый» интеллектуальный капитал. Достаточно сказать, что в этой стране сегодня проживают более 16 тыс. докторов наук – выходцев из СССР. Более 3 тыс. бывших советских учёных трудятся в Силиконовой долине.

Вообще же в «смутные» 90-е годы, когда Россия подверглась вселенскому разорению, в западных странах обрели вторую родину десятки тысяч наших выпускников и молодых учёных, которые трудятся там не посудомойками и дворниками, а по специальности. И считаются (в сравнении с «аборигенами») лучшими.

В одном только *Microsoft* более 30% программистов – выпускники российских вузов. Два выпускника Физтеха недавно были удостоены Нобелевской премии. При этом, как признался один из них – Константин Новоселов, такого образования, которое он получил в России, не получишь ни в одном из западных университетов.

Но сказать что-либо подобное о нынешних выпускниках россий-

³ Московский комсомолец. 2007. 15 октября.

⁴ Нарочницкая Н. Нет подражательству. Слепо копировать западный опыт – ошибка // Аргументы и факты. 2011. № 21.

ских вузов, значит погрешить против истины. Правительственный курс на то, чтобы привести отечественную систему высшего образования к «божественным» западным стандартам (исходя из презумпции, что только западное – «хорошо», тогда как всё отечественное – «плохо») дали результаты, прямо противоположные ожидавшимся. Одна из лучших систем подготовки высококлассных специалистов, благодаря которой страна по интеллектуальному потенциалу входила в число мировых лидеров, «приказала долго жить», уступив место системе, которая, будучи построенной на «бездарном подражании и играх в догонялки», «хромает на обе ноги» не только в плане профессионального образования, но и в решении такой стратегически важной для общества и государства задачи, как воспитание будущих специалистов социально и политически просвещёнными и активными гражданами.

По свидетельству HR-директора агентства *Kelly Services* Л. Абгарян, «в нашей стране существует огромный разрыв между системой подготовки специалистов и реальными потребностями современного бизнеса в кадрах. Большинство молодых людей строят свою карьеру после вуза по принципу „где получится, там я и специалист“. Из университета выходит выпускник с дефицитом знаний, слабо представляющий, какую работу ему предстоит выполнять и что от него будет требовать будущий работодатель. В итоге первое реальное знакомство с будущей профессией молодой специалист в особо запущенных случаях может получить лишь через шесть лет после начала обучения» [5].

О крайне низком качестве вузовского образования говорит и кардиохирург с мировым именем, президент Лиги здоровья нации Лео Бокерия: «Перед поступлением в ординатуру Бакулевского центра мы проводим отбор соискателей по системе тестов, разработанных по мировым стандартам в США. И каждый раз выясняется, что какая-то часть дипломированных медиков даже не знает цифр нормального артериального давления» [6].

Имея в виду такое положение дел, в народе с горечью шутят, что не далёк тот час, когда бомж с советским школьным образованием будет умнее, чем нынешние выпускники многих институтов. В стране действительно сложилась парадоксальная ситуация: при обилии людей с дипломами о высшем образовании ощущается острый дефицит работников, квалификация которых была бы совместима с требованиями современной экономики, основанной на знаниях.

Что касается высококвалифицированных рабочих, то этот дефицит ещё острее – в 90-е годы система среднего специального профессионально-технического образования была развалена практически полностью. Prestиж рабочих профессий упал чуть ли не до нулевого уровня. Неудивительно, что в наших СМИ полностью отсутствует сколько-нибудь значимая и регулярно передаваемая гласности информация о жизнедеятельности вчерашнего гегемона – рабочего класса. В этом алгоритме по умолчанию как в зеркале отражается ещё один парадокс: капитал в России есть, а вот наёмных рабочих почему-то нет. Они ку-

⁵ Зайнцев А. Россияне разочарованы своей профессией // Труд. 2010. 22 декабря.

⁶ Аргументы и факты. 2013. № 39.

да-то исчезли, будто за шкаф завалялись или пали в «изнурительных боях за демократию».

По этому поводу член-корреспондент Российской академии образования А. Абрамов пишет, что в стране «катастрофически ускоряется процесс кадровой деградации... Возникла ситуация исторического цейтнота. Либо в ближайшие три-пять лет произойдёт полный кадровый провал во всех сферах, и тогда о глобальных проектах (вхождения России в пятёрку наиболее развитых высокотехнологичных экономик мира. – Авт.) придётся или надолго забыть, либо будет реализована динамичная программа развития человеческого потенциала – процесс, сопоставимый с незаслуженно забытой культурной революцией в СССР» [7].

Переход системы высшего образования в России на новые стандарты, которые отвечают унифицированным требованиям Болонской декларации, отнюдь не значит, что на этом процесс её реформирования по-европейски завершился и наступает время так долго ожидавшихся стабильных и понятных правил игры. На самом деле эти правила, задаваемые Министерством образования и науки РФ, не предполагают «покоя» и ориентированы на то, чтобы «вновь продолжался бой». Теперь уже в форме «оптимизации» системы высшего образования, под которой понимается «укрупнение» вузов (объединение и сокращение численности), создание на этой основе «опорных» университетов в регионах. Это некие образовательные мегаструктуры, которые на самом высоком

уровне станут готовить специалистов и вести научные исследования. Как следует из Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2010 годы, такой процесс оптимизации (заккрытие вузов), начавшийся ещё 2013 г., будет продолжен, и список тех из них, которые будут исключены из реестра лицензий, составит 40% их общей численности и 80% общей численности филиалов*.

В этом списке оказался и Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). МЭСИ канул в Лету – приказом Минобрнауки подвергся «реорганизации» через ликвидацию, вычеркнут из списка государственных вузов страны и присоединён к Российскому экономическому университету (РЭУ) им. Г. В. Плеханова.

Обидно, ибо такой участи МЭСИ и его профессорско-преподавательский состав не заслужили. И представлять дело таким образом, что эта реорганизация проведена исключительно в качестве реакции на настойчивые «просьбы трудящихся» (а именно в этом пытаются убедить общественность наши топ-менеджеры от образования, ссылаясь на принятие соответствующих обращений учёных советов этих двух вузов, а также аналогичные обращения со стороны их профсоюзных комитетов), значит смешить народ похлеце юмористов-профессионалов. На самом деле мнением профессорско-преподавательского состава МЭСИ–

⁷ URL: <http://newsland.com/news/detail/id/121677>

* По сообщению пресс-службы Рособнадзора 15 января текущего года это ведомство приостановило государственную аккредитацию ещё 14 вузов, в семи запрещён приём абитуриентов (<https://news.mail.ru/society/24537351/?frommail=1>).

основной жертвы объединения в форме поглощения – никто не интересовался. Принятое решение было чисто силовым, а вот его реальная мотивация до сих пор неизвестна. И вряд ли будет озвучена в ближайшее время*.

Ясно одно – данное решение не связано с обвинениями в неэффективности МЭСИ как высшего учебного заведения – таких обвинений вслух никто официально не предъявлял и вряд ли сможет предъявить. А ведь именно под этим соусом Министерство образования и науки уже не первый год закрывает многие вузы, причём не только те, которые заслуживают закрытия – «шарашкины конторы», появившиеся в России после августа 1991 г. и де-факто занимавшиеся торговлей дипломами с лицензиями тех властных структур, которые их сегодня закрывают**.

Беда в том, что под нож попадают также старые «брендовые» государственные вузы, одним из которых и являлся МЭСИ. Созданный в далёком 1932 г., институт никогда не числился в числе отстающих, а по такому показателю, как тотальная компьютеризация учебного процесса с использованием самых современных информационных техно-

логий, ещё вчера был в числе признанных лидеров.

Может, не так уж далёк от истины зампредседателя научного совета РАН А. Володарский, который видит разгадку этой загадки (когда в списках неэффективных раз за разом оказываются известные и солидные вузы, а «будки» по продаже «корочек» как торговали ими, так и торгуют) в том, что «чиновники Рособнадзора под благим предлогом закрыть вузы-помойки душат те вузы, которые „заказали“ конкуренты. Если вуз „заказали“, то будь вы хоть семи пядей во лбу, хоть нобелевских лауреатов выпускайте, найдут к чему придрататься» [8].

Если это на самом деле так, то впору говорить о новой разновидности рейдерства в России, а именно «образовательном рейдерстве». Неслучайно в среде творческой интеллигенции шутят, что наименее эффективные вузы России – это те, которые обладают самыми лучшими зданиями, находящимися в центре города (федеральной или региональной столицы). И для них последствия чиновничьего вердикта о неэффективности выражаются в тех вариантах, которые волк готов был предложить Красной Шапочке: то ли слияние, то ли поглощение.

⁸ Цит. по: *Борта Ю.* Коррупция в законе. Чиновники обогащаются на проверках вузов? // Аргументы и факты. 2015. № 36.

* Говоря о преподавателях МЭСИ как об основной жертве «оптимизации» через ликвидацию автор имеет в виду прежде всего дискомфорт от распада трудового коллектива и необходимость ресоциализации, т. е. усвоения каждым на новом рабочем месте принятых там правил и норм поведения взамен утраченных старых. Это очень сложный процесс превращения «чужого» в «своего» среди своих.

** Таких «шарашкиных контор» действительно хватает. А что касается классического юридического образования, то сегодня его в стране, по свидетельству председателя Ассоциации юристов России И. Маньлова, «способны давать не более 150 образовательных организаций, а присутствует оно более чем в 1000 вузах и филиалах» (<http://www.ucheba.ru/article/2037>).

Как уже отмечалось, укрупнение одних вузов за счёт поглощения других преподносится Минобразования и науки как дело исключительно благое, в результате чего в регионах появятся опорные мегауниверситеты, которые будут готовить специалистов и вести научные исследования на самом высоком мировом уровне. Если следовать этой логике, то подобную оптимизацию пора распространять и на нашу власть, далёкую от того, чтобы претендовать на звание высокопрофессиональной технократически легитимной власти – путём слияния ныне действующих правительственных структур создавать мегаминистерства и ведомства, сократив тем самым до рационального минимума их количество и занятое в них чиновничье сословие.

К примеру, «реорганизовать» Минобразования и науки, присоединив его к Минкультуры, учитывая, что и образование, и наука являются институтами культуры. Тем более что с 1 января 2016 г. вступил в силу Указ Президента России об очередном сокращении чиновничьего аппарата на 10%.

На самом деле уровень эффективности того или иного образовательного (как и любого другого) учреждения лишь отчасти зависит от его размеров (масштабов). Ключевой же фактор – это качество персонала, которое детерминируется такими факторами, как рациональным образом организованные условия труда, достойная заработная плата, реальные социальные льготы и пр. В своём Послании Федеральному Собранию России (3 декабря 2015 г.) В. В. Путин подчеркнул, что для повышения

качества школьного образования, «нужна профессиональная, мотивированная работа учителя, прорывные новые обучающие технологии» [9]. Сказанное в такой же (если не в большей) мере касается и вузовских преподавателей, социальный статус которых в «капиталистической» России низведён до положения «интеллектуальных крепостных», а социальный престиж профессии практически упал ниже плинтуса.

Первым указом Б. Ельцина в ипостаси президента был Указ № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР», в котором, в частности, говорилось о том, что уровень заработной платы профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений должен в два раза превышать уровень средней заработной платы в промышленности РСФСР.

С тех пор прошло почти четверть века, однако воз и ныне там. За редким исключением региональные вузы платят своим штатным преподавателям зарплату в лучшем случае в 20–25 тыс. руб., что почти на треть меньше средней по стране (34 тыс. руб. в 2015 г.).

Такая же ситуация и в Москве. Хотя здесь средняя вузовская зарплата почти вдвое выше региональной (35–40 тыс.), она также на треть меньше среднегородской (60 тыс. руб.).

Получается, что при такой зарплате преподаватели в России – это в массе своей либо «некачественные педагоги», либо «многостаночники», бегающие по разным вузам, либо вообще мздоимцы. Именно такой вердикт вынес глава Минобрнауки Д. Лива-

⁹ <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

нов тем из них, кто получает 20–30 тыс. руб., т. е. абсолютному большинству. Что касается ректоров вузов и их заместителей, чья зарплата исчисляется миллионами (за 2014 г. доход, превышающий 10 млн руб., получили 47 ректоров), то они в эту классификацию не вписываются. Такой, сродни пропасти, разрыв в материальном обеспечении профессорско-преподавательский состав (ППС) и вузовского руководства не имеет под собой реальных оснований и представляется как вопиющее проявление социальной несправедливости и неравенства, за версту отдающее душком коррупции [10].

Теперь о преподавателях-мздоимцах. Они в российских вузах, конечно же, есть. И было бы удивительно, если бы их там не было. Связанные с необходимостью преодоления коррупцированности государственного аппарата слова В. В. Путина о том, что «общество должно понять, что лучше чиновникам платить приличные деньги, но требовать от них честного исполнения своих обязанностей, чем держать на нищенском пайке и как бы подталкивать к коррупционной деятельности» [11], в полной мере применимы и к вузовским работникам.

В то же время было бы ошибкой утверждать, что низовая коррупция в вузах (т. е. мздоимство среди профессорско-преподавательского состава) зашкаливает. На самом деле никакой массовости здесь нет. Число уличённых во взяточничестве преподавателей вписывается в поговорку «в семье не без урода» и измеряется не сотнями, и даже не десятками,

а единицами. Если уж говорить о коррупции в образовании как о широкомасштабном явлении, то речь следует вести о коррупции макросистемы, верхушки, которая связана как со злоупотреблением служебным положением и незаконным обогащением вузовского руководства, так и с «откатными» технологиями при решении вопросов лицензирования, аттестации и государственной аккредитации высшего учебного заведения уполномоченными на то властными органами.

Неслучайно инфраструктура вузов, подвергающаяся сегодня радикальной санации, не знала (и не знает) ни одного учебного заведения, которое работало бы нелегально. Даже те из них, которые только торговали дипломами и не давали реального образования, «трудились» вполне легально, имея на руках все необходимые разрешительные документы Министерства образования и науки и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. Поэтому алгоритм их нынешней зачистки этими органами вполне укладывается в максимум: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Сказанное в равной мере касается и такой широкораспространённой формы коррупции, как nepotизм – «приватизация» многих государственных вузов семейными кланами и превращение управления ими (построенное исключительно на кровном, а также связанном семейно-брачными отношениями родстве и кумовстве) в высокодоходный бизнес. Вряд ли следует доказывать, что такая «приватизация» не имела бы

¹⁰ <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

¹¹ <http://www.aif.ru/polotocs/wotld/2083>

места, если бы на неё не давали добро (разумеется, не бескорыстно, а за кучу золота, на которое можно купить много всякого добра) те, кто должен был по долгу службы её пресекать.

Платят как ослу, а работать заставляют как лошадь – это о высоком уровне эксплуатации рабочей силы в постсоветской России, что вполне применимо и к высшей школе. В течение года преподаватель должен выработать ни много ни мало, а целых 1512 часов, из которых не менее 60% в аудитории. А это (в зависимости от должности и учёной степени) от 700 до 900 час. По отношению к этой нагрузке действует принцип эгалитаризма, т. е. все кафедры равны, что особенно напрягает обществоведческие кафедры, у которых все часы «горловые» (только лекции, семинары и контрольные итоговые мероприятия). И для того чтобы набрать годовую норму, преподаватели-обществоведы буквально не вылезают из аудитории.

Весьма велики трудозатраты ППС в учебно-методической работе, учитывая, что именно в этой области «креативность» чиновников от образования зашкаливает. Особо много времени уходит на написание и ежегодное обновление (согласно всё новым вводным из Минобрнауки) рабочих программ дисциплин и фондов оценочных средств, где требуется расписать каждое занятие, что называется от А до Я, в том числе через призму общекультурных, профессиональных и других компетенций, которые должны формироваться при изучении той или иной конкретной темы.

При этом, что интересно, в Федеральных государственных образова-

тельных стандартах изучение социально-гуманитарных дисциплин (философии, социологии, политологии и др.) студентами разных специальностей должно сформировать у них не одни и те же, а разные общекультурные компетенции (у юристов – одни, у менеджеров – другие, у маркетологов – третьи).

Такая дифференциация – очевидный нонсенс. На самом деле эти компетенции должны быть одинаковыми для всех студентов (вне зависимости от избранной специальности) и сводиться к необходимости формировать у каждого:

- способность быть человеком, т. е. быть тем, кто «живёт не хлебом единым», кто стремится возвыситься над своей биологической природой в качестве всесторонне (социально и духовно) развитой личности, запрограммированной на то, чтобы творить добро и дарить радость людям;

- способность быть гражданином, т. е. быть тем, кто не довольствуется ролью апатичного обывателя, а позиционирует себя как социально и политически активную личность, патриота своей страны, стремящегося своими действиями служить её интересам, разделять вместе с другими ответственность за её судьбу.

Формирование этих качеств сегодня актуально как никогда раньше, учитывая, что в результате разнужданной десоциализации и капитализации России человек как существо духовное у нас заметно потеснён человеком как существом биологическим, чья жизнедеятельность во всех её формах и проявлениях мотивируется только и исключительно потребительскими инстинктами и рефлексам.

Второй фактор – массивированный прессинг России со стороны США и их союзников по НАТО с тем, чтобы «„задвинуть“ её, ослабить её геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности» [12]. Это и широкомасштабная экспансия массовой кич-культуры с целью «перформативировать» нашу молодёжь, сменить в её сознании систему базовых ценностей и идеалов, деруссифицировать и превратить в лишённых чувства родины космополитов.

Выступая на съезде Российского союза ректоров 30 октября 2014 г. президент России В. В. Путин особо подчеркнул: «Нам нужны люди со специальными знаниями и навыками. Но если мы не сможем воспитать человека с широкими, глубокими, всеобъемлющими, объективными знаниями в гуманитарной сфере, если мы не воспитаем человека самодостаточного, но осознающего себя частью большой великой многонациональной и многоконфессиональной общности, если мы этого не сделаем, у нас с вами не будет страны. Чрезвычайно важная задача стоит перед вами в гуманитарной сфере» [13].

Однако реализация этой задачи возможна только тогда, когда Министерство образования и науки РФ приостановит и обратит вспять дегуманитаризацию высшего образования – из учебных планов по негуманитарным специальностям перестанут вымывать или купировать до

неприличия преподавание таких ключевых для формирования социального интеллекта и духовной культуры личности дисциплин, как философия, социология, политология и др. Пора, наконец, осознать, что без глубоких социально-гуманитарных знаний нет и не может быть полноценной личности, а в конечном счёте и хорошего общества.

Ещё одна важная составляющая годовой нагрузки преподавателя – научно-исследовательская работа: в течение года он обязан опубликовать не менее 2–3 научных статей в журналах ВАК и 3–4 в других изданиях, в том числе в форме научных докладов на конференциях, а также иметь достаточный индекс цитирования, величина которого определяется количеством ссылок на публикации или на его фамилию как автора в других источниках. «Недобор» в публикациях и индексе цитирования грозит экономическими санкциями – «битьё рублём» (могут понизить профессиональную квалификационную группу и тем самым уменьшить заработную плату, лишить стимулирующих надбавок и др.).

При этом в отличие от советского времени, когда за публикацию своих работ во внешних издательствах преподаватель получал приличные гонорары, сегодня он это вынужден делать за собственные деньги*. Появились десятки всякого рода «научных» и «издательских» центров, которые

¹² Путин В. В. Россия и меняющийся мир // URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

¹³ <http://kremlin.ru/news/46892>

* Автор этих строк до сих помнит свой первый крупный гонорар (чуть ли не 200 рублей), который получил за публикацию статьи «Республика Берг Слоновой Кости: формирование пролетариата» в академическом научном журнале «Рабочий класс и современный мир». 1979. № 3 (ныне журнал ПОЛИС).

занимаются бизнесом на вузовской науке. На мой электронный адрес ежедневно приходит до 5–7 предложений опубликоваться с расценками от 150–200 руб. за страницу доклада на научной конференции в России до 1–2 тыс. евро за статью в зарубежных журналах, входящих в международную базу цитирования *Scopus*.

В качестве примера привожу расценки издательского дома «Научное обозрение» за публикацию статьи в США: перевод – 700 руб. /1800 знаков; 2 рецензии – 5000 руб.; публикационная плата – 850 долл. (электронная версия статьи); доплата за печатный экземпляр журнала – 260 долл.; макетирование и оформление статьи, ссылок, списка литературы по требованиям журнала – 5000 руб. Срок публикации – 2 месяца.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что, когда преподаватель, как раб на галерах, ежедневно пашет в аудитории и корпит не покладая рук над ФОСами, РПД и другими учебно-методическими материалами, когда мотивацией для него в области НИР является угрожающая экономическими санкциями «обязаловка», а не материальные стимулы, когда внешняя публикация научных работ так или иначе отягощает его семейный бюджет, ни о какой серьёзной вузовской науке речи быть не может. Речь можно вести только

и исключительно об её имитации. Это означает, что «мозги» России по-прежнему будут утекать и пребывать за её пределами, а министр образования и науки будет ездить по западным странам для заключения с ними (российскими научными диаспорами) соглашения о научно-техническом сотрудничестве, как это было сделано Д. Ливановым в ноябре прошлого года в Вашингтоне. И высказанный им во время своего выступления в одном из ведущих американских исследовательских центров по России – Институте Кеннана, тезис, о том, что «наша наука будет активно, динамично развиваться только при условии их (русских учёных за пределами страны. – *Авт.*) максимального вовлечения в то, что происходит в России» [14], имеет примерно такие же шансы на успех, как и объявленная в 2014 г. и продлённая ещё на полгода в 2016 г. амнистия капиталов.

Следует особо подчеркнуть: нежелание русских «учёных-изгоев» возвращаться на Родину связано не только и даже не столько с финансированием (им государство готово платить чуть ли не по мировым стандартам)*, отпугивает запредельная бюрократическая регламентация образования и науки, фантазмагорическая по объёму и абсурдности отчётность (работа

¹⁴ <https://news.mail.ru/politics/23891874/?frommail=1>

* Уровень зарплаты работающих в России иностранных граждан в несколько раз выше, чем у российских учёных. К примеру, в 2014 г. в Томском политехническом университете, получающем дополнительное финансирование в качестве опорного вуза на повышения конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, иностранные научные работники получали в месяц 380,4 тыс. руб., а российские только 98,8 тыс. Интересно почему? Неужели иностранные учёные чуть ли не в четыре раза умнее российских? Такое уничижительное противопоставление зарубежным коллегам – самая настоящая финансовая дискриминация, смотрится как преднамеренное вредительство и несёт в себе опасный для общества и государства отрицательный социальный заряд, стимулирует накопление недовольства и рост протестных настроений.

на корзину), которая никому, кроме чиновников для имитации бурной деятельности, называемой «реформой образования и науки», не нужна [15].

Пример абсурдности требований, которые выдвигают чиновники к академическим институтам, достойный рубрики «нарочно не придумаешь», приводит академик С. Рогов: «Такого количества предписаний, – возмущается он, – не было даже в СССР. Мы всё время заполняем какие-то таблицы, простыни. От меня, например, требуют количество патентов. Они хотя бы подумали – ну что можно запатентовать в Институте США и Канады? Способ как лучше обругать американский империализм? Способ вообще закрыть Америку? Раньше никому в голову не могло прийти оценивать нашу работу по патентам. А для чиновника-бюрократа – это традиционный способ мышления: поставь всех в шеренгу, ранжируй под одну гребёнку, лычки раздавай» [16].

Выступая на Гайдаровском форуме в январе этого года, глава Сбербанка и экс-министр экономического развития Г. Греф вынес России ужасный приговор, считая, что страна проиграла конкуренцию в мире по адаптации своей экономики к новой реальности и оказалась в списке стран-дауншифтеров.

При этом он особо подчеркнул: «Самый страшный наш экспорт, и самый большой наш экспорт, который надо остановить, – это „экспорт мозгов“».

Мы не считаем, сколько мы экспортируем в год, но это, я боюсь, по объёму потерь самое большое количество того, чего мы экспортируем. Экспортируем безвозвратно, к сожалению» [17]. И несмотря на создание амбициозных инновационных научно-технологических центров типа «Сколково», многие учёные, как и в нише 90-е годы, по-прежнему выстраиваются в очереди, чтобы уехать за границу.

Виновник этого ужасного безвозвратного экспорта государство – Левиафан – в лице не в меру «креативной» (со знаком минус) бюрократии, которая, вместо того чтобы служить обществу, подминает его под себя, безапелляционно (силой государственного принуждения) навязывает ему свою волю. Между тем самый элементарный здравый смысл подсказывает, что развивать и повышать качество образования и науки должны те, кто профессионально ими занимаются, т. е. работники вузов и академических институтов, а не чиновники, многие из которых (если не большинство) никогда не работали в этих сферах и являются дилетантами. Здесь правилом должна стать формула: не наука и образование для чиновников, а чиновники для науки и образования. И отношения с вузами и институтами РАН должны строиться на их максимальной самостоятельности и доверии со стороны государства, а не на запредельной бюрократической регламентации и бесчисленных проверках с подозрениями в «нерадивости» и «безответственности».

¹⁵ Сатановский Е. Интересное время. В чём мы живём. И почему не может быть иначе // Московский комсомолец. 2014. 17 ноября

¹⁶ Цит. по: Бькова М. Кровотокающая РАН. Академики признали Россию асоциальным государством и подготовили план противодействия ФАНО // Московский комсомолец. 2015. 2 декабря.

¹⁷ <https://news.mail.ru/economics/24537936/?frommail=1>

Библиография • References

- Бельчук А.* Последняя великая иллюзия. Имитируя Запад – Западом не станешь // Независимая газета. 2001. 8 июня
 [Bel'chuk A. Poslednjaja velikaja illjuzija. Imitiruja Zapad – Zapadom ne stanesh' // Nezavisimaja gazeta. 2001. 8 ijunja]
- Борта Ю.* Коррупция в законе. Чиновники обогащаются на проверках вузов? // Аргументы и факты. 2015. № 36.
 [Borta JU. Korrupcija v zakone. Chinovniki obogashhajutsja na proverkah vuzov? // Argumenty i fakty. 2015. № 36]
- Быкова М.* Кровотоочащая РАН. Академики признали Россию асоциальным государством и подготовили план противодействия ФАНО // Московский комсомолец. 2015. 2 декабря.
 [Bykova M. Krovotochashhaja RAN. Akademiki priznali Rossiju asocial'nym gosudarstvom i podgotovili plan protivodejstvija FANO // Moskovskij komsomolec. 2015. 2 dekabrja]
- Зайниев А.* Россияне разочарованы своей профессией. // Труд. 2010. 22 декабря
 [Zajniev A. Rossijane razocharovanu svoej professiej // Trud. 2010. 22 dekabrja]
- Нарочницкая Н.* Нет подражательству. Слепо копировать западный опыт – ошибка // Аргументы и факты. 2011. № 21.
 [Narochnickaja N. Net podrazhatel'stvu. Slepo kopirovat' zapadnyj opyt – oshibka // Argumenty i fakty. 2011. № 21]
- Матюхин А. В.* Анархизм либеральных реформ в России // Обозреватель-Observer. 2006. № 4. С. 101–111.
 [Matyuhin A. V. Anarhizm liberal'nyh reform v Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2006. № 4. S. 101–111]
- Путин В. В.* Россия и меняющийся мир // URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>
 [Putin V. V. Rossija i menjajushhij mir // URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>]
- Сатановский Е.* Интересное время. В чём мы живём. И почему не может быть иначе // Московский комсомолец. 2014. 17 ноября.
 [Satanovskij E. Interesnoe vremja. V chem my zhivem. I pochemu ne mozhet byt' inache // Moskovskij komsomolec. 2014. 17 nojabrja]
- Аргументы и факты. 2013. № 39.
 [Argumenty i fakty. 2013. № 39]
- Московский комсомолец. 2007. 15 октября.
 [Moskovskij komsomolec. 2007. 15 oktjabrja]
- Московский комсомолец. 2003. 11 февраля.
 [Moskovskij komsomolec. 2003. 11 fevralja]
- <http://www.aif.ru/politics/world/2083>
http://www.compromat.ru/page_35754.htm
<http://kremlin.ru/news/46892>
<http://kremlin.ru/events/president/news/50864>
<https://news.mail.ru/economics/24537936/?frommail=1>
<https://news.mail.ru/politics/23891874/?frommail=1>
<https://news.mail.ru/society/24537351/?frommail=1>
<http://newsland.com/news/detail/id/121677/>
<http://www.uceba.ru/article/2037>

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

16+

Political sciences

Transitological concept in political science discourse. Theoretical analysis

6

V. Egorov, Ch. Hugaev

The article reveals state of the scientific debate about the concept of transitology. Authors draw attention to the need of adjusting this theoretical presentation based on the irrelevance of the liberal-democratic and universal historical and cultural context of a democratic perspective.

About the author: EGOROV Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Economics, professor. First Deputy Director of the CIS Institute, Professor of REA named after G. V. Plekhanov.

HUGAEV Chermen V. – Applicant of Moscow State Regional University.

Key words: democracy, democratic transition, the wave of democratization, liberal democracy.

Russian-Turkish Relations in Light of Syrian Crisis

25

V. Evseev, D. Kharitonova

The article describes some historical prerequisites of Russian-Turkish contradictions, the foreign policy conception of Ahmet Davutoglu, the present Prime Minister of Turkey and formerly indicated National Pact, which still marks the possible frontier of the Republic of Turkey. The author shows the recent Russian-Turkish history. The author gave particular attention to present contradictions between Moscow and Ankara in light of Syrian crisis. On the ground of this it was drawn an inference

that it is difficult to expect the better Russian-Turkish cooperation in the near future in the context of our politic, military and economic confrontation.

About the author: EVSEEV Vladimir V. – Candidate of Technical Sciences, Senior Research Fellow, Head of the Division of Eurasian Integration and Shanghai Cooperation Organization Extension, Institute of Commonwealth Countries. *E-mail:* vlad.evseev@gmail.com; *SPIN:* 3792-0060.

KHARITONOVA Daria V. – Research Fellow of the Division of Eurasian Integration and Shanghai Cooperation Organization Extension, Institute of Commonwealth Countries. She is Postgraduate Student of the Department of Political Science and Law, Moscow Regional State University. *E-mail:* dariahar09@gmail.com; *SPIN:* 7555-4681.

Key words: Crimean Tatars, Kurdish problem, National Pact, Russian-Turkish contradictions, Syrian crisis.

Financial sources of international terrorism and its threat to the national security of Russia. The policy of international terrorist movement towards Russia (Part 2)

41

E. Biryukov

Modern strategies of Wahhabi movement expansion and its policy towards Russia are considered. The policy of Wahhabism towards Crimea, Tatarstan and other regions of Russia is shown. The data on external funding of Wahhabi movement in Russia is given.

About the author: BIRYUKOV Evgeny S. – PhD. (Econ.), Senior Researcher, Russian Institute of Strategic Studies. *E-mail:* biryukov_e@mail.ru; *SPIN:* 4682-1138.

Key words: terrorism, Salafism, Islamic State

Russia – China – Central Asia. Measurements of the transport and energy interests

56

S. Luzyanin, N. Semenova

This article analyzes the problems of development of the transport and energy corridors in Central Asia within the framework of the Chinese project “One Belt–One Way”. Particular attention is paid to the problems and contradictions in the energy and transport sectors, Russia’s interests.

About the authors: LUZYANIN Sergey G. – Doctor of Historical Sciences, professor of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Acting Director of the Institute of Far Eastern Studies (Russian Academy of Sciences, Moscow). *E-mail:* lousianin@ifes-ras.ru; *SPIN:* 2864-9951.

SEMENOVA Nelli K. – researcher, Center for Energy and Transport Research, Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences, Moscow). *E-mail:* semenovanelli-2011@mail.ru; *SPIN:* 1136-3359.

Key words: Russia, China, Central Asia, energy cooperation, transport routes, security, terrorism, Silk Road.

Prospects of “Smart power” in world politics (Part 2) 67

M. Neimark

The article is devoted to the “smart power” of soft influence in world politics. The author analyses the evolution of J. Ney strategic concept of the XXI century’s global changes.

About the author: Neimark Mark – Doctor of the Historical Science, Professor of the Department Of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation. *E-mail:* mark.neimark@mail.ru

Key words: Soft Power, Hard Power, Smart Power, Geopolitics, Contextual Approach.

Domestic partogeneza: status and development 78

E. Shaposhnikova

The paper studies the current state of the party system in Russia in the framework of socio-political transformation of society. The author considers the changes in the political views of researchers at the Institute of political parties and its place in the political system.

About the author: SHAPOSHNIKOVA Evgeniya A. – Candidate of Political Sciences Ryazan State University named after S. A. Esenin. *E-mail:* Shaposhnikova-ea@yandex.ru

Key words: party, society, partogeneza, the state, society.

Political culture of the Russian youth 84

V. Sushko

The article discusses the concept of political culture, modern approaches to this phenomenon, highlights the role of today’s youth in the political life of the country, provides data of a pilot study of students’ attitudes toward politics; the methods that forming modern youth political consciousness are described.

About the author: SUSHKO Valentina A. – PhD of Sociological Science. Associate Professor, Associate head of the department of Sociological Research Methodology Lomonosov Moscow State University. *E-mail:* valentina.sushko@gmail.com

Key words: political culture, political consciousness, civic awareness.

Law

Qualification of criminal actions of the Russian citizens who are fighting on the side of DAISH 93

A. Mayakova

Author attempted to draw attention to the problems of qualification of criminal actions of members of DAISH in Russian criminal legislation.

About the author: MAYAKOVA Anastasia S. – Associate Professor of Criminal Law of the Russian Customs Academy, Ph.D., associate professor. *E-mail:* mayakov25@list.ru.

Key words: illegal armed group; terrorist organization; mercenarism; the problems of the qualification; DAISH.

Scientific life

On the question of “optimization” of higher professional Education in Russia

110

O. Mushtuk

The article by Professor Mushtuk O. Z. deals with the problems of higher education in the Russian Federation related to the next stage of its reform of the infinite, referred to as “optimization”. This is the target program “consolidation” of some universities due to the absorption of others, and on this basis to create a so-called “support” of universities in the regions – some megastructures education that will prepare professionals and conduct research at the highest level.

About the author: Mushtuk Orest Z. – Head. Department of Political Science, Moscow Financial-Industrial University “Synergy” Professor. *E-mail:* Mushtuk@mail.ru

Key words: The higher education system. The Ministry of Education and Science. Teaching work. Prohibitive bureaucratization. “Cowboy’s office”. Corruption and nepotism. Optimization. Consolidation through absorption. Supporting universities

Requirements for materials, submitted to the editorial board “Обозреватель–Observer”

The article is sent to the editor with a cover letter by e-mail: observer@ru.ru; observer-rau@yandex.ru.

The total volume of the material is up to 20–25 thousand characters with spaces. Authors need to pay attention to compliance with the Russian language.

The text is given in a 14 size of type with 1.5 line spacing and should be structured (i.e. have sections).

References to sources are to be provided in Arabic numerals in square brackets, with continuous numbering, output data, page indication and is to be marked page-by-page. At the end of the article all references are grouped in alphabetical order (in Russian, then in foreign languages) specifying the output data (place of publication, publisher, year of publication, the total number of pages) and placed without numbering. Sources in the bibliography are given as well in Latin under the Russian title.

Foreign sources are indicated in the original language with the output data.

It is necessary to indicate the Universal Decimal Classification and to apply an abstract to the article (not more than 300–500 characters), keywords and brief information about the author (surname, name and patronymic, academic degree, the other title, place of employment, position and contact numbers, SPIN-code), the title of the article. All information – in English and Russian languages.

All text materials should be sent in a single file.

Drawings, graphs, charts are to be provided in JPG or EPS files separately.

As the accompanying documents, the author makes an extract from the decision of the department (scientific division), where the work, containing the recommendation to the article for the publication in the journal. Statement is to be signed by the head of the department (the head of the scientific department) or his deputy and certified by the signature of the corresponding division.

Author of the article is to provide a review made out and certified by the expert – the doctor of sciences, containing recommendation for the publication of the article in the journal.

The originals of the accompanying documents in case of publication of the article must be submitted to the editors.

Requirements for materials are published on the site:

<http://observer.materik.ru>

**For more details see website
of the Higher Attestation Commission:**

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2016 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: г. Москва, 119180, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.

Тел.: (499) 799-80-76.

E-mail: observer@ru.ru; observer-rau@yandex.ru.

Электронная версия: <http://observer.materik.ru>.

Подписано в печать 19.02.16. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 8. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Наша Типография».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 45. Заказ № 242.